

Чарльз Букowski

ХЛЕБ С ВЕТЧИНОЙ

Annotation

«Хлеб с ветчиной» - самый проникновенный роман Буковски. Подобно "Приключениям Гекльберри Финна" и "Ловцу во ржи", он написан с точки зрения впечатлительного ребенка, имеющего дело с двуличием, претенциозностью и тщеславием взрослого мира. Ребенка, постепенно открывающего для себя алкоголь и женщин, азартные игры и мордобой, Д.Г. Лоуренса и Хемингуэя, Тургенева и Достоевского.

- [ХЛЕБ С ВЕТЧИНОЙ](#)

- [От автора](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)

- [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
 - [56](#)
 - [57](#)
 - [58](#)
-

ХЛЕБ С ВЕТЧИНОЙ

Чарльз Буковски

Всем отцам посвящается

От автора

Август 8, 1981

Моей писаниной заинтересовались итальянцы. Марко Феррери закончил фильм по книге «Истории обыкновенного безумия». Чинаски играет Бен Газзара. Несколько сцен они снимали в Калифорнии в Венеции. Я выпивал с Феррери и Беном — приличные парни.

Но это все в прошлом, это позади. Впереди роман — «Хлеб с ветчиной», 244 страницы. Книга начинается с того момента, как я себя помню, и заканчивается бомбежкой Перл Харбора. (Тогда казалось, что Япония обязательно победит...) Желательно управиться за пару недель.

А потом на скачки...

Август 6, 1982

«Хлеб с ветчиной» вышел. Теперь ты можешь узнать, почему я готов поставить на кого угодно, кроме людского племени.

Моё первое воспоминание — я сижу под столом. Вокруг меня ноги людей попеременно с ножками стола, бахрома свисающей скатерти. Темно, и мне нравится сидеть под столом. Это было в Германии в 1922 году, мне тогда шел второй год. Под столом я себя чувствовал превосходно. Казалось, никто не знает, где я нахожусь. Я наблюдал за солнечным лучиком, который странствовал по половику и ногам людей. Мне нравился этот «странник». Ноги людей были мало интересны, по крайней мере, не так, как свисающая скатерть, или ножки стола, или солнечный лучик.

Потом провал... и рождественская елка. Свечи. На ветках маленькие птички с крохотными ягодными веточками в клювиках, на макушке — звезда. Двое взрослых орут и дерутся, потом садятся и едят, всегда эти взрослые едят. И я ем тоже. Моя ложка устроена таким образом, что если я хочу есть, то мне приходится поднимать ее правой рукой. Как только я пробую орудовать левой, ложка проскакивает мимо рта. Но мне все равно хочется поднимать ложку левой.

Двое взрослых: один, что покрупнее, — с вьющимися волосами, большим носом, огромным ртом и густыми бровями; он всегда выглядел сердитым и часто кричал; другая, что помельче, — тихая, с круглым бледным лицом и большими глазами. Я боялся обоих. Иногда появлялась и третья — жирная старуха в платье с кружевным воротником. Еще помню огромную брошь на ее груди и множество волосатых бородавок на лице. Первые двое звали ее «Эмили». Собравшись втроем, они плохо ладили. Эмили — моя бабушка по линии отца. Отца звали Генри, мать — Катарина. Я никогда не обращался к ним по имени. Я был Генри-младший. Все эти люди говорили на немецком, то же пытался делать и я.

Первые слова, которые я помню, были слова моей бабушки, произнесенные за обеденным столом. «Я всех вас похороню!» — заявила она, перед тем как мы взяли свои ложки. Эмили неизменно повторяла эту фразу, когда семья садилась за стол. Вообще, казалось, что нет ничего важнее еды. По воскресным дням мы ели картофельное пюре с мясной подливкой. По будням — ростбиф, колбасу, кислую капусту, зеленый горошек, ревень, морковь, шпинат, бобы, курятину, фрикадельки со спагетти, иногда попеременно с равиоли; еще был вареный лук, спаржа и каждое воскресенье — земляника с ванильным мороженым. За завтраком мы потребляли французские гренки с сосисками либо лепешки или вафли с

беконом и омлетом. И всегда кофе. Но что я помню лучше всего, так это картофельное пюре с мясной подливкой и бабушку Эмили со своим «я всех вас похороню!»

После того как мы перебрались в Америку, бабушка часто приходила к нам в гости, добираясь из Пасадены в Лос-Анджелес на красном трамвае. Мы же изредка навещали ее на своем «форде».

Мне нравился дом моей бабушки. Маленькое строение в тени перечных зарослей. Эмили держала множество канареек в разновеликих клетках. Один наш визит я помню особенно хорошо. В тот вечер бабушка накрыла все свои клетки белыми капотами, чтобы птицы заткнулись. Взрослые уселись в кресла и повели разговор. В комнате было пианино, я примостился у инструмента и, ударяя по клавишам, вслушивался в раздающиеся звуки. Больше всего мне нравились крайние клавиши верхнего регистра — их звуки походили на удары кусочков льда друг о друга.

— Скоро ты прекратишь это? — рявкнул отец.

— Пусть мальчик поиграет, — заступилась бабушка. Моя мать лишь улыбнулась.

— Этот карапуз, — поведала всем бабушка, — когда я попыталась вытянуть его из кровати, чтобы поцеловать, ударил меня по носу! Они снова заговорили о своем, а я продолжил играть на пианино.

— Почему ты не настроишь инструмент? — нервничал отец. Потом меня позвали навестить моего дедушку. Он не жил с бабушкой. Мне говорили, что дедушка плохой человек и от него дурно пахнет.

— Почему от него дурно пахнет?

Они не отвечали.

— Почему от него дурно пахнет?

— Он пьет.

Мы загрузились в «форд» и отправились навестить дедушку Леонарда. Когда машина подъехала к его дому и остановилась, хозяин уже стоял на крыльце. Он был стар, но держался очень прямо. В Германии дедушка был армейским офицером и подался в Америку, когда прослышал, что даже улицы там мощены золотом. Золота не оказалось, и Леонард стал главой строительной фирмы.

Никто не выходил из машины. Дедушка подал мне знак движением пальца. Кто-то открыл дверь, я выбрался из машины и пошел к старику. Его волосы и борода были совершенно белыми и слишком длинными. По мере приближения я мог видеть, что глаза его необыкновенно сверкают, как голубые молнии. Я остановился в небольшом отдалении от старика.

— Генри, — проговорил дедушка, — мы хорошо знаем друг друга. Заходи в дом.

Он протянул мне руку. Когда я подошел ближе, мое обоняние уловило крепкий дух его дыхания. Запах действительно был дурным, но он исходил от самого хорошего человека, которого я знал, и поэтому не пугал меня.

Я проследовал за ним в дом. Дедушка подвел меня к стулу,

— Садись. Я очень рад видеть тебя, — сказал он и ушел в другую комнату.

Когда дедушка возвратился, в руках у него была маленькая жестяная коробочка.

— Это тебе. Открой.

Я никак не мог справиться с крышкой, коробочка не открывалась.

— Подожди, — вмешался дедушка, — дай-ка я помогу тебе. Он ослабил крышку и протянул коробочку мне обратно. Я откинул крышку и заглянул внутрь: там лежал крест — Германский крест на ленточке.

— Ой, нет, — сказал я, — ты же хранишь его.

— Бери, это всего лишь окислившийся значок.

— Спасибо.

— Теперь тебе лучше идти. Иначе они будут волноваться.

— Ладно. До свидания.

— До свидания. Генри. Нет, подожди-ка...

Я остановился. Он запустил пальцы в маленький кармашек своих широких брюк, вытянул за длинную золотую цепочку золотые карманные часы и протянул их мне.

— Спасибо, дедушка...

Все ждали меня, не покидая машины. Я вышел из дома, занял свое место в «форде», и мы тронулись в обратный путь. Всю дорогу бабушка и родители без умолку болтали о разных вещах. Эти люди могли трындеть о чем угодно, но никогда не говорили о моем дедушке.

Помню наш «форд» — модель Т. Высокие подножки казались приветливыми и в холодные дни, и ранним утром, и в любое время. Чтобы завести автомобиль, отец должен был вставлять спереди в двигатель рукоять и довольно долго крутить ее:

— Человек может так сломать себе руку. Отдача такая, будто лошадь лягается.

По воскресеньям, когда бабушка не приезжала к нам, мы совершали на модели Т прогулки. Мои родители любили апельсиновые рощи. Мили за милями тянулись деревья, покрытые цветами либо усеянные плодами. Родители заготавливали для пикника корзинку и металлический ящик. В ящик, среди кусков сухого льда, помещали банки с разными фруктами, в корзинку упаковывали сэндвичи со шницелем, ливерной колбасой и салями, а еще картофельные чипсы, бананы и содовую. Напиток постоянно попадал между корзинкой и ящиком-холодильником, он быстро остывал, и потом приходилось ждать, пока солнце согреет его.

Отец курил сигареты «Кэмэл» и мог показать нам массу трюков и фокусов, используя пачку от этих сигарет. Например, сколько пирамид изображено на рисунке? Нужно было сосчитать их. Мы считали, а после он показывал гораздо больше, чем нам удалось обнаружить. Были еще трюки с горбами верблюдов и с написанными словами. О, это были волшебные сигареты.

Особенно врезалось в память одно воскресенье. Наша корзинка для пикников была уже пуста, но несмотря на это мы ехали вдоль апельсиновых рощ все дальше и дальше от нашего дома.

— Папочка, а у нас хватит бензина? — поинтересовалась мать.

— Хватит, хоть залейся этим чертовым бензином.

— А куда мы едем?

— Хочу набрать себе немного апельсинов, черт бы их побрал! Остаток пути мать просидела очень тихо. Наконец отец съехал на обочину и остановился неподалеку от проволочного ограждения. Некоторое время мы сидели в машине и прислушивались. Потом отец открыл дверцу и вышел.

— Принеси корзину, — подал он голос.

Все вместе мы перебрались через сетку ограждения.

— Идите за мной, — скомандовал отец.

Мы оказались в темном тоннеле между двумя стройными рядами ветвистых апельсиновых деревьев. Отец остановился и принялся срывать апельсины с нижних ветвей ближайшего дерева. Вид у него был очень свирепый, он яростно сдираал апельсины, и казалось, что ободранные ветви сердятся ему в ответ, злобно раскачиваясь и шурша листвой. Отец бросал плоды в корзинку, которую держала мама. Иногда он промахивался, и тогда я подбирал непокорный апельсин и опускал его в корзину. Отец переходил от дерева к дереву, опустошая нижние ветви.

— Достаточно, папочка, — сказала мать.

— Э-э, какого черта?! — огрызнулся отец и продолжил сбор.

И тут из-за дерева вышел высоченный мужчина. В руках у него было ружье.

— Так, приятель, чем это ты тут занимаешься?

— Собираю апельсины. Их здесь полно.

— Это мои апельсины. Скажи своей женщине, чтобы она вывалила все из корзины на землю.

— Да этих апельсинов тут хоть жопой жри. Не обеднеешь, если я возьму несколько.

— Ты не возьмешь ни одного. Скажи, пусть вываливает.

Мужчина направил ружье на отца.

— Вывали, — сказал отец матери.

Апельсины покатились по земле.

— А теперь, — продолжил мужчина, — убирайтесь из моего сада.

— Куда тебе столько, все равно все не съешь?

— Я сам знаю, куда и сколько. Убирайся отсюда.

— Таких, как ты, надо вешать!

— Я владелец, и закон на моей стороне. Проваливай! — и он снова поднял свое ружье.

Отец повернулся и пошел, мы потянулись за ним. Владелец рощи конвоировал нас до самой дороги. Наконец мы загрузились в машину, но это был именно тот случай, когда она не завелась. Отец взял ручной стартер и вышел. Он дважды провернул маховик, но двигатель не реагировал. Отец покрылся испариной. Мужчина стоял у дороги и наблюдал.

— Ну, давай, заводи свою консервную банку! — неожиданно выкрикнул он.

Отец, который приготовился было крутануть снова, отвлекся:

— Мы не на твоей территории! И можем стоять столько, сколько пожелаем, черт возьми!

— Разбежался! Убирай отсюда свою колымагу, да побыстрее!

Отец прокрутил ручку, двигатель взревел, но тут же заглох. Мать молча сидела с пустой корзинкой на коленях. Я боялся даже смотреть на человека с ружьем. Отец снова налег на рукоятку, и машина завелась. Он впрыгнул в машину и принялся работать рычагами на руле.

— Не появляйся здесь больше, — напутствовал собственник с ружьем. — В следующий раз так легко не отделаешься.

Отец резко взял с места. Хозяин апельсиновой рощи продолжал стоять у дороги и наблюдал. «Форд» быстро набирал скорость. Неожиданно отец затормозил, выполнил крутой поворот на 180 градусов и помчался к тому месту, где остался грозный враг. Но мужчины у дороги уже не было. И мы вновь понеслись прочь от апельсиновой рощи.

— Однажды я вернусь и прикончу эту тварь, — пообещал отец.

— Папочка, я сегодня приготовлю замечательный ужин. Что бы ты хотел? — спросила его мать.

— Свиную отбивную!

Никогда раньше я не видел, чтобы отец ездил так быстро.

У моего отца было два брата. Младшего звали Бэн, старшего — Джон. Оба алкоголики и тунеядцы. Мои родители частенько говорили о них.

— Ни тот, ни другой ничего собой не представляют, — твердил отец.

— Просто вы вышли из трудной семьи, папочка, — возражала мать.

— Твой братец тоже пустышка!

Брат моей матери жил в Германии. Отец поносил его не реже родных братьев.

Был у меня еще дядя Джек — муж сестры отца, которую звали Элеонора. Я никогда не видел эту чету, потому что отец разругался с ними.

— Видишь этот шрам у меня на руке? — спрашивал меня отец. — Это сделала Элеонора карандашом, когда я был еще совсем маленьким. Он уже никогда не зарастет.

Людей мой отец не любил. Не любил и меня.

— Детей должно быть видно, но не слышно, — говорил он мне.

Был воскресный полдень, и бабушка Эмили не приехала.

— Мы должны навестить Бэна, — сказала моя мать. — Он умирает.

— Он постоянно занимал у Эмили деньги и просерал их в карты или тратил на своих баб и выпивку.

— Я знаю, папочка.

— Теперь он сдохнет, и Эмили останется без гроша.

— И все же мы должны навестить Бэна. Врачи сказали, что ему осталось недели две.

— Ну, хорошо, хорошо! Мы поедем!

Мы загрузились в «форд» и поехали. Отец сделал остановку возле рынка, и мать купила цветы. Путь наш лежал в горы. Когда достигли подножья, отец свернул на маленькую извилистую дорогу, ведущую вверх. Дядя Бэн лежал в санатории для больных туберкулезом.

— Должно быть, это стоит Эмили кучу денег — содержать Бэна в таком месте, — сказал отец.

— Может, Леонард помогает? — предположила мать.

— Леонард нищий. Он все пропил и промотал.

— А мне нравится дедушка Леонард, — сказал я.

— Детей должно быть видно, но не слышно, — гаркнул отец и продолжил: — Этот Леонард был добр со своими детьми, только когда надирался. Вот тогда он и шутил с нами, и раздавал деньги. Но когда

папочка был трезв, то не было в мире человека жаднее и подлее его.

«Форд» легко взбирался по горной дороге. Воздух был свеж и прозрачен.

— Приехали, — сказал отец, выруливая на стоянку возле санатория. Мы все вышли, и я, вслед за родителями, забежал в здание. Когда мы вошли в палату, дядя Бэн сидел на кровати и смотрел в окно. Он повернулся. Это был очень красивый мужчина: худощавый, черноволосый, с темными глазами, которые блестели, словно бриллианты на свету.

— Здравствуй, Бэн, — сказала мать.

— Здравствуй, Кэтти, — отозвался дядя и посмотрел на меня. — Это Генри?

— Да.

— Садитесь.

Отец и я сели.

Мать осталась стоять:

— Мы привезли цветы, Бэн. Но я не вижу вазы.

— Да, прекрасные цветы, Кэтти, спасибо. Но вазы действительно нет.

— Я пойду поищу, — сказала мать и вышла вместе с цветами.

— Ну, где же теперь все твои подружки, Бэн? — спросил отец.

— На подходе.

— Сомневаюсь.

— Они на подходе.

— Мы здесь только потому, что Катарина хотела видеть тебя.

— Не сомневаюсь.

— Я тоже хотел видеть тебя, дядя Бэн. Я думаю, ты хороший, — сказал я.

— Хороший кусок говна, — добавил отец. В палату вошла мать с цветами в вазе.

— Вот. Я поставлю их на столе возле окна.

— Замечательный букет, Кэтти. Мать села.

— Нечего рассиживаться, — сказал отец.

Дядя Бэн запустил руку под матрац и достал пачку сигарет. Он вытянул одну, зажег спичку, прикурил и глубоко затянулся.

— Тебе же не разрешают курить, — заговорил отец. — Я знаю, где ты берешь сигареты. Твои шмары приносят их тебе. Ну что ж, я скажу докторам, и больше ни одна блядь не проникнет сюда!

— Кончай пороть чушь, — ответил дядя.

— У меня есть желание выдрать эту сигарету у тебя изо рта вместе с губами! — продолжал злиться отец.

— У тебя никогда не было приличных желаний, — усмехнулся дядя.

— Бэн, — вмешалась мать, — ты не должен курить. Это убьет тебя.

— Я прожил хорошую жизнь, — ответил дядя.

— Ничего хорошего не было в твоей жизни, — не унимался отец. — Врал, занимал деньги, блядовал и пил. Ты не работал ни одного дня в своей жизни и теперь подыхаешь в 24 года!

— Это было весело, — сказал дядя и вновь крепко затянулся.

— Пошли отсюда, — сказал отец, поднимаясь. — Он сумасшедший! За ним встала мать. Затем я.

— Прощай, Кэтти, — сказал дядя. — И ты, Генри, прощай, — он взглядом показал, к какому Генри обращается.

Мы проследовали за отцом через холл санатория и вышли на стоянку к нашему «форду». Машина завелась, и мы стали спускаться вниз по извилистой горной дороге.

— Нужно было посидеть подольше, — сказала мать.

— Ты что не знаешь, что туберкулез заразен? — спросил отец.

— Я думаю, дядя хороший, — сказал я.

— Это болезнь делает его похожим на хорошего человека, — сказал отец. — К тому же, кроме туберкулеза, он подхватил еще много всякой заразы.

— Какой заразы? — заинтересовался я.

— Тебе еще рано знать, — ответил отец.

Он лихо вел машину вниз по извилистой горной дороге, пока я думал над его словами.

И снова было воскресенье, и мы ехали в нашем «форде» в поисках дяди Джона.

— У него совсем нет честолубия, — говорил отец. — Я никогда не видел, чтобы он поднял свою дурацкую голову и прямо посмотрел людям в глаза.

— Мне не нравится, что он жует табак, — отвечала мать. — Жует и сплевывает куда попало.

— Если бы таких, как он, было большинство, эту страну уже давно завоевали бы китаезы, а нас всех превратили бы в прачек...

— Просто Джон не имел шанса, — продолжала мать. — Он слишком рано ушел из дома. Ты-то, по крайней мере, закончил школу.

— Колледж, — поправил отец.

— Где? — удивилась мать.

— В университете Индианы.

— Джон говорил, что ты закончил только школу.

— Это Джон закончил только школу. Поэтому он и подстригает траву.

— А дядю Джона я тоже увижу? — спросил я.

— Сначала посмотрим, удастся ли нам отыскать твоего дядю Джона, — ответил отец.

— А китаезы, правда, хотят завоевать нашу страну? — задал я второй вопрос.

— Эти желтые черти уже несколько веков ждут удобного момента. Единственное, что их удерживает — это драка с япошками.

— А кто лучше дерется, китаезы или япошки?

— Япошки. Но китаезов больше, вот в чем проблема. Когда ты убиваешь одного, он раскалывается пополам и получается два живых китаезы.

— А почему у них желтая кожа?

— Потому что вместо воды они пьют свои ссаки.

— Папочка, не говори мальчику такие вещи!

— Тогда скажи ему, чтобы не задавал столько вопросов.

Мы ехали дальше сквозь теплый лос-анджелесский день. На матери было одно из ее выходных платьев и фантастическая шляпка. Когда она надевала такой наряд, то всегда старалась сидеть очень прямо и сильно вытягивала шею.

— Хорошо бы мы имели чуть больше денег, тогда мы бы могли помочь Джону и его семье, — сказала мать.

— Я не виноват, что они не имеют даже ночного горшка, — отозвался отец.

— Папочка, Джон, как и ты, был на войне. Неужели он ничего не заслужил?

— Он даже звания не заслужил. А я вернулся старшим сержантом.

— Генри, но не могут же все твои братья быть такими, как ты.

— Они вообще никем не могут быть, черт бы их побрал! Все, что они могут, — это разбазаривать свою жизнь!

Мы проехали еще немного и остановились. Семья дяди Джона обитала в доме с маленьким двориком. По разбитому тротуару мы прошли к веранде, изрядно заросшей полынью, и отец вдавил кнопку звонка. Звонок не работал. Отец забарабанил в дверь,

— Открывайте! Полиция! — заорал он.

— Папочка, прекрати! — одернула его мать.

Спустя довольно продолжительное время послышались шаги, дверь сначала чуть приоткрылась и только потом распахнулась полностью. Мы увидели тетю Анну. Она была очень худая, щеки ввалились, под глазами мешки, темные и морщинистые.

— О, Генри... Катарина... входите, пожалуйста...

Голос ее был тоже слабый и тонкий.

Мы прошли за ней в дом. Скучная обстановка: кухонный уголок — стол и четыре стула; и две кровати. Мои родители расположились на стульях. Возле раковины копошились две девочки — Бэтси и Катерина (имена их я узнал позже), по очереди они соскребали арахисовое масло со стенок пустой банки.

— Мы только что отобедали, — сказала тетя Анна. Девочки держали по кусочку сухого хлеба с редкими пятнами арахисового масла и продолжали заглядывать в банку, в надежде выудить еще маслица большим кухонным ножом.

— Где Джон? — спросил отец.

Тетя Анна устало опустилась на стул. Она выглядела немощной. Платье на ней было грязное, волосы не прибраны. От нее веяло крайней изможденностью и глубокой печалью.

— Мы ждем его. Давно не видели.

— Куда он пропал?

— Не знаю. Просто сел на мотоцикл и уехал.

— Все, на что он способен, — это мотаться по округе на своем

мотоцикле, — заявил отец.

— Это Генри-младший? — попыталась сменить тему тетя.

— Да.

— Уж очень он у вас смирный.

— Нас это устраивает.

— В тихом омуте черти водятся.

— Не тот случай. Все, на что он способен, — это прятаться под столом.

Девочки вышли на веранду и принялись есть свои ломтики хлеба, испачканные арахисовым маслом. С нами они не разговаривали. Мне мои двоюродные сестры казались настоящими красавицами. Худенькими, как и их мать, но при этом прекрасными.

— Ну, как ты, Анна? — спросила мать.

— Все нормально.

— Анна, ты неважно выглядишь. По-моему, вы голодаете.

— А почему ваш мальчик не садится? — засуетилась тетя. — Садись, Генри.

— Ему нравится стоять, — вмешался мой отец. — Это закаляет его. Он готовится к битве с косоглазыми.

— Тебе не нравятся китайцы? — обратилась ко мне тетя Анна.

— Нет, — ответил я.

— Ну, все-таки, Анна, — опять заговорил отец, — как жизнь?

— Да, если честно, ужасно... Хозяин требует ренту. Он так озлобился, что я просто боюсь его. Не представляю, что делать дальше.

— Я слышал, полиция разыскивает Джона? — продолжал допрос мой родитель.

— Да, ничего серьезного.

— А все-таки?

— Он сделал несколько фальшивых десятицентовиков.

— Что? Господи, Бог ты мой! Это что за выходка?

— Джон действительно не хотел делать ничего плохого.

— Да он вообще ничего не хочет делать.

— Делал бы, если мог.

— Конечно, кабы лягушке крылья, чего ради ей жопу мозолить — по болоту скакать!

Последовало молчание. Я повернулся и посмотрел наружу. Девочек на веранде не было.

— Давай, Генри, садись, — снова предложила тетя Анна. Я продолжал стоять, но поблагодарил:

— Спасибо, мне и так хорошо.

— Анна, — сказала мать, — я думаю, Джон скоро вернется.

— Кобель возвращается, когда соки кончаются, — вставил отец.

— Джон любит своих детей... — начала тетя Анна и не закончила.

— Я слышал, легавые имеют еще кое-что на Джона, — невозмутимо продолжал отец.

— Что?

— Изнасилование.

— Изнасилование?

— Да, Анна, изнасилование. Недавно он, как всегда, носился на своем мотоцикле. И его тормознула молодая девчонка, она пробиравлась куда-то автостопом. Он посадил ее назад и поехал, но по дороге приметил пустой гараж. Завез ее туда, закрыл дверь и изнасиловал.

— Да откуда ты это взял?

— Откуда взял? Легавые приходили ко мне и все рассказали. Расспрашивали, где он был в тот день.

— Ты сказал?

— Зачем? Чтобы его загребли в тюрьму и он освободился от всякой ответственности за вас? Он только об этом и мечтает.

— Нет, это совсем не так.

— Ну, значит, я покрываю насильника...

— Иногда мужчина не может сдержать себя.

— Что?

— Я говорю, что после родов и такой жизни, всех этих забот и волнений... Я уже не выгляжу такой привлекательной. А он увидел молодую девочку, красивее меня... Она села на его мотоцикл, ну, знаешь, как это бывает: она обняла его, прижалась...

— Что? — твердил отец. — А если бы тебя изнасиловали, тебе бы это понравилось?

— Я думаю, нет.

— Ну, так я уверен, что той девчонке тоже было мало удовольствия.

С улицы влетела муха и стала кружить над столом. Мы все переключили внимание на нее.

— Она ошиблась адресом, — сказал отец. — Здесь нечем поживиться.

Чувствуя безнаказанность, муха нагнела все больше и больше. Она кружила между нами, отчаянно жужжа. Чем ближе — тем громче.

— Ты собираешься сообщить полиции, что Джон скоро может вернуться домой? — спросила тетя Анна.

— Нет, и пусть он не надеется, что я предоставлю ему возможность

прохлаждаться на казенных харчах, — ответил отец.

И тут моя мать резко взмахнула рукой. Одно быстрое движение, и ее рука со сжатым кулаком уже снова лежала на столе.

— Я поймала ее, — сказала она.

— Кого? — спросил отец.

— Муху.

Мама сидела и улыбалась.

— Не может быть, — отмахнулся отец.

— Ну, посмотри, где ты видишь муху? Ее нет.

— Она улетела.

— Нет, она у меня в кулаке.

— Слишком ловко для человека.

— Тем не менее она здесь, в кулаке.

— Вранье.

— Не веришь?

— Нет.

— Тогда открой рот.

— Пожалуйста, — сказал отец и распахнул пасть.

Мама накрыла ее рукой. Отец схватился за горло и вскочил:

— Тьфу!

Муха вылетела изо рта и снова принялась кружить над столом.

— Ну, хватит, — сказал отец. — Едем домой!

Он вышел на веранду, спустился во двор и сел в «форд». Отец сидел в своей машине с хмурой физиономией — злой и опасный.

— Мы привезли для вас несколько баночек с продуктами, — сказала мать тете Анне. — Извини, что не можем дать тебе денег, но Генри боится, что Джон пропьет их или истратит на бензин. Не много, но все же: суп, гуляш, горошек...

— Ой, Катарина, спасибо! Спасибо вам обоим...

Мать направилась к выходу, и я последовал за ней. Два пакета с продуктами были в машине. Отец сидел в кабине — суровый и безучастный. Он все еще сердился.

Мать отдала мне пакет поменьше, сама взяла большой. Мы вернулись в дом и положили подарки на стол. Подошла тетя Анна, запустила руку в большой пакет и вытянула одну баночку. Это был маринованный горошек. Этикетку украшали зеленые россыпи гороха.

— Вкуснятина, — прошептала тетя.

— Анна, мы пойдем. Генри бесится.

Тетя обняла мою мать и сказала:

— Все было так мило. Словно в сказке. Вы должны подождать, пока девочки вернутся. Подождите, и вы увидите, что с ними будет, когда они увидят эти подарки!

Мать погладила тетю по спине. Когда объятия закончились, тетя сказала:

— Джон не плохой человек.

— Я знаю, — ответила мать. — До свидания, Анна.

— До свидания, Катарина. До свидания. Генри.

Мать повернулась и пошла к двери. Я не отставал. Мы вышли во двор и сели в машину. Отец запустил двигатель.

Когда мы отъезжали, на веранде появилась тетя Анна. Мать обернулась. Отец не оборачивался. Я тоже.

Я начинал испытывать отвращение к своему отцу. Его все и всегда злило. Где бы мы ни появлялись, он непременно находил причину, чтобы вступить с кем-нибудь в спор. Но в большинстве случаев люди не обращали на эти выпады никакого внимания; они просто стояли и тарачились на него, как на идиота, — это еще пуще раздражало его. Изредка, когда мы заходили куда-нибудь перекусить, он обязательно бранил каждое блюдо и иногда отказывался платить.

— Да ваши взбитые сливки уже мухи засрали! Что это за поганое заведение?

— Прошу прощения, сэр, вы можете не платить, но вам лучше уйти.

— Хорошо, я уйду! Но я вернусь! Я вернусь и сожгу вашу помойку! Однажды мы были в магазине. Я с матерью стоял в стороне, пока отец орал на служащего. К нам подошел кассир и спросил:

— Кто этот ужасный мужчина? Каждый раз, когда он появляется здесь, разгорается скандал.

— Это мой муж, — ответила мать.

Еще я помню другой случай. Отец работал молочником. Рано поутру он развозил молоко. Однажды он разбудил меня еще до рассвета:

— Вставай, я хочу тебе кое-что показать.

Я вышел за ним из дома — в пижаме и домашних тапочках. На улице было еще совсем темно, светила луна. Мы подошли к его повозке. Лошадь стояла очень тихо, будто спала.

— Смотри, — сказал отец и вынул из кармана кусочек сахара.

Он положил его себе на ладонь и протянул лошади. Она лениво подхватила лакомство большими губами и съела.

— Теперь ты попробуй, — сказал отец и вложил следующий кусочек мне в руку.

Лошадь была огромная.

— Подойди поближе! Протяни ей руку!

Я боялся, что лошадь вместе с сахаром проглотит и мою руку. Ее морда потянулась ко мне. Я увидел большие ноздри, здоровенные губы, которые раздвинулись, обнажив гигантские зубы, высунулся огромный язык, и в то же мгновение кусок сахара исчез.

— Молодец. Попробуй еще...

Я попробовал снова. Лошадь слизнула сахар и замотала головой.

— А сейчас ступай в дом, пока она не нагадила на тебя. Мне не разрешали играть с другими детьми.

— Они плохие, — говорил мне отец. — Их родители голодранцы.

— Да, — соглашалась мать.

Мои родители очень хотели разбогатеть, и они воображали себя богатыми.

Впервые со своими сверстниками я познакомился в детском саду. Мне они казались очень странными — много смеялись, разговаривали и выглядели вполне счастливыми. Они не нравились мне. Я всегда чувствовал себя так, будто меня вот-вот начнет тошнить, рвать, и воздух вокруг казался подозрительно тихим и белым. Мы рисовали акварелью, засаживали грядки семенами редиски и спустя несколько недель ели салат со свежими плодами. Мне нравилась женщина, которая занималась с нами, нравилась больше, чем собственные родители.

И еще меня мучила одна проблема — я не мог ходить в туалет. Я хотел писать, хотел какать, но стыдился, что другие узнают об этом, и из последних сил сдерживал все в себе. Это было ужасно. Воздух становился белее, меня тошнило, к горлу подступала рвота, говно рвалось наружу, мучительно хотелось писать, но я ничего не говорил. И когда кто-нибудь из детей возвращался из туалета, я думал: «Грязная свинья, я знаю, чем ты там занимался...»

Маленькие девочки в коротеньких платьицах с длинными волосами и пушистыми ресницами были прекрасны, но я знал, что и они вытворяют в туалете эти мерзкие вещи, хотя и претворяются, будто ходят мыть руки.

Детский сад был залит белым воздухом...

В начальной школе все пошло по-другому. Разновозрастные дети — с первого по шестой класс — старшим по двенадцать лет. Но все мы — выходцы из бедных районов. Я начал ходить в туалет, но только по-маленькому. Как-то выходя из туалета, я увидел, как маленький мальчик пьет из фонтанчика. Сзади к нему подошел парень постарше и ткнул лицом в фонтан. Когда малыш поднял голову, передние зубы были у него сломаны, изо рта вытекала кровь. Кровью был залит весь фонтан.

— Кому-нибудь скажешь, — пригрозил верзила, — и я тебя совсем прибью.

Малыш достал свой носовой платок и приложил ко рту. Я вернулся в класс. Учительница рассказывала нам о Джордже Вашингтоне и страданиях американской армии в Вэлли Фордж. Она носила великолепный парик и частенько шлепала нас своей указкой по рукам, когда ей казалось, что мы проявляем непослушание. Я уже не думал, ходит ли она в туалет, и

что она там делает, я просто ненавижу ее.

Каждый день после занятий старшие ребята устраивали поединки. Происходили они на заднем дворе, где никто из учителей не мог их увидеть. Драки никогда не были равными: один боец всегда был больше и сильнее другого. Он отоваривал противника здоровенными кулаками, загнав его в угол двора. Меньший пытался сопротивляться, но это было бесполезно. Вскоре лицо его покрывалось кровью, капли которой скатывались на рубашку. Он сносил побои бессловесно, не моля о пощаде и не выпрашивая прощания. В конце концов верзила отступался, и это означало, что поединок окончен. Зрители шли домой с победителем. Я тоже спешил домой, в одиночестве, из последних сил сдерживая говно, которое пронес с собой через все занятия и поединок. Но когда я добирался до дома, нужда в опорожнении отступала. Меня это очень беспокоило.

В школе у меня не было друзей, а я и не искал их. Одному мне было лучше. Я садился на скамейку и наблюдал, как другие играют. Все дети и их затеи казались мне глупыми. Но однажды, во время обеда, ко мне подошел незнакомый парень — косоглазый, косолапый и в бриджах. Он мне не понравился — слишком дурацкий вид. Но тот подошел и сел рядом.

— Привет. Я — Дэвид.

Я промолчал.

Он открыл свою сумку.

— У меня есть бутерброд с арахисовым маслом, — сказал Дэвид. — А у тебя что?

— Бутерброд с арахисовым маслом.

— А у меня еще есть банан и картофельные чипсы. Хочешь чипсы?

Что ж, я взял щепотку. У него их было много — соленые, хрустящие, солнечный свет проходил сквозь хрупкие картофельные лепестки. Обьединение.

— Можно еще немного?

— Конечно.

Я захватил щепоть побольше. На его бутерброде поверх масла был еще слой желе. Желе стекало с бутерброда и капало ему на руки, но Дэвид, казалось, не замечал этого.

— А ты где живешь?

— Вирджиния Роуд.

— А я на Пикфорд. Мы можем вместе ходить домой. Бери еще чипсы. Как зовут твою учительницу?

— Миссис Колумбина.

— А мою миссис Рид. Я подожду тебя после занятий, и мы пойдем домой вместе.

Зачем он надевал эти дурацкие бриджи? Чего ему от меня было нужно? Он, правда, не нравился мне. Вот только... его чипсы. И я взял еще щепотку.

В тот день, после занятий, он нашел меня и увязался за мной.

— Ты не сказал мне своего имени, — начал он.

— Генри, — ответил я и замолчал.

Так мы шли, пока я не заметил, что нас преследует шайка старшеклассников.

Сначала они держались за полквартала позади нас, затем сократили разрыв до нескольких ярдов.

— Что им надо? — спросил я Дэвида.

Он не отвечал и продолжал идти.

— Эй, ты, бриджист-говночист! — заорали сзади. — Твоя мамаша снимает с тебя бриджи, когда ты идешь срать?

— Косолапый! Ху-ху, косолапый!

— Косоглазый! Тебе конец!

Они догнали и окружили нас.

— Это твой друг? Он целует тебя в жопу?

Один из налетчиков схватил Дэвида за воротник и швырнул на газон. Дэвид поднялся. Тогда другой подкрался сзади и присел, первый толкнул Дэвида в грудь, и тот полетел кувырком. Не успел мой новый знакомый подняться, как его оседлал третий и ткнул лицом в траву. Дэвид снова поднялся. С момента нападения странный парень не произнес ни звука, но слезы катились из его глаз. Самый крупный подошел к нему и сказал:

— Мы не хотим, чтобы ты учился в нашей школе, говнюк. Проваливай, урод!

И резко ударил под дых. Дэвид согнулся пополам. Следующим был удар коленом в лицо. Дэвид упал. Из носа потекла кровь.

Теперь они стали окружать меня.

— Очередь за тобой!

Они окружали, а я пытался увернуться. Некоторым почти удавалось оказаться позади меня, но я выкручивался. Я был переполнен говном, и мне предстояла битва. Ужасно, но я был спокоен. Я не понимал мотива их агрессии. Они окружали, я ускользал. Окружали, ускользал и т. д. Они орали что-то мне, но я ничего не слышал — я ускользал. В конце концов они отстали от меня и удалились. Дэвид поджидал меня. Мы пошли дальше.

И вот мы перед его домом на Пикфорд-стрит.

— Мне надо идти. До свидания.

— До свидания, Дэвид.

Он зашел в дом, и я услышал голос его матери:

— Дэвид! Посмотри на свои бриджи и рубашку! Они все изодраны и замазаны травой! И так почти каждый день! Скажи мне, зачем ты это делаешь?

Дэвид не отвечал.

— Я кого спрашиваю? Почему ты так поступаешь со своей одеждой!

— Я не виноват, мам...

— Ах, ты не виноват? Придурок!

И я услышал удары. Она била его. Дэвид закричал, она стала бить сильнее. Я стоял и слушал. Потом удары прекратились, крик оборвался, и я слушал, как Дэвид всхлипывает. Наконец, он совсем затих.

И снова раздался женский голос:

— А теперь иди и повтори свой урок на скрипке.

Я присел на лужайку и стал ждать. И вот я услышал скрипку. Это была очень печальная скрипка. Мне не понравилась игра Давида, но я сидел и слушал. Музыка не становилась лучше. Говно затвердело во мне, и я больше не хотел срать. Полуденный свет резал глаза. Мне хотелось сплевывать. Я поднялся и пошел домой.

Драки проходили почти каждый день. Учителя не знали или делали вид, что ничего не знают об этом. Особенно часто дрались после дождя. Все дело в том, что когда шел дождь, некоторые ребята приходили в школу с зонтами или в дождевиках. Их-то и примечали для мордобоя. Большинство наших родителей были слишком бедны, чтобы покупать своим детям такие вещи. Поэтому тех, кто их все же имел, считали маменькиными сынками и нещадно избивали. Были и такие, которые прятали свои зонты и дождевики по кустам. Мать Дэвида вручала ему в руки зонт, как только на небе появлялось небольшое облачко.

Между уроками было два перерыва. Первые классы собирались на бейсбольной площадке и, рассчитавшись на первый-второй, разбивались на команды. Мы всегда стояли с Давидом рядом и поэтому каждый раз попадали в разные команды. Дэвид играл хуже меня. С его косоглазием он просто не мог видеть мяч. А мне нужна была практика. Я никогда до этого не играл в бейсбол. Я не знал, как ловить мяч, как бить по нему. Но я очень хотел научиться, мне нравилась эта игра. Дэвид боялся мяча, я — нет. Бил я отлично, лучше, чем кто-либо, но всегда мимо. Всегда мяч уходил в аут. Один раз я попал. Великолепное ощущение. Другой раз питчер промазал три подачи подряд, и я выиграл свободный проход на первую базу. Когда я перешел, их бейсмэн сказал мне:

— По-другому тебе никогда не выиграть.

Я стоял и смотрел на него. Он чавкал жвачкой, из ноздрей торчали длинные черные волосинки, голова набриалинена, и на лице вечная ухмылка.

— Ну, чего вылупился? — спросил он.

Я не знал, что ответить. Тогда я был не силен в разговорах.

— Ребята говорили, что ты ебанутый, — продолжал он. — Но я не боюсь тебя. Когда-нибудь схлестнемся после занятий.

Я продолжал таращиться на него. Он скорчил свирепую рожу. В это время питчер бросил мяч. На секунду я замешкался и рванул с места. Я мчался, как безумный, ворвался на вторую базу, упал, но коснулся теш раньше, чем второй бейсмэн поймал мяч. Я выиграл.

— Ты вылетел! — заорал парень, который судил матч. Я встал, не веря своим ушам.

— Я сказал, ТЫ ВЫЛЕТЕЛ! — повторил судья.

Просто они не принимали меня в свои ряды. Ни меня, ни Дэвида. Они знали, что я вожусь с этим косоглазым маменькиным сынком. Все это было из-за Дэвида и его зонта. Когда я покидал игровое поле, то увидел Дэвида. Он стоял на третьей базе в своих бриджах. Его желто-зеленые чулки сползли с икр и обвисли на щиколотках. Почему он выбрал именно меня? Наверное, потому что я был слишком заметным. В тот день, после занятий, я быстро собрался и пошел домой один, не дожидаясь Дэвида. Я больше не хотел видеть, как его бьют ребята из нашей школы, а потом добивает мать. Я не хотел слышать его печальную скрипку. Но уже на следующий день во время обеда, когда он сел рядом со мной, я снова ел его чипсы.

Но мой день настал. Я был высок, силен и чувствовал себя на площадке уверенно. Я не верил, что был так уж плох, каким меня считали окружающие. Лупил я теперь не только с бешеной силой, но и с расчетом. Я знал, что во мне есть много энергии и, со слов окружающих, ебанутости. Действительно, что-то такое я чувствовал внутри себя. Возможно, это было всего лишь окаменевшее говно, но все же это было больше, чем имели мои недруги. Я стоял с битой наизготовку.

— Эй, смотрите — КОРОЛЬ МАЗИЛА! МИСТЕР МЕЛЬНИЦА!

Бросок. И я ударил. Я чувствовал, что бита пошла так, как я того хотел. Очень давно хотел. Мяч взмыл вверх и еще ВЫШЕ, в сторону левого поля, высоко над головой левого защитника. Его имя было Дон Брубакер, и он стоял и просто смотрел, как мяч пролетает над его головой. Казалось, что он уже никогда не вернется на Землю. Брубакер очнулся и побежал за мячом. Он очень хотел, чтобы я вылетел. Но теперь он был бессилен, он не догнал его. Мяч приземлился и откатился на площадку, где играли пятиклассники. Легко и непринужденно я побежал на первую базу, наступил на тег, окинул взглядом бейсмэна и потрусил на вторую. Отметившись на второй, я направился к третьей. На третьей стоял Дэвид, я проигнорировал его, наступил на тег и вернулся в дом. Такого еще не было, чтобы первоклашка с одной подачи взял все три базы! Я стоял, помахивая битой, и слышал, как один из игроков — Ирвин Боун — сказал капитану — Стэнли Гринбергу:

— Давай возьмем его в сборную.

(Сборная сражалась с командами из других школ).

— Нет, — ответил Стэнли.

И он был прав. Никогда больше я не повторил такого удара, в основном я гонял ветер. Но они всегда помнили мой удар и ненавидели меня. Это была ненависть высшего порядка, потому что они до конца не понимали — ЗА ЧТО.

С футболом было и того хуже. Я не мог ловить мяч и, тем более, пасовать или делать броски, но я вклинивался в каждую игру. Однажды игрок с мячом пробежал мимо меня, я схватил его за ворот рубашки и швырнул на землю. Когда он попытался подняться, я снова сшиб его. Не нравился он мне. Это был тот хмырь с набриалиненной башкой и волосней в ноздрях. Подошел Стэнли Гринберг — самый крупный из нас. Если бы он захотел, он убил бы меня одним ударом. Наш вожак. Его слово было закон.

— Ты не врубаешься в правила. Больше не играешь.

Меня отправили играть в волейбол. Пришлось присоединиться к Давиду и еще нескольким доходягам и тупицам. Это была скверная компания. Они верещали, орали и нервничали. Но выбора не было. Нормальные парни играли в футбол. И я хотел играть в футбол. Немножко тренировки — вот все, что мне требовалось. Волейбол был моим позором. Игра девчонок. И я вовсе перестал участвовать в играх. Теперь я просто стоял в центре стадиона, где никто ни во что не играл. Я был единственный отщепенец и простоял так обе спортивные сессии.

Однажды, когда я торчал в центре стадиона, мне в голову угодил мяч. Удар был мощный, и я рухнул на землю. Сразу подняться не удалось — голова гудела и кружилась. Они обступили меня, шушукаясь и хихикая.

— Ой, смотрите. Генри упал в обморок. Прямо как баба! Эй, посмотрите на Генри!

Я поднялся, несмотря на то что все кружилось у меня перед глазами — земля, небо, солнце. Они не расходились. Небо продолжало раскачиваться. Я чувствовал себя посаженным в клетку для всеобщего обозрения. Со всех сторон на меня пялились глаза, мелькали рожи, носы и хохочущие рты. Все было подстроено, они сговорились оглушить меня футбольным мячом. И это было несправедливо.

— Кто бросил мяч? — спросил я.

— Ты хочешь знать, кто тебя свалил?

— Да.

— И что ты сделаешь?

Я не ответил.

— Билли Шеррил, — выкрикнул кто-то.

Билли — жирный здоровяк — в общем-то неплохой парень, лучше многих, но все равно — он был одним из них. Я направился к обидчику. Билли стоял и ждал. Когда я подошел, он ударил. Я почти ничего не почувствовал и ответил ударом в левое ухо, а когда он схватился за него, то нанес удар в живот. Билли упал и не поднимался.

— Давай, Билли, вставай и врежь ему, — приказал Стэнли Гринберг,

поднял толстяка с земли и толкнул на меня.

Я встретил его ударом в зубы. Билли закрыл лицо обеими руками и отвалил.

— Ну ладно, — сказал Стэнли, — тогда я за него!

Толпа возликовала. Я решил, что нужно бежать. Умирать не хотелось. Но тут появился учитель.

— Что здесь происходит? — спросил мистер Халл.

— Генри избил Билли, — сказал Стэнли Гринберг.

— Это правда, ребята? — обратился к толпе мистер Халл.

— Да, да, — подтвердили все.

Мистер Халл схватил меня за ухо и поволок к директору. Он усадил меня на стул перед пустующим столом, постучался в дверь директорского кабинета и вошел. Через некоторое время он вышел и, даже не взглянув на меня, удалился. Прошло минут пять или десять перед тем, как появился директор и сел напротив меня. Это был солидный мужчина с копной белых волос, вместо галстука у него была голубая бабочка. Он выглядел как настоящий джентльмен. Звали его мистер Кнокс. Мистер Кнокс скрестил руки на груди и стал молча смотреть на меня. После такой выходки у меня появилось сомнение в том, что он джентльмен. Похоже, директору тоже хотелось унижить меня, поиздеваться, как и всем остальным.

— Ну, — разродился он наконец, — расскажи мне, что произошло.

— Ничего не произошло.

— Ты избил Билли Шеррилла. Его родители захотят узнать, за что.

Я не ответил.

— Ты думаешь, что можешь распускать руки, как только тебе что-нибудь не понравится?

— Нет.

— Тогда почему ты делаешь это?

Я промолчал.

— Ты считаешь себя лучше других ребят?

— Нет.

Мистер Кнокс держал в руках большой нож для вскрытия писем и водил им взад-вперед по зеленому войлочному покрытию стола. Перед ним стояла огромная чернильница и пенал с четырьмя ручками. Я гадал, будет ли он бить меня.

— Тогда почему ты так поступаешь?

Молчание. Нож проследовал вперед-назад. Зазвонил телефон. Он снял трубку.

— Алло? О, миссис Курби? Что он? Что-что? Не можете навести

порядок? Послушайте, я сейчас занят. Хорошо. Я перезвоню, как освобожусь...

Директор повесил трубку, одной рукой отбросил белую прядь волос, упавшую на глаза, и снова посмотрел на меня.

— Почему ты причиняешь мне столько хлопот?

Вопрос остался без ответа.

— Ты думаешь, что ты крутой, да?

Я упорно молчал.

— Крутой пацан, так?

Над столом мистера Кнокса закружила муха. На мгновение она зависла над зеленой чернильницей, потом села на ее черную крышку и принялась потирать свои крылья.

— Отлично, малыш. Ты крутой, и я крутой. Давай пожмем друг другу руки.

Я не считал себя крутым и руки ему не подал.

— Ну, дай мне руку

Я протянул, он взял и слегка потряс. Затем посмотрел на меня. Глаза у него были светло-голубые, светлее, чем его голубая бабочка. Они были почти прекрасны. Он продолжал смотреть на меня, удерживая мою руку. И тут я почувствовал, что рукопожатие становится крепче.

— Я хочу поздравить тебя, как крутой крутого.

Рукопожатие стало еще крепче.

— Как ты считаешь, я — крутой парень?

Я крепился и молчал.

Он сдавливал мои пальцы все крепче и крепче. Я чувствовал, как кость одного пальца, словно лезвие бритвы, впивается в плоть другого. Перед глазами поплыли красные звезды.

— Ну, что скажешь? Крутой я парень?

— Я убью тебя, — выдавил я.

— Что ты сделаешь? — слегка удивился мистер Кнокс и усилил давление. Рука у него была как тиски.

Я отчетливо видел каждую пору на его лице.

— Крутые пацаны не ноют, правда?

Я больше не мог видеть его солидной физиономии и уронил голову на стол.

— Я крутой? — задал свой вопрос мистер Кнокс и подкрутил тиски.

Мне хотелось заорать, но я сдерживал себя изо всех сил, чтобы никто в школе не мог услышать моих воплей.

— Крутой?

Я тянул до последнего. Мне было противно, ненавистно выговорить это, но я сказал:

— Да.

Мистер Кнокс отпустил мою руку. Я боялся даже взглянуть на нее. Рука повисла, как мертвая. И тут я заметил, что муха улетела, и подумал: «А не так уж плохо быть мухой». В это время мистер Кнокс что-то писал.

— Так, Генри, я пишу твоим родителям небольшое послание и хочу, чтобы ты сам передал его. Ты ведь передашь его, не так ли?

— Да.

Он вложил записку в конверт и протянул послание мне. Конверт был запечатан, и вскрывать его мне совершенно не хотелось.

Я принес конверт домой, вручил его матери и поднялся в свою комнату. Лучшей вещью в моей комнате была кровать. Я любил свою кровать и мог оставаться в ней часами, даже днем, натянув покрывало до самого подбородка. Здесь было покойно, никаких происшествий, никаких людей, ничего. Мать частенько находила меня среди бела дня в кровати.

— Генри, а ну, вставай! Это нехорошо, когда мальчик целый день лежит в кровати! Сейчас же подымайся! Займись чем-нибудь!

Но заняться было нечем.

В тот день я не стал ложиться. Внизу мать читала записку. И скоро я услышал плач. Потом причитания:

— О, Господи! Этот ребенок позорит своих родителей! Это срам! Что если соседи узнают об этом? Что они будут думать о нас? Родители никогда даже не разговаривали с нашими соседями.

Потом дверь отворилась, и мать вбежала в комнату:

— Как мог ты так поступить со своей матерью?

Слезы заливали ее лицо. Я чувствовал себя виновным.

— Вот подожди, вернется отец!

Хлопнув дверью, она удалилась. Я сел на стул и стал ждать. Чувство вины не отступало...

Я услышал, как вошел отец. Он всегда хлопал дверью, тяжело ступал и громогласно разговаривал. Он был дома. Через некоторое время дверь в мою комнату отворилась. В проеме стоял огромный мужик — более шести футов. Все померкло вокруг меня — стул, на котором я сидел, обои, стены, все мои вещи. Даже солнце скрылось за его тушей. Своей мощью и неистовством он подавлял все вокруг. Я видел только его уши, нос и рот — красная от гнева физиономия. В глаза я смотреть не мог.

— Ну, что, Генри, марш в ванную.

Я зашел, и он закрыл за нами дверь. Белые стены, зеркало, маленькое окошко, черная рваная занавеска, ванна и унитаз. Отец снял с крючка ремень для правки бритв. Приближалась моя первая порка. Потом это будет повторяться все чаще и чаще, и всегда, как мне казалось, без настоящей причины.

— Спусти штаны.

Я спустил.

— Труссы.

Я спустил.

Он примерил ремень к моей заднице и замахнулся. Первый удар поверг меня в шок, боли я не чувствовал. Второй был болезненный. С каждым последующим ударом боль нарастала. В начале порки я мог различать стены, унитаз, ванну. В конце я уже ничего не видел. Он лупил меня, бранил и наставлял, но я не понимал ни единого слова. Я думал о розах, которые отец выращивал в саду, об автомобиле в гараже. Я пытался отвлечься, чтобы не закричать. Я знал, что если заорю, он, скорее всего, остановится. Я чувствовал, что он хочет, чтобы я заорал, и поэтому молчал. Слезы заливали мое лицо, пока я безмолвствовал. Потом все поплыло у меня перед глазами в сплошном сумбуре, я уже решил, что это никогда не кончится. В конце концов во мне что-то лопнуло, и я стал всхлипывать, давясь и задыхаясь от соленой слизи, которая скопилась в глотке. Отец остановился.

Когда я очнулся, его рядом не было. Постепенно я стал различать предметы вокруг себя — маленькое окошко, зеркало... Ремень для правки бритв снова висел на крюке — длинный, коричневый, змеевидный. У меня не было сил нагнуться, чтобы подтянуть трусы со штанами, и я побрел к двери, путаясь в одежде. Я открыл дверь и увидел мать. Она стояла в прихожей и ждала.

— Это неправильно, — сказал я. — Почему ты меня не защитила?

— Отец всегда прав, — ответила мать и удалилась.

Я доплелся до своей комнаты, спутанный штанами, и присел на край кровати. Соприкосновение с матрасом причинило мне страшную боль. За окном цвели отцовские розы. Красные, белые, желтые. Высокие и пышные. Солнце уже почти закатилось, и последние его лучи проникали в комнату. Я чувствовал, что даже солнце принадлежит моему отцу. Я не имею на него никаких прав, потому что оно светит над домом моего отца. Я был как его розы — частью собственности, принадлежащей только ему.

К тому времени, когда меня позвали ужинать, я уже был в состоянии подтянуть штаны и спуститься на кухню, где мы ели всегда, кроме воскресенья. На моем стуле лежали две подушечки. Я сел на них, но все равно почувствовал, как горят и ноют мои ноги и жопа. Отец говорил о своей работе — как всегда.

— Я сказал Салливану, что нужно объединить три маршрута в два и распределить их между развозчиками в каждой смене. А иначе никто не отрабатывает положенного объема...

— Им следовало бы прислушиваться к твоим советам, папочка, — отвечала мать.

— Извините, — сказал я, — пожалуйста, извините, но мне что-то не хочется есть.

— Ты будешь ЕСТЬ! — рявкнул отец. — Мать старалась, готовила, тратила продукты.

— Да, — подтвердила мать, — морковка, горошек и ростбиф.

— Картофельное пюре с подливкой, — добавил отец.

— Но я не хочу.

— Ты съешь все до последней горошинки на твоей тарелке! — сказал отец.

Он забавлялся. Это был его излюбленный тон.

— Папочка! — одернула его мать.

Я начал есть. Это было ужасно. Я представлял себе, что пожираю их вместе со всем, во что они верили и чем так дорожили. Я почти не жевал, я просто глотал все подряд, чтобы поскорее избавиться от всего этого. Тем временем отец говорил о том, как все вкусно и как нам повезло, что мы можем есть хорошую пищу, когда большинство людей в мире, и даже в Америке, голодало и бедствовало.

— Ну, что у нас на десерт, мамочка? — спросил отец.

Мне было противно смотреть на его лицо, на мокрые лоснящиеся от жира губы. Он вел себя так, будто ничего не произошло, словно он и не лупил меня часом раньше. Когда я вернулся к себе в комнату, я подумал, что это не мои родители, что эти люди были вынуждены усыновить меня и теперь мучаются оттого, что я появился в их жизни.

По соседству с нами жила Лайла Джейн, девочка моих лет. Мне по-прежнему не разрешалось играть с детьми из нашего района. Но постоянно сидеть в своей комнате было очень скучно. Я выходил на задний двор и бродил по нему, разглядывая насекомых, или садился на траву и фантазировал. Я представлял себя великим бейсболистом. Я был так велик, что моя бита никогда не проходила мимо мяча, и при любой подаче я мог выигрывать полный круг. Но я умышленно скрывал свой коронный удар, чтобы одурачить противника. Я бил только тогда, когда чувствовал, что время пришло. В начале одного сезона, открывшегося в июле, я пробил только 139 раз и всего один раз выиграл полный круг. «ГЕНРИ ЧИНАСКИ ВЫДОХСЯ», — поспешили объявить все газеты. И тогда я начал бить. Как я бил! Однажды я позволил себе 16 полных кругов подряд. Другой раз — 24 полных круга за игру. В конце сезона я имел 523 победных удара.

Лайла Джейн была одной из самых прекрасных девочек в нашей школе. Она была настоящей красавицей и жила прямо рядом со мной. Однажды, когда я сидел во дворе, она подошла к забору и стала смотреть на меня, а я на нее.

— Ты не играешь с другими ребятами? — спросила она.

У нее были длинные каштановые волосы и карие глаза.

— Нет, — ответил я, — не играю.

— А почему?

— Они надоедают мне в школе.

— Я — Лайла Джейн.

— Я — Генри.

Она продолжала разглядывать меня, а я сидел на траве и глазел на нее.

— Хочешь посмотреть мои трусики? — предложила она.

— Конечно, — согласился я.

Лайла приподняла подол платья. Трусики были розового цвета и совершенно чистые. Смотрелись они здорово. Придерживая платице, она повернулась, чтобы я мог посмотреть на них и сзади. На попке они выглядели еще лучше. Потом Лайла одернула подол и сказала:

— До свидания, — повернулась и ушла.

— До свидания, — крикнул я вслед.

Это повторялось каждый день.

— Хочешь посмотреть мои трусики?

— Конечно.

Почти всегда трусики оказывались другого цвета и с каждым разом они выглядели все лучше.

Однажды, после демонстрации Лайлой очередных трусиков, я предложил ей:

— Пойдем погуляем.

— Пойдем, — согласилась она.

Мы встретились на улице и пошли гулять. До чего же она была хорошенькая. Мы шли молча, пока не оказались на заросшем пустыре. Трава была высокая и зеленая.

— Пошли на пустырь, — предложил я.

— Пошли, — снова согласилась Лайла Джейн.

Мы скрылись в высокой траве.

— Покажи мне еще свои трусы.

Она подняла подол. Голубые.

— Давай побудем здесь, — сказал я.

Мы опустились в траву, я схватил ее за волосы и поцеловал. Потом сам задрал подол платья, еще раз осмотрел голубые трусишки и положил руки на попку. Я снова поцеловал Лайлу. Она не протестовала. Я держал ее за задницу и продолжал лобызать. Это продолжалось довольно долго. Затем я сказал:

— Давай сделаем это.

Я точно не знал, что нужно делать, но чувствовал, что есть что-то большее.

— Нет, я не могу, — ответила Лайла.

— Почему?

— Люди увидят.

— Какие люди?

— Вон те, — показала она.

Я поглядел сквозь траву. Неподалеку несколько рабочих ремонтировало улицу.

— Они не могут увидеть нас!

— Нет, могут!

Я вскочил и выкрикнул:

— Черта лысого они увидят! — выбрался из травы и вернулся домой.

Лайла Джейн перестала появляться после обеда возле моего забора. Ничего страшного. Начался футбольный сезон, и я — в моих фантазиях — был великим нападающим. Я бросал мяч на 90 ярдов, а ногой посылал его на 80. Но мы редко били по мячу, особенно когда он был у меня. Я был как

снаряд и разбивал защиту противника. Пять-шесть человек, пытающихся заблокировать меня, разлетались в разные стороны. Правда, иногда, как и в бейсболе, мне было жалко моих противников, и я позволял им блокировать меня, пробежав всего лишь 8 или 10 ярдов. И, как правило, получал травму. Полуживого меня уносили с поля. Моя команда начинала проигрывать — 40:17. И за три-четыре минуты до окончания матча я возвращался, неукротимый и злой за причиненную травму. Теперь каждый раз, когда ко мне попадал мяч, я доставлял его к воротам противника. Как вопила толпа! И в обороне не было мне равных: я блокировал нападающих, перехватывал каждый пас. Я был вездесущ. Чинаски — фурия! И вот, когда судья уже был готов подать сигнал об окончании матча, я получил мяч, находясь в самом начале своей зоны. Я бросился вперед. Я разбивал один блок за другим и, перескакивая через поверженного противника, двигался дальше. Никакой блок не мог остановить меня. Моя команда была сборищем маменькиных сынков. В конце концов на мне повисло человек пять, но я не сдался. Вместе с ношей я дотащился до голевой линии и вырвал победу.

Однажды после обеда через заднюю калитку в наш двор вошел крепкий парень. Он остановился и уставился на меня. Парень был старше меня на год, а может, и больше, и точно не из нашей школы.

— Я из школы Мармоунт, — объявил он.

— Тебе лучше валить отсюда, — сказал я ему. — Скоро мой отец вернется домой.

— Правда? — усмехнулся он.

Я встал.

— Чего тебе здесь надо?

— Я слышал, что парни из Делси считают себя крутыми чуваками.

— Мы побеждаем все школы во всех играх, — заявил я.

— Потому что вы мухлюете. В Мармоунте не любят мухлевщиков.

Он был в голубой рубашке, расстегнутой почти до пупка. На левом запястье красовался кожаный ремешок.

— Ты тоже считаешь себя крутым? — спросил он меня.

— Нет.

— Что у тебя есть в гараже? Я думаю чего-нибудь прихватить из твоего гаража.

— Вали отсюда.

Дверь в гараж была открыта, и он вошел в него. Собственно ничего ценного там не было. Он нашел лишь старый сдутый пляжный мяч.

— О, я возьму это.

— Положи на место.

— Заткни хайло! — крикнул он и швырнул мяч мне в голову.

Я уклонился. Парень пошел на меня. Я стал отступать.

Он приближался.

— Мухлевщикам всегда приходит конец! — сказал парень и попробовал ударить меня.

Я снова увернулся, но почувствовал, как по лицу пробежался ветерок от его удара. Тогда я закрыл глаза и ринулся навстречу, нанося беспорядочные удары. Иногда мои удары куда-то попадали. Иногда я чувствовал и ответные тумаки, но боли они мне не причиняли. Страх перекрывал боль. Ничего не оставалось, как продолжать махать кулаками. И вдруг я услышал крик: «Прекратите!» Это был голос Лайлы Джейн. Она тоже оказалась в моем дворе. Мы остановили наш бой. Тогда Лайла Джейн схватила старую жестяную банку и бросила. Банка угодила парню из Мармоунта прямо в лоб. Он постоял несколько секунд, потом взвыл и, расплакавшись, бросился прочь. Агрессор выскочил из калитки, побежал по аллее и вскоре исчез. Маленькая жестяная банка. Я был поражен: такой жлоб, а ныл, как девчонка. Нет, в Делси чтители кодекса чести. Мы никогда не издавали ни звука. Даже маменькины сынки сносили побои молча. Эти ребята из Мармоунта были слабаки.

— Ты не должна была вмешиваться, — сказал я Лайле Джейн.

— Он бил тебя!

— Да он не мог сделать ни одного приличного удара.

Лайла Джейн выбежала с моего двора и скрылась в доме.

Я подумал, что она мне все еще нравится.

Весь второй и третий класс у меня не было возможности играть в бейсбол, но я знал, что все равно я покажу себя как настоящий игрок. Я чувствовал, что как только бита окажется у меня в руках, мячи будут отскакивать от нее, перелетая через здание школы. И вот однажды я стоял в стороне от всех, и ко мне подошел учитель.

— Ты что делаешь?

— Ничего.

— Почему ты не на уроке физкультуры? У тебя освобождение?

— Что?

— Ты чем-нибудь болен?

— Нет.

— Иди за мной.

Он подвел меня к группе ребят, которые играли в кикбол. Кикбол — то же, что и бейсбол, только там используется футбольный мяч. Питчер не бросает, а накатывает мяч на баттера, и тот должен отбить его. Если бэттер промахивается и мяч перехватывает противник — он вылетает из игры. Если же отбивает, то пока мяч летит над игровой зоной, и пока его не перехватят защитники, бэттер должен бежать от базы к базе.

— Как твое имя? — спросил учитель.

— Генри.

— Так, — обратился учитель к игрокам, — Генри будет ближним защитником.

Все пацаны были из моего класса. Все они отлично знали меня. Ближний защитник — самая крутая позиция. Раньше я всегда вылетал с нее. И теперь они готовили мне подлянку, я чувствовал это. Питчер катнул мяч очень медленно, а первый бэттер отбил его прямо на меня. Удар был мощный, на уровне груди. Да без проблем! Я выбросил руки вперед, поймал мяч и бросил его питчеру. Следующий бэттер сделал то же самое. Но мяч шел уже немного выше и чуточку быстрее. Без проблем. И тут на поле вышел Стэнли Гринберг. Теперь он был бэттер. Мне не подфартило. Питчер катнул мяч, и Стэнли ударил. Мяч летел, как пушечное ядро и прямо мне в голову. Я хотел было увернуться, но не стал. Мяч с убойной силой ударил меня по выставленным рукам, но я удержал его. Я катнул мяч питчеру. Три аута. Я поспешил за боковую линию — команды менялись местами. Мимо меня пробежал какой-то парень:

— Чинаски — сраный защитник! — услышал я.

Это был парень с набриалиненной головой, по-прежнему из ноздрей у него торчали длинные черные волоски. Я повернулся и крикнул:

— Эй!

Он остановился.

Глядя ему прямо в глаза, я проговорил:

— Никогда больше не твякай на меня.

В его глазах заплясал страх. Он опустил голову и потрусил на свою позицию, я прислонился к ограде. Наша команда выставляла первого бэттера. Никто не встал рядом со мной, но мне было плевать на это. Своего я добился.

Это трудно объяснить. Мы были детьми из самой бедной школы, самых бедных, малообразованных родителей, большинство из нас скверно питалось, но мы, как на подбор, были здоровее, крупнее ребят из других школ города. Наша школа была знаменита. Нас боялись.

Наша команда шестиклассников громила команды шестиклассников других школ вдрызг. Особенно в бейсбол. Со счетом не меньше 14:1; 24:3; 19:2. Мы просто умели бить по мячу.

Однажды во время городского чемпионата среди юниоров нашу команду вызвала команда из средней школы Миранда Белл. Нашлись кое-какие деньги, и каждый игрок из нашей команды получил новую голубую кепку с белой буквой «Д» над козырьком. В этих кепках наша команда выглядела здорово. Когда парни из Миранда Белл — чемпионы среди седьмых классов — появились на поле и наши шестиклассники их увидели, то они просто попадали от смеха. Наши были крупнее, выглядели крепче, двигались ловчее, к тому же было件нятно, что наши парни знают о жизни намного больше, чем эти сморчки. Эти ребята из Миранда Белл были чересчур благовоспитанные. Уж очень они казались тихими и вежливыми. Мы — ребята младших классов — тоже смеялись. Мы знали, наши сделают с ними все, что захотят.

Их питчер был самым крупным игроком в команде. Он выбил из игры трех наших лучших бэттеров. Но у нас еще оставался Лоуэлл Джонсон. Лоуэлл сравнял счет. Так и пошло: обе команды продолжали выбивать игроков или добирались до первой базы, но не больше. Это случилось на седьмой подаче. Наша команда выставила бэттера — этого кабана Капаллетти. И Капаллетти въебал.

Черт, как будто грянул выстрел! Казалось, что мяч вот-вот долетит до здания школы и выбьет окно. Никогда еще я не видел такого удара! Мяч ударился о вершину флагштока и отскочил за пределы поля. Полный круг.

Капаллетти бежал от базы к базе, и наши ребята выглядели здорово в своих новеньких голубых кепках с белой буквой «Д» над козырьком.

После этого удара парни из Миранда Белл сломались. Они еще могли отыграться, но эти хлюпики — выходцы из богатых районов — не знали, что значит биться насмерть. Следующий наш игрок взял еще две базы. Как мы орали! Победа была за нами. Они уже ничего не могли изменить. Еще три базы за нами. Они меняли питчеров. Одного за другим. Но наши парни брали базу за базой. К концу подачи мы имели девять очков. Восьмую подачу команда Миранда Белл продула всухую.

Наши пятиклассники подошли и вызвали неудачников на махач. А один наш четвероклассник подлетел и прямо на поле схлестнулся с их семиклассником. Ребята из Миранда Белл собрали свое обмундирование и удалились с площадки. Мы вышли на улицу, они поджидали нас.

Ничего не оставалось, как ответить за свои слова. Парочка наших ребят вступила в бой. Это было здорово. У обоих из носа текла кровь, но они не отступали. Подскочил учитель, который следил за ходом игры, и попытался разнять дерущихся. Но он не знал, как подступиться к ним, и просто прыгал вокруг.

Однажды отец взял меня с собой на работу. Ни лошади, ни повозки я уже не увидел, теперь отец развозил молоко на грузовике. Получив товар на молокоперерабатывающем комбинате, мы выехали на маршрут. Утро только-только занималось. На небе еще была луна, и я мог видеть звезды. Было холодно, но это бодрило. Мне понравилось быть в это время на улице. Я очень удивился предложению отца прокатиться с ним, поскольку он по-прежнему драл меня своим ремнем для правки лезвия один-два раза в неделю, и мы почти не общались.

На каждой остановке отец выходил из машины и относил одну-две бутылки молока. Иногда к молоку он присовокуплял упаковку творога, кусок масла или пахты и, почти всегда, бутылку апельсинового сока. Многие люди оставляли в пустых бутылках записки со своими пожеланиями.

Так мы ехали вдоль домов, останавливались и разносили товар.

— Ну, парень, в каком мы сейчас едем направлении?

— На север.

— Правильно. Мы едем на север.

Мы двигались дальше, сворачивая с улицы на улицу.

— А теперь куда мы направляемся?

— На запад.

— Нет, мы едем на юг.

После нескольких остановок он снова спросил меня:

— Допустим, я сейчас высажу тебя из грузовика на тротуар и уеду, что ты будешь делать?

— Не знаю.

— Ну, как ты будешь жить?

— Я думаю, пойду назад и буду пить молоко, которое ты оставлял у домов.

— И что ты сделаешь после?

— Я найду полицейского и расскажу ему, что ты сделал.

— Вот как! И что же ты скажешь?

— Я скажу ему, что ты сказал мне, что «запад» — это «юг», потому что хотел избавиться от меня.

Начинало светать, и скоро все заказы были доставлены. Мы остановились у кафе, чтобы позавтракать. К нам подошла официантка.

— Привет, Генри, — поздоровалась она с отцом.

— Привет, Бетти.

— Кто этот малыш? — спросила Бетти.

— Это маленький Генри.

— Копия — ты.

— Да, кроме моих мозгов.

Мы заказали себе еду — яичницу с беконом. После завтрака отец сказал:

— Сейчас начнется самая трудная работа.

— Какая?

— Я должен буду собрать деньги за товар. Некоторые люди не хотят платить.

— Но они должны заплатить.

— Я говорю им то же самое.

Мы тронулись в обратный путь. Отец останавливал грузовик, выходил и стучался в дверь. Я слышал его жалобные крики:

— ЧЕРТ! А ЧТО, ПО-ТВОЕМУ, Я ДОЛЖЕН ЕСТЬ? ТЫ ВЫСОСАЛ ВСЕ МОЛОКО, ПРИШЛО ВРЕМЯ ВЫСРАТЬ КАКИЕ-НИБУДЬ ДЕНЬГИ!

Каждый раз он подыскивал новые доводы и выражения. Иногда ему удавалось получить деньги, иногда — нет. Потом мы остановились возле небольшого одноэтажного дома, и отец зашел в дворик. Дверь открыла женщина в неподвязанном шелковом кимоно. Она курила сигарету.

— Послушай, детка, мне нужны деньги. Ты и так нагрела меня круче всех!

Она рассмеялась.

— Слушай, заплати половину, мне нужно сдавать деньги. Она выпустила колечко дыма и нанизала его на свой палец.

— Ты должна вернуть деньги, — твердил отец. — Ситуация безнадежная.

— Зайди в дом. Надо поговорить, — сказала женщина. Отец зашел, и дверь за ним закрылась. Его не было довольно долго. Когда он снова появился в дверях, солнце было уже довольно высоко. Волосы на его голове были взъерошены, на ходу он заправлял рубашку в брюки. Он забрался в грузовик.

— Она отдала тебе деньги? — спросил я.

— Все. Это была последняя остановка, — сказал отец. — Больше денег сегодня не будет. Мы поставим грузовик и вернемся домой...

Я видел эту женщину еще раз. Однажды, по возвращении домой из школы, я нашел ее сидящей у нас в гостиной. Мать с отцом сидели там же.

Мать плакала. Заметив меня, она вскочила, бросилась ко мне и увлекла за собой в мою комнату.

— Генри, ты любишь свою мать? — спросила она, усадив меня на кровать.

По правде сказать, я не знал, что ответить, но мать выглядела такой несчастной, и я сказал:

— Да.

Она поволокла меня обратно в гостиную.

— Твой отец говорит, что он любит эту женщину, — заявила она при всех.

— Я люблю вас обеих! А сейчас убери ребенка отсюда! Я чувствовал, что отец своим поведением причиняет матери боль.

— Я убью тебя, — сказал я ему.

— Убери ребенка!

— Как ты можешь любить эту женщину? — не унимался я. — Посмотри на ее нос. Это же хобот!

— О, черт! — воскликнула женщина. — С меня довольно! Выбирай, Генри! Или я — или она! Немедленно!

— Как я могу выбирать? Я люблю вас обеих!

— Я убью тебя! — твердил я.

Тут я получил удар по уху и рухнул на пол. Женщина вскочила и выбежала из дома, отец устремился за ней. Но женщина запрыгнула в наш автомобиль, завела двигатель и поехала. Все произошло очень быстро. Отец бросился вдогонку. Он бежал по улице за автомобилем и орал:

— ЭНДА! ЭНДА! ВЕРНИСЬ!

Она не остановилась, но отец все же догнал ее. Он поравнялся с сиденьем водителя, просунул руку в кабину, но тут автомобиль резко прибавил скорость, и отец остался на дороге с сумочкой Энды в руках.

— Я чувствовала, что что-то происходит, — сказала мне мать. — Я спряталась в кузове и поймала их. Твой отец привез меня домой вместе с этой ужасной женщиной. Теперь она угнала его автомобиль.

Подошел отец с сумочкой ужасной Энды.

— Все в дом! — приказал он.

Мы зашли в дом, и отец закрыл меня в моей комнате. Разразился скандал. Поднялся ужасный крик. Потом отец стал бить мать. Она визжала, но он не останавливался. Я выбрался на улицу через окно и попытался проникнуть в дом через входную дверь, но она была заперта. Я попробовал через заднюю дверь, и через задние окна — все было закрыто. Я стоял во дворе и слушал вопли и удары.

Потом удары и вопли прекратились, и я слышал, как рыдает моя мать. Это продолжалось довольно долго. Но постепенно рыдания пошли на убыль и, наконец, стихли вовсе.

Я был в четвертом классе, когда узнал про ЭТО. Вероятно, я был последним из наших ребят. Все дело в том, что я все еще ни с кем не общался. На перемене ко мне подошел какой-то парень:

— Ты знаешь, как ЭТО происходит? — спросил он.

— Что ЭТО?

— Ебля.

— А что это такое?

— У твоей матери есть дырка, — и парень соорудил из большого и указательного пальцев правой руки кольцо, а у твоего отца — ялда, — тут он вы ставил указательный палец левой руки и стал тыкать им в кольцо. — Потом из ялды выстреливается сок, и у твоей матери может родиться ребенок, а может и не родиться.

— Бог делает детей, — сказал я.

— Ага, как из жопы пирожок, — ответил парень и удалился.

Трудно во все это было поверить. На уроке я сидел и думал о сказанном. У моей матери есть дырка, а у отца ялда, которая стреляет соком. Как же могут они заниматься такими вещами, а потом разгуливать, как ни в чем не бывало, болтать обо всем на свете и опять украдкой заниматься ЭТИМ? Меня чуть не стошнило, когда я представил себе, что произошел из сока своего отца.

В ту ночь, после того как везде в доме погас свет, я лежал в своей кровати и ждал. И вдруг довольно отчетливо я услышал какие-то звуки. Это скрипела их кровать, будто они скакали на ней. Я вылез из постели, на цыпочках спустился вниз и приник к двери их комнаты. Кровать продолжала скрипеть. Потом все стихло. Я поспешил вернуться в свою комнату и снова прислушался. Моя мать прошла в ванную, донеслось журчание воды, и она снова вернулась в спальню.

Ужас! Не удивительно, что они держали все ЭТО в секрете! Подумать только, все занимаются ЭТИМ! Учителя, директор школы. Все! Это выглядело мерзко. Но потом я подумал: «А что если бы мне пришлось заниматься ЭТИМ с Лайлой Джейн?» И это показалось мне не таким уж и противным.

На следующий день в школе я все занятия напролет думал об ЭТОМ. Я разглядывал своих одноклассниц и воображал, что мог бы всем им настрелять своего сока и заделать кучу детей. Я бы наводнил мир такими

же парнями, как я — великими бейсболистами, выбивающими три базы с одного удара. И вот перед самым концом занятий наша учительница миссис Уэстфал сказала:

— Генри, останься после урока.

Прозвенел звонок, и все дети разошлись. Я сидел на своем месте и ждал. Миссис Уэстфал проверяла тетради. Я подумал, может, и она хочет немного моего сока. Я представил себе, как загляну ей под платье и увижу дыру.

— Хорошо, миссис Уэстфал, я готов, — вырвалось у меня.

— Отлично, Генри. Сначала вытри все с доски, а потом сходи на улицу и вытряси тряпки.

Я сделал все, как она сказала, и снова сел на свое место. Миссис Уэстфал продолжала заниматься своими тетрадями. На ней было облегающее голубое платье, массивные золотые серьги, а на тонком носу поблескивало пенсне. Я продолжал ждать. В конце концов я не выдержал:

— Миссис Уэстфал, зачем вы оставили меня?

Она оторвалась от тетради и уставилась на меня. Глаза у нее были зеленые и, казалось, бездонные.

— Я оставила тебя, потому что иногда ты плохо себя ведешь.

— Ага? — улыбнулся я.

Миссис Уэстфал сняла пенсне и снова принялась разглядывать меня. Ноги ее были под столом, и я не мог видеть их.

— Сегодня ты был очень невнимателен, Генри.

— Ага.

— Есть такое слово «да». Ты же обращаешься к даме!

— О, я знаю...

— Прекрати разговаривать со мной в таком тоне!

— Как скажете.

Миссис Уэстфал встала, прошла по проходу и села на стол прямо напротив меня. У нее были очень красивые длинные ноги в шелковых чулках. Она улыбнулась мне и погладила мою руку.

— Твои родители не балуют тебя любовью, так ведь?

— А мне и не больно-то надо, — ответил я.

— Генри, любовь нужна всем.

— Мне ничего не надо.

— Бедный малыш, — сказала она, встала, подошла ко мне вплотную, нежно взяла мою голову и прижала к своей груди.

Я обнял ее за ноги и слегка сжал.

— Генри, ты должен прекратить драться и ссориться со всеми подряд.

Мы хотим помочь тебе.

Я сжал ее ноги крепче и сказал:

— Хорошо, давайте ебаться!

Миссис Уэстфал оттолкнула меня и отступила:

— ЧТО ТЫ СКАЗАЛ?

— Я сказал, давай ебаться!

Она очень долго смотрела на меня, потом выговорила:

— Генри, я никогда и никому не передам то, что ты мне сказал: ни директору, ни твоим родителям — никому. Но я больше никогда не хочу слышать от тебя этих слов, ты понял меня?

— Понял.

— Хорошо. А теперь ты можешь идти домой. Я встал и направился к двери. Когда я открыл ее, миссис Уэстфал сказала:

— Всего хорошего. Генри.

— Всего хорошего, миссис Уэстфал.

Я шел по улице и дивился всему, что произошло. Миссис Уэстфал была не прочь поебаться со мной. Это очевидно. Но она боялась, что об этом могут узнать мои родители, другие учителя, директор школы, — ведь я был еще слишком юный. Но это было так восхитительно — находиться с ней в комнате наедине. Вообще все, что касалось ебли, теперь казалось мне прекрасным. Даже помыслы о ней давали людям нечто особенное, волнующее и приятное.

Мой путь к дому пересекал широкий бульвар. Я ступил на пешеходный переход. И вдруг увидел, что прямо на меня несется машина. Водитель и не думал сбрасывать скорость. Машину бросало по всей проезжей части. Я попытался отскочить в сторону с его пути, но он, казалось, преследовал меня — куда я, туда и он. Последнее, что я видел — фары, колеса, бампер, потом удар и темнота...

Очнулся я в больнице. Надо мной трудились доктор и сестра. Они обрабатывали мои колени ватными тампонами, которые были чем-то смочены. Это вызывало жжение. Локти тоже горели.

Я лежал в постели, сквозь окно светило солнце, и это было приятно. Доктор улыбнулся мне, сестра выпрямилась и тоже улыбнулась. Мне определенно нравилось здесь.

— У тебя есть имя? — спросил доктор.

— Генри.

— Генри, а дальше?

— Чинаски.

— Поляк, да?

— Немец.

— Почему никто не хочет быть поляком?

— Я родился в Германии.

— А где ты живешь? — спросила сестра.

— У родителей.

— Вот как? И где же это? — спросил доктор.

— А что случилось с моими локтями и коленями? — поинтересовался я.

— Тебя сбила машина. Хорошо, что колеса прошли мимо. Свидетели утверждают, что водитель был сильно пьян. Сбил и убежал. Но в машине нашли его права. Скоро полиция разыщет его.

— А у вас красивая медсестра, — сказал я доктору

— Спасибо, — улыбнулась сестра.

— Хочешь пригласить ее на свидание? — спросил доктор.

— А что это?

— Ну, ты хотел бы погулять с ней?

— Я даже не знаю, смогу ли я сделать это. Я же еще маленький.

— Сделать что? — удивился доктор.

— Ну, сами знаете.

— Ладно, — рассмеялась сестра, — встретимся, после того как твои колени заживут, и посмотрим, что мы сможем сделать.

— Прощу прощения, — сказал доктор, — но я должен идти осмотреть следующего пострадавшего, — и вышел из палаты.

— Так теперь скажи мне, на какой улице ты живешь? — спросила

сестра.

— Вирджиния Роуд.

— А какой номер, мой сладкий?

Я назвал номер нашего дома. Она спросила еще про телефон. Я сказал, что есть и телефон, но номера я не знаю.

— Ну, ничего, — сказала сестра, — мы и так найдем, где это. А ты не волнуйся. Все обошлось. У тебя только шишка на голове, и немножко содрана кожа.

Сестра действительно была очень красивой и доброй, но я знал, что как только мои колени заживут, она не захочет встречаться со мной.

— Я хочу остаться здесь, — промямлил я.

— Что? Ты не хочешь возвращаться домой к родителям?

— Нет. Оставьте меня здесь.

— Мы не можем сделать этого, мой сладкий. Эти кровати нужны другим людям, кто по-настоящему болен или ранен.

Она еще раз улыбнулась и вышла.

Когда отец узнал, где я нахожусь, он примчался в больницу, вихрем ворвался в палату, выхватил меня из кровати и поволок к выходу.

— Щенок! Сколько раз я учил тебя, что перед тем как перейти улицу, нужно посмотреть в ОБЕ стороны?

Он нес меня через холл больницы, когда нам навстречу попалась сестра.

— Прощай, Генри, — сказала она.

— Прощайте, — ответил я.

Мы вошли в лифт вместе со стариком на инвалидной коляске, которую толкала санитарка. Лифт пополз вниз, и старик забормотал:

— Я думал, что умираю. Я не хочу умирать. Мне страшно...

— Ты достаточно пожил, старый пердун! — проворчал мой отец.

Старик ошалело вытаращился на нас. Лифт остановился, но двери не открывались. И тут я заметил лифтера, он сидел в углу на маленьком стульчике. Это был карлик, одетый в ярко-красную униформу и такого же цвета фуражку.

Карлик тоже смотрел на отца.

— Сэр, — наконец сказал он, — вы отвратительное мурло!

— Ты, огрызок, — зашипел мой отец, — открывай свою ебаную дверь, или я сделаю это твоей жопой.

Дверь распахнулась, и мы устремились к выходу. На мне оставался больничный халат, а моя одежда лежала в пакете, что болтался у отца в руке. Мы выскочили во двор. Ветер откинул полу халата, и я увидел свои

ободранные колени, они не были забинтованы, лишь смазаны йодом. Отец почти бежал.

— Когда они поймают этого ублюдка, — твердил он, — я разорю его. Я выкачаю из него все до последнего пенни! Он будет содержать меня всю оставшуюся жизнь! Меня тошнит от этого молоковоза! Меня воротит от этого молокозавода! «Золотое государство молокопродуктов!» «Золотое государство», поцелуй мою волосатую жопу! Мы уедем на острова в Южных морях. Мы будем кушать кокосы и ананасы!

Добежав до нашего автомобиля, отец водрузил меня на переднее сидение, сел за руль и запустил двигатель.

— Я ненавижу алкашей! Мой отец был пропойца! Мои братья пьют! Все алкаши — слизняки! Они трусы! Алкаши, которые сбивают детей и удирают, должны гнить в тюрьме всю оставшуюся жизнь!

Пока мы ехали домой, он продолжал свой монолог.

— Ты знаешь, что на островах аборигены живут в травяных хижинах? Они встают рано утром, и еда уже у них под ногами, она падает с деревьев. Они просто ходят, собирают, что пожелают, и едят — кокосы, ананасы, апельсины. Аборигены думают, что белые люди — боги! Они ловят рыбу, охотятся на кабанов, их девушки танцуют и носят юбки из листьев. Они ласкают своих мужчин, поглаживая их за ушами. О, «Золотое государство» молокопродуктов, целуй мою волосатую жопу!

Но мечте моего отца не суждено было сбыться. Полиция поймала человека, который сбил меня, и посадила за решетку. У него была жена, трое детей и не было работы. Он был нищим алкашом. Некоторое время он пробыл в заключении, но мой отец отказался выставить против него обвинение.

— Вы не можете из репки выжать кровь! — так он объяснил свой отказ.

Отец всегда гонял дворовых ребят из нашего дома. Я уже говорил, что никогда ни с кем не играл. Но я все же гулял по улице и, так или иначе, виделся с ними.

— Эй, ты, Хренли! — орали они мне. — Почему не сваливаешь в свою Германию?

Откуда они разузнали, где я родился? Самое паршивое заключалось в том, что эти парни были примерного моего возраста. Все они жили в одном квартале и ходили в одну католическую школу. Это были крепкие ребята, часами они играли в футбол, и почти каждый день между ними происходили кулачные бои. Возглавляла шайку четверка — Чак, Эдди, Джин и Франк.

— Эй, ты, Хренли, вали к своей немчуре!

Они отвергали меня.

Потом по соседству с Чаком поселился рыжий парень. Он ходил в какую-то спецшколу. Однажды я сидел на улице, когда он вышел из своего дома. Рыжий присел рядом со мной.

— Привет, меня Рэдом зовут.

— Меня Генри.

Мы сидели и смотрели, как другие ребята играли в футбол. Я заметил на левой руке Рэда перчатку.

— А чего это у тебя на левой руке перчатка?

— У меня только одна рука, — ответил он.

— Она выглядит, как настоящая.

— Это протез. Потрогай.

— Что?

— Потрогай его.

Я потрогал. Рука была жесткой, как камень.

— Протез по локоть. Ремнями пристегивается. А на локте у меня есть малюсенькие пальчики, с ногтями, ну, как у всех, только они не работают. Это у меня с рождения.

— У тебя есть друзья? — спросил я.

— Нет.

— У меня тоже.

— Эти ребята не играют с тобой?

— Нет.

— Я играю в футбол.

— Ты?

— Запросто, — ответил Рэд.

— Давай сыграем.

— Давай.

Рэд сбегал в гараж, принес мяч и отдал его мне. Затем он снова отбежал на несколько шагов.

— Давай, пасуй...

Я бросил. Его настоящая рука пошла вперед, ненастоящая тоже, и он поймал пас. Только его протез слегка скрипнул, когда коснулся мяча.

— Здорово, — сказал я. — Теперь ты бросай!

Рэд взмахнул рукой — и мяч полетел. Он ударил меня, как снаряд. Я сумел удержать его только потому, что он угодил мне в живот.

— Ты слишком близко стоишь, — сказал я. — Отойди подальше.

Наконец-то, думал я, потренируюсь ловить и бросать. Это было действительно здорово.

Я был нападающим и сделал крученный бросок. Мяч не долетел до Рэда, но он бросился вперед, прыгнул, схватил его и, перевернувшись два-три раза, поднялся — мяч был в его руках.

— Здорово, Рэд. Где ты так научился?

— Отец научил. Мы много тренировались.

Он вернулся на свое место и бросил мяч мне. Мяч пролетел выше моей головы, и я побежал за ним, стараясь поймать его, чтобы он не перелетел через забор, за которым был уже двор Чака. Но мяч ударился о забор и оказался на территории Чака. Мне пришлось лезть через изгородь. Чак подхватил мяч и послал мне.

— Что, Хренли, подружился с уродом?

Через пару дней мы с Рэдом снова играли в футбол на газоне перед его домом. Чака с его друзьями поблизости не было. У нас с Рэдом все лучше и лучше получалось управляться с мячом. Наши тренировки шли на пользу. Все, что нужно пацану, — немного удачи. Все же есть некто, кто контролирует, чтобы все получили свой шанс.

Я принял мяч на плечо, подхватил его, раскрутил и отослал Рэду, тот подпрыгнул и поймал подачу. Может, когда-нибудь мы смогли бы участвовать в чемпионате Америки. Но тут я увидел приближающихся к нам пятерых парней. Ребята были не из моей школы, примерно наших лет, и выглядели опасными. Мы продолжали перебрасываться мячом, а они стояли и смотрели.

Потом один парень зашел на газон. Самый здоровый.

— Ну-ка брось мне мяч, — сказал он Рэду.

— Зачем?

— Хочу посмотреть, смогу ли я поймать твою подачу, или нет.

— А меня плевать, можешь ты ловить или нет.

— Брось мне мяч!

— Эй, у него одна рука, — сказал я. — Отвяжись от него.

— Аты не ввязывайся, обезьянья рожа! — прикрикнул верзила на меня и снова обратился к Рэду:

— Бросай мяч!

— Пошел к черту! — огрызнулся Рэд.

— Отберите у него мяч, — приказал парень своим друзьям.

Шайка бросилась на нас, но Рэд повернулся и закинул мяч на крышу своего дома. У крыши был слишком крутой склон, мяч покатился обратно, но, зацепившись за водосток, остановился. Нас окружили. Пятеро против двоих. «Шансов нет», — подумал я, сжал кулак, прицелился одному в висок, ударил и промахнулся. В ответ получил пинок под зад. Это был крепкий удар, боль прошла весь позвоночник — от копчика до затылка. Но тут я услышал хлопок, почти как выстрел винтовки, и один из пятерых напавших, схватившись за голову, рухнул на землю.

— Ой, черт, — застонал парень, — он мне череп пробил!

Я посмотрел на Рэда, тот стоял в центре газона и своей здоровой рукой поддерживал протез. Теперь он у него был вместо дубинки. Еще один замах, хлопок — и следующий на земле. Почувствовав прилив храбрости, я размахнулся и заехал третьему прямо в рыло. Я разбил ему губу, и кровь брызнула на подбородок. Он отскочил на тротуар. Двое, наблюдавшие за дракой с дороги, смылись. К этому времени с земли поднялись те двое, которых свалил Рэд. Они пошатывались и держались за свои головы. Третий с окровавленным ртом махал им с тротуара. Собравшись, пораженцы стали отступать вдоль улицы. Удалившись на безопасное расстояние, верзила повернулся и выкрикнул:

— Мы еще вернемся!

Рэд бросился за ними, а я за Рэдом. Мы прекратили погоню только тогда, когда троица скрылась за углом. Вернувшись домой, мы отыскиали в гараже лестницу, достали мяч и продолжили игру.

Однажды в воскресенье мы с Рэдом решили сходить искупаться в открытом бассейне на улице Баймини. Рэд был странный парень — он почти не разговаривал. Я тоже не отличался болтливостью, и мы шли молчком. Просто не о чем было трепаться. Единственный вопрос, который я ему задал, был вопрос о его школе, но Рэд сказал только, что это

спецшкола, за которую его отцу приходится отстегивать немалые денежки.

Мы прибыли на место к полудню, отыскивали свободные шкафчики и разделись. Плавки были уже на нас. Рэд отстегнул протез и положил его в шкаф. Я впервые видел его без протеза и старался не смотреть на руку, которая заканчивается на локте. Мы направились к бадье с раствором хлора, где все обрабатывали ноги. Вонь была ужасная, но это предотвращало грибковые заболевания, так нам объясняли. Наконец мы плюхнулись в бассейн. Вода тоже пованивала. Как только я оказался в бассейне, мне захотелось писать, и я облегчился. Здесь было полно народу: мужчины и женщины, мальчики и девочки, разных возрастов. Рэду нравилась вода. Он плескался, прыгал, потом начал нырять, а когда выныривал, то струйкой выплевывал изо рта воду. Я тоже пытался плавать, но у меня не получалось так самозабвенно, как у Рэда. Я никак не мог заставить себя не смотреть на его руку, вернее, на полуруку. Я неизменно пялился на нее, когда Рэд не мог видеть этого. Рука, действительно, заканчивалась на локте, как будто закруглялась. Я разглядел маленькие пальчики. Мне показалось, что их было всего три или четыре: тоненькие, скрюченные, очень красные с крошечными ноготками. Они не собирались расти дальше; вот такие они были и все тут. Мне не хотелось думать об этих уродцах, и я нырнул, чтобы напугать Рэда. Я решил подплыть сзади и схватить его под водой за ноги. И вдруг прямо передо мной появилось что-то большое и круглое. С ходу я уткнулся лицом в это большое и круглое, и понял, что это огромная мягкая женская задница. В тот же момент меня схватили за волосы и поволокли на поверхность. На женщине была голубая шапочка для плавания с подвязочками, которые скрывались в жировых складках ее подбородка. На передних зубах мерцали серебряные коронки, изо рта несло чесноком.

— Ах ты, маленький извращенец! Хотел пощупать на халяву, да?

Я отпрянул от нее и попятился, она стала преследовать меня. Ее обвислые груди колыхались на воде и гнали перед собой волну.

— У-у, поганец, онанист сопливый! Хотел подержаться за мои титьки? Тебе хотелось попробовать, как это, да? А не хочешь попробовать моего говна? Как насчет порции моего говнеца, маленький выродок?

Я отступал все дальше, становилось все глубже. Я уже поднялся на цыпочки, нахлебался воды, а она все продолжала двигаться на меня — женщина-пароход. Дальше я отступать не мог. Она подошла вплотную. Бледные пустые глаза без признаков какого-либо цвета уставились на меня. Я почувствовал, как ее тело коснулось моего.

— А ну-ка, схвати меня за пизду, — приказала она. — Я знаю, ты

хотел этого, так давай — хватай! Хватай, тебе говорят!

Она не отступала.

— Если ты не сделаешь это, я скажу спасателям, что ты приставал ко мне и тебя посадят в тюрьму! Так что хватай!

Я не мог решиться на такое. Неожиданно она сама схватила меня между ног и дернула. Она чуть не оторвала мой стручок! Я отпрянул, упал на спину и пошел ко дну. Я отчаянно работал руками, лягался и, в конце концов, вынырнул. Женщина была в шести футах от меня, и я поплыл вперед, хлебая воду.

— Я скажу спасателям, что ты приставал ко мне! — неслось мне вслед.

Между нами проплывал мужчина.

— Этот ублюдок, — закричала она ему, указывая на меня, — эта маленькая тварь, схватила меня за пизду!

— Успокойтесь, леди, — ответил мужчина, — мальчик просто подумал, что это решетка от водостока.

Я добрался до Рэда.

— Послушай, нам надо сматываться отсюда! Вон та жирная тетка собирается рассказать спасателям, что я хватал ее за пизду.

— А зачем ты это сделал? — спросил Рэд.

— Ну, я хотел попробовать, какая она наощупь.

— Ну, и какая она?

Мы выскочили из бассейна, сполоснулись под душем. Рэд нацепил свою руку, и мы оделись.

— Ты, правда, это сделал? — опять спросил Рэд.

— Ну, когда-то же надо начинать.

Примерно через месяц семья Рэда уехала. В один день они просто исчезли. Как и не было. Рэд никогда и ничего мне не рассказывал наперед. Рэда не стало, не стало футбола, не стало его тоненьких красных пальчиков с крошечными ноготками, они исчезли. Рэд был хорошим парнем.

Не знаю, почему, но Чак, Эдди, Джин и Фрэнк стали брать меня в свои игры. Скорее всего, потому что в их компанию затесался пятый, и теперь для ровного счета им нужен был еще один игрок. Я по-прежнему играл плохо, и мне нужно было много тренироваться, но кое-чему я уже научился. Самым интересным днем недели была суббота. Мы затевали большую игру. К нам присоединялись ребята из других кварталов, и мы играли на проезжей части. Когда мы играли на газонах, пас разрешалось только перехватывать, но когда мы выходили на улицу, в ход шли блоки. Тогда и пасов становилось больше, потому что при контактной игре трудно долго продержаться с мячом. Я играл в футбол каждую субботу. Дома у нас были сплошные проблемы, драки между матерью и отцом участились, и они забыли обо мне.

Во время одной такой субботней игры я прорвался сквозь защиту противника и увидел, что Чак метнул мяч. Это была высокая затяжная свеча. Я помчался вперед к голевой линии, наблюдая за мячом через плечо. Я видел, он летит мне прямо в руки, и я поймал его за гол-линией.

Но тут я услышал пронзительный окрик моего отца:

— ГЕНРИ!

Он стоял на тротуаре напротив нашего дома. Я отдал мяч игроку из нашей команды, а сам побежал к отцу. Вид у него был свирепый. Я почти чувствовал потоки ярости, исходящие от него. Он стоял в своей обычной позе: одна нога чуть выставлена вперед, налитое кровью лицо и дергающееся от учащенного дыхания пузо. Как я уже говорил, когда эта шестифутовая махина впадала в бешенство, то подавляла собой все вокруг. Я не мог смотреть ему в глаза, я видел только уши, рот и нос.

— Ну, что, — начал он, — теперь ты уже достаточно взрослый и можешь ухаживать за газоном. Ты вырос и должен косить траву, подрезать кусты, поливать цветы. Пришло время поработать. Пора тебе пошевелить своей задницей!

— Но я играю с ребятами в футбол. Суббота мой единственный день.

— Ты что, перечишь мне?

— Нет.

В доме из-за занавесок за нами следила мать. Каждую субботу они затевали в доме уборку — пылесосили ковры и половики, полировали мебель, вощили паркет, а потом снова застилали его половиками, так что

навощенного паркета и не было видно.

Косилка и прочий инструмент лежали на дорожке. Отец показал мне на них.

— Бери косилку и начинай подстригать газон, да смотри, не оставляй полос. Очищай бункер, как только он забьется. Когда закончишь подстригать в одном направлении, сделай то же самое в другом, ясно? Сначала двигайся с севера на юг и с юга на север, а потом с востока на запад и с запада на восток. Ты все понял?

— Да.

— И не корчи из себя несчастного, а не то я, действительно, сделаю тебя несчастным! После того как закончишь с косилкой, возьмешь резак и пройдешься вдоль краев газона мелким ножом. Не забудь подрезать траву под забором, срежь каждый стебелек! Затем... поставишь на резак эту циркулярку и подравняешь край. Запомни, линия края должна быть абсолютно прямой! Понял?

— Да.

— Когда закончишь с этим, возьмешь вот это, — отец показал на большие ножницы, — встанешь на колени и подстрижешь все оставшиеся волоски по всему газону. Затем вытянешь шланг и польешь все клумбы и грядки. Далее переключишь насадку на разбрызгиватель и поддержишь фонтан над каждой частью газона по пятнадцать минут. Все, что ты сделаешь здесь — на газоне и в цветнике, повторишь на заднем дворе. Вопросы есть?

— Нет.

— Отлично. А теперь послушай, что я тебе скажу. Когда ты все сделаешь и здесь и там, я выйду и проверю, и, не дай Бог, я увижу хоть одну торчащую травинку! Хоть один волосок! Если найду..

Он выдержал паузу, потом повернулся и пошел к дому, поднялся на веранду, открыл дверь и, хлопнув ею, скрылся. Я взял косилку, выкатил на газон и стал толкать ее с севера на юг. С улицы доносились возгласы ребят — они играли в футбол...

Я скосил, выстриг и выровнял газон перед домом. Я полил цветочные клумбы и, включив воду, чтобы разбрызгиватель орошал подстриженный газон, двинулся на задний двор. По пути я выровнял края газона вдоль дорожки, ведущей задом. Не знаю, чувствовал ли я себя более несчастным, я ведь и так был слишком запуган и жалок. Для меня весь мир обратился в этот газон, и я должен был просто толкать вперед косилку и все. И я косил, стриг, резал и... Вдруг остановился. Я испугался, мне показалось, что так будет всегда: пройдет время, ребята закончат игру и пойдут по домам

ужинать, пройдет суббота, а я все буду косить и косить...

Когда я снова приступил к работе, то заметил, что с заднего крыльца за мной наблюдают мать с отцом. Они стояли молча, без движений. Я толкал косилку, как мне было ведено, и вдруг мать сказала отцу:

— Посмотри, а он, когда косит, не потеет, как ты. Посмотри, как он спокоен и непринужден.

— СПОКОЕН? ОН НЕ СПОКОЕН, ОН МЕРТВ!

Когда я в очередной раз проходил мимо них, то услышал окрик:

— ТОЛКАЙ БЫСТРЕЕ! ЧТО ПОЛЗЕШЬ, КАК УЛИТКА!

Я стал толкать быстрее. Хотя это было тяжело, но мне нравилось. Я толкал все быстрее и быстрее, я почти бежал за косилкой. Скошенная трава летела с такой силой и скоростью, что большая ее часть вылетала из бункера. Я знал, что это разозлит отца.

— АХ ТЫ, УБЛЮДОК! — заорал он, сбежал с крыльца и заскочил в гараж.

Обратно он выскочил с поленом в руке, небольшим, примерно в фут длиной. Краем глаза я увидел, как он швырнул его в меня. Я даже не попытался увернуться. Полено угодило в правую ногу. Боль была ужасная. Нога отнялась, и мне пришлось силой заставить себя продолжить работу. Я толкал косилку вперед и старался не хромать. На обратном пути я наткнулся на это полено, подобрал его, отбросил в сторону и продолжил косьбу. Боль не стихала.

— СТОЙ! — приказал отец.

Я остановился.

— Я хочу, чтобы ты вернулся и еще раз прошел то место, где ты косил с переполненным бункером. Ты понял меня?

— Да.

Отец повернулся и пошел к заднему крыльцу. Я вновь взялся за работу. А они стояли на крыльце и смотрели на меня.

По окончании работы мне нужно было вымести всю траву с дорожки и вымыть ее. Я уже практически все закончил, оставалось лишь полить газон за домом по пятнадцать минут на каждую сторону. Я протянул шланг за дом, установил разбрызгиватель, когда отец снова вышел из дома.

— Перед поливкой я хочу проверить, как выстрижен газон.

Он вышел на середину газона, опустился на четвереньки и низко склонил голову, почти прижавшись щекой к траве, чтобы видеть оставшиеся травинки. Он прижимался то одной щекой, то другой. Я ждал.

— АГА! — воскликнул отец, подскочил и бросился к дому. — МАМА! МАМА! — вбежал на крыльцо.

— Что такое?

— Я нашел волосок! — завопил он и скрылся в доме.

— Нашел?

— Да! Пошли, я тебе покажу!

Отец снова появился на крыльце, за ним поспешала мать.

— Вот здесь! Здесь! Сейчас я покажу тебе! — тараторил отец, брякнувшись на четвереньки.

— Вот, я вижу! О, я вижу два волоска! Мать опустилась рядом с ним. Я стоял и дивился на двух сумасшедших.

— Видишь? — спросил он ее. — Два волоска. Ты видишь их?

— Да, папочка, вижу...

Наконец они поднялись. Мать пошла в дом, а отец посмотрел на меня:

— Иди в дом... — приказал он.

Я пошел, отец последовал за мной.

— В ванную.

И вот он закрыл за нами дверь.

— Спусти штаны.

Я слышал, как он снимает с крючка ремень для правки бритв. Правая нога все еще болела. Но для меня, перенесшего столько жоподралок, это уже не имело никакого значения. Весь мир за дверью ванной ровным счетом ничего не значил. Миллионы людей, собак, кошек, сусликов, зданий, улиц — все померкло. Только отец с ремнем в руке и я. По утрам он точил свою бритву об этот ремень, и я с ненавистью наблюдал, как он стоит перед зеркалом с намыленной физиономией и бреется.

И вот я получил первый удар. Раздался плоский и громкий звук. Этот звук для меня был почти так же невыносим, как и боль. Еще удар. Отец махал своим ремнем, как заведенная машина. У меня было такое чувство, что я в могиле. Еще удар, и я подумал, что, наверное, это последний. Но я ошибся. Он бил и бил. У меня уже не было ненависти к нему. Он просто перестал существовать для меня, мне хотелось лишь поскорее убраться из его дома. Я даже не мог плакать. Мне было слишком больно. Больно и противно. Он ударил еще пару раз и остановился. Я ждал и слушал, как он вешает ремень на место.

— Следующий раз я не хочу видеть ни одного волоска, — сказал он и вышел.

Я осмотрелся — стены были прекрасными, ванна была прекрасна, тазик и занавеска были превосходны, и даже унитаз стал восхитительным — мой отец ушел.

Из всех парней, живших в нашем квартале, Фрэнк был лучшим. Мы подружались и всегда гуляли вместе, больше нам никто не был нужен. С общей компанией у Фрэнка тоже не ладилось, так или иначе его выживали из шайки, и он стал водиться со мной. Фрэнк был не такой, как Дэвид, с которым мы возвращались из школы домой. С ним было намного интересней. Я даже стал посещать католическую церковь, потому что туда ходил Фрэнк, к тому же это нравилось моим родителям. Воскресная месса навевала тоску. И еще мы должны были изучать катехизис — скучные вопросы и скучные ответы.

Однажды днем мы сидели на моей веранде, и я читал Фрэнку катехизис:

— Бог имеет телесные глаза и все видит.

— Телесные глаза? — переспросил Фрэнк.

— Да.

— Это вот такие, что ли? — снова спросил он, сжал кулаки и приложил их к своим глазам. — У него вместо глаз бутылки с молоком, — сказал Фрэнк, поворачиваясь ко мне и вдавливая кулаки в глазницы.

Я засмеялся. Фрэнк тоже. Мы долго хохотали. Потом Фрэнк остановился и спросил:

— Как ты думаешь, Он слышал нас?

— Я думаю — да. Раз Он может видеть все, значит, может и слышать все.

— Я боюсь, — зашептал Фрэнк. — Вдруг Он захочет убить нас. Как ты думаешь, он убьет нас?

— Не знаю, — ответил я.

— Лучше мы посидим и подождем. Только не шевелись. Сиди тихо.

Мы сели на ступеньки и стали ждать. Мы прождали долго.

— Наверное, Он не собирается убивать нас прямо сейчас, — наконец сказал я.

— Да, решил не торопиться, — отозвался Фрэнк.

Мы подождали еще с часик и пошли к Фрэнку. Он строил модель аэроплана, и мне хотелось посмотреть...

Наступил день нашей первой исповеди, и мы пошли в церковь. Как-то в кафе-мороженое мы познакомились со священником и разговорились. Мы даже заходили к нему домой. Он жил в доме за церковью со своей старой

женой. Мы просидели у него довольно долго и завалили его всевозможными вопросами о Боге: а какого Он роста? И что же. Он целый день сидит в своем кресле? А Он посещает ванную комнату, как все это делают? Священник никогда не давал нам точных ответов на наши конкретные вопросы, но все равно он казался отличным мужиком, у него была приятная улыбка.

По дороге в церковь мы думали о том, как пройдет наша первая исповедь. Мы уже подходили к церкви, когда за нами увязалась бездомная собака. Она была очень худая и голодная. Мы остановились и поласкали ее, почесали спину.

— Жаль, что собаки не могут попадать в рай, — сказал Фрэнк.

— Почему это?

— Для этого нужно быть крещеным.

— Давай мы окрестим ее.

— Ты думаешь?

— Она заслужила свой шанс попасть в рай.

Я взял собаку на руки, и мы вошли в церковь. Подтащили псину к чаше со святой водой. Я держал ее за шею, пока Фрэнк брызгал водой ей на лоб, приговаривая:

— При сем крещу тебя.

Потом мы вытащили собаку обратно на улицу и отпустили.

— Смотри-ка, она даже выглядит как-то по-другому, — сказал я.

Собака потеряла к нам всякий интерес и потрусилась дальше по тротуару, а мы вернулись в церковь. Снова подойдя к чаше, мы помакали пальцы в святую воду и потом перекрестились. Дальше мы оба встали на колени на низкую скамеечку рядом с исповедальней, вход в которую был закрыт занавеской. Вскоре из-за занавески вышла толстая тетка. Когда она проходила мимо, я учуял крепкую вонь ее тела. Это была смесь запаха церкви и еще чего-то наподобие мочи. Каждое воскресенье люди приходили на мессу и нюхали эту смесь, но никто ничего не говорил. Я собирался поговорить об этом со священником, но не смог. Возможно, подумал я, этот запах источают свечи.

— Я пошел, — сообщил Фрэнк, поднялся и скрылся за занавеской.

Он пробыл там довольно долго, а когда снова появился, на его лице сияла улыбка.

— Здорово! Это было здорово! Сейчас твоя очередь!

Я встал, отвел занавеску и вошел. Было темно. Я снова опустился на колени. Все, что я смог разглядеть, — это ширму прямо передо мной. Фрэнк говорил, что за ней прятался Бог. Я стоял на коленях и пытался

думать о чем-нибудь плохом, что я натворил, но на ум ничего не шло. Сколько я ни пытался, ничего не получалось. Я словно отупел. Я не знал, что мне делать.

— Ну, начинай, — сказал чей-то голос. — Говори что-нибудь!

Голос был сердитый. Я не ожидал услышать здесь что-либо подобное. Я думал, у Бога достаточно времени. Я испугался и решил врать.

— Хорошо, — начал я. — Я... ударил своего отца. Я... проклял мать... Я украл деньги из ее сумочки и потратил их на шоколадные батончики. Я выпустил воздух из мяча Чака. Я заглядывал под платье одной девочке. Я ударил мать и съел свою козьявку. Наверно, это все... Ах да, сегодня я окрестил собаку.

— Ты окрестил собаку? — переспросил голос.

Я понял — это конец. Смертный грех. Дальше продолжать не имело смысла. Я встал, чтобы удалиться. Не помню, посоветовал мне голос прочитать какую-нибудь молитву или он так ничего и не сказал на прощанье. Я отодвинул занавеску — на скамейке меня поджидал Фрэнк. Мы вышли из церкви и снова оказались на улице.

— Я чувствую очищение, — сказал Фрэнк. — А ты?

— Нет.

Больше я не исповедовался. Эта процедура была похлеще даже утренней мессы.

Фрэнк обожал аэропланы. Он давал мне почитать много разной макулатуры о Первой мировой войне. Лучшими летчиками считались Летающие Тузы. Их воздушные схватки — собачьи бои — были грандиозны, в небе кружились огромные клубки из «спадов» и «фоккеров». Я читал все истории о воздушных боях. Мне не нравилось только то, что немцы всегда проигрывали. В остальном это было здорово.

Я любил приходить к Франку за журналами. У его матери были красивые ноги, и она всегда надевала туфли на высоком каблуке. Я наблюдал за ней, когда она сидела в кресле, забросив ногу на ногу и высоко задрав юбку. Отец Франка сидел в кресле напротив, и оба они всегда были пьяные. Отец Фрэнка во время Первой мировой войны был летчиком и потерпел аварию. У него в одной руке вместо кости была проволока. Он получал пенсию и тоже мне очень нравился. Когда мы приходили в его дом, он всегда спрашивал нас:

— Ну, как дела, ребята? Что новенького?

И вот однажды мы узнали об авиационном шоу. Зрелище было организовано с размахом. Фрэнк достал карту, и мы решили добираться до места представления автостопом. Честно говоря, я думал, что мы, скорее всего, не попадем на это представление, но Фрэнк сказал, что мы будем там. Его отец дал нам деньги.

Мы вышли на бульвар вместе с нашей картой и остановили машину. Водитель согласился немного подвезти нас. Это был уже пожилой мужчина с мокрыми губами, которые он постоянно облизывал. На нем была старая клетчатая рубашка, застегнутая наглухо. Галстука он не носил. И еще у него были странные лохматые брови, которые свисали ему прямо на глаза.

— Меня зовут Дэниел, — сказал он.

За нас ответил Фрэнк:

— Это Генри, а я — Фрэнк.

Дэниел помолчал, потом вытянул сигарету «Лаки Страйк» и прикурил.

— У вас есть родители, ребята?

— Да, — ответил Фрэнк.

— Да, — повторил я.

Сигарета у Дэниела была уже вся мокрая. Он остановил машину на светофоре и заговорил:

— Я вчера был на пляже, там легавые заловили под пирсом двух

парней. Один отсасывал у другого. Их повязали и повезли в каталажку. Какое дело легавым, кто у кого отсасывает? Меня это просто бесит.

Загорелся зеленый, и Дэниел поехал дальше.

— Не кажется ли вам, что это свинство? Один парень отсасывает у другого, а их хватают и волокут в тюрьму!

Мы промолчали.

— Нет, ну как вы думаете, — не унимался Дэниел, — имеют ребята право брать друг у друга за щеку?

— Наверное, да, — сказал Фрэнк.

— Ага, — подтвердил я.

— А вы куда, ребята, направляетесь? — заинтересовался Дэниел.

— На авиационное шоу, — ответил Фрэнк.

— О, авиа-цирк! Я тоже люблю авиацию! Вот что я скажу вам, ребята, вы возьмете меня с собой, а я довезу вас прямо до места. Как?

Мы молчали.

— Ну что, договорились?

— Договорились, — отозвался Фрэнк.

Отец Фрэнка дал нам денег и на билеты, и на проезд, но мы рассчитывали сэкономить на автостопе.

— Ребята, а может, мы лучше съездим покупаться? — предложил Дэниел.

— Нет, — отказался Фрэнк, — мы хотим посмотреть шоу.

— Да купаться веселее. Поиграем в догонялки. Я знаю одно местечко, где никого не бывает. Не бойтесь, это не под пирсом.

— Мы хотим посмотреть авиа-шоу, — не сдавался Фрэнк.

— Хорошо, — отступился Дэниел, — едем смотреть авиа-шоу.

Дэниел подъехал к месту проведения шоу и остановился на стоянке. Мы вылезли из машины, и пока Дэниел возился с ключами, Фрэнк сказал:

— БЕЖИМ!

Мы бросились к проходным воротам. Дэниел заорал нам вслед:

— ЭЙ ВЫ, НЕГОДЯИ! ВЕРНИТЕСЬ! ВЕРНИТЕСЬ, Я ВАМ ГОВОРЮ!

Мы продолжали бежать.

— Черт, — сказал Фрэнк, — этот козел настоящий придурок!

Мы были почти у цели.

— Я ДОСТАНУ ВАС, СОСУНКИ! — неслоь нам вслед.

Мы расплатились и заскочили за ограждение. Представление еще не началось, но толпа собралась уже огромная.

— Давай спрячемся под трибуной, там он нас не найдет, — предложил

Фрэнк.

Трибуна была временная и наскоро сбита из досок, мы нырнули под нее. Там уже находилось двое парней. Им было лет по 13–14, года на 3–4 постарше нас. Они стояли посередине возвышающихся скамеек и смотрели вверх.

— На что это они смотрят? — спросил я.

— Пойдем, глянем, — сказал Фрэнк.

Мы двинулись к парням, но один из них заметил нас и заорал:

— Эй вы, молокососы, валите отсюда!

— А что вы там разглядываете? — спросил Фрэнк.

— Я же сказал, пошли отсюда, педики!

— Да ладно тебе, Марти, пусть посмотрят! — вступился второй.

Мы подошли к ним поближе и задрали головы.

— Ну, и что? — спросил я.

— Блядь, ты чего, не видишь ее? — удивился Марти.

— Кого?

— Пизду.

— Пизду? Где?

— Да вон же она! Смотри сюда, — и он показал мне.

Там наверху сидела женщина, подол ее юбки задрался, трусов на ней не было и через щель между досками можно было видеть ее влагилице.

— Теперь видишь?

— Ага, я вижу, — опередил меня Фрэнк, — волосатая.

— Все правильно, — улыбнулся Марти, — а теперь, ребята, мотайте отсюда и держите языки за зубами.

— Ну, можно нам еще посмотреть, — заканючил Фрэнк. — Мы просто посмотрим еще разок и все.

— Ладно, но только недолго.

Мы стояли, задрав головы, и смотрели на волосатое чудо.

— Я вижу ее, — сказал я.

— Да, настоящая пизда, — отозвался Фрэнк.

— Точно, самая настоящая, — вторил я.

— Ага, — подтвердил парень, который позволил нам подойти, — самая что ни есть подлинная.

— Я ее на всю жизнь запомню, — заявил я.

— Ну, все, ребята, хватит, вам пора уходить, — обломал Марти.

— Зачем? — не отступал Фрэнк. — Почему мы не можем смотреть с вами?

— Потому что, — ответил парень, — я кое-что хочу сделать. Давайте,

проваливайте! Мы пошли прочь.

— Интересно, что он собирается сделать? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Фрэнк, — может, хочет запустить в нее камнем.

Мы вылезли из-под трибуны и осмотрелись — нет ли поблизости Дэниела. Его нигде не было.

— Наверное, он ушел, — предположил я.

— Да, такой мудак, как он, не может любить аэропланы, — заверил Фрэнк.

Мы забрались на трибуну и стали ожидать начала представления. Я искал взглядом ту женщину.

— Интересно, которая из них? — спросил я Фрэнка.

— Бесполезно, — отмахнулся Фрэнк, — отсюда ты ее никогда не узнаешь.

И вот шоу началось. Летчик на «фоккере» исполнял фигуры высшего пилотажа. Это было здорово. Он делал мертвую петлю, крутил бочку, опрокидывался в отвесное пики, проносился над самой землей, выполнял переворот Иммельмана. Но самый эффектный его трюк заключался в следующем: две красные косынки закрепляли на шестах, примерно в шести футах от земли. Фоккер снижался, заваливаясь на одно крыло, на конце которого был приделан крюк. Этим крюком он сдирал с шеста косынку, затем разворачивался, заваливался на другое крыло и вторым крюком срывал другую косынку.

Потом аэропланы делали на небе надписи — это казалось скучным. Гонки на воздушных шарах вообще были глупыми. Но вот, наконец, они показали что-то стоящее — гонки на низкой высоте по периметру, который определяли четыре столба. Аэропланы должны были двенадцать раз облететь вокруг обозначенной опорами площади. Пилота автоматически дисквалифицировали, если он подымался выше столбов. Гоночные самолеты стояли на земле и разогревали двигатели. Все они были разной конструкции. У одного был тонкий длинный фюзеляж и маленькие крылья, другой, наоборот — толстый и круглый, почти как футбольный мяч, а у третьего совсем не было фюзеляжа — одно большое крыло. В общем каждый был по-своему оригинален и своеобразно раскрашен. Победителю доставался приз в сто долларов. Пилоты разогревали двигатели своих аппаратов, и все были в предвкушении волнительного зрелища. Наконец, моторы взревели так, будто хотели вырваться из нутра аэропланов, судья опустил флаг, и машины пошли на взлет. В гонках участвовало шесть самолетов, и места по периметру для всех было мало. Одни летчики заняли предельно низкую высоту, другие — предельно высокую, остальные

оказались между ними. Несколько смельчаков сделали первый поворот вокруг столба прямо на взлете, другие повернули еще на земле, что показалось нам жульничеством. Зрелище было замечательным и жутким. И тут у одного самолета отвалилось крыло, он ударился о землю, подпрыгнул, двигатель выстрелил снопом пламени и дыма, самолет снова рухнул на землю и перевернулся. К нему помчались скорая помощь и пожарка. Другие самолеты продолжали гонку. У следующего аппарата взорвался двигатель. Он закачался и ринулся вниз, будто что-то обронил, ударился о землю и развалился на части. Но странная вещь! Капюшон кабины откинулся, из нее выбрался пилот и стал поджидать спешащую к нему скорую помощь. Он помахал трибунам, и толпа бешено зааплодировала. Это было чудесно.

И вдруг произошла трагедия. Два самолета зацепились крыльями, когда совершали поворот вокруг столба. Они закружились в воздухе, рухнули на землю и загорелись. И снова скорая помощь и пожарка ринулись на место катастрофы. Мы видели, как обоих летчиков извлекли из-под полыхающих обломков и положили на носилки. Печальное зрелище — два отчаянных смельчака, и оба, вероятно, останутся калеками или умрут.

Но оставшиеся два аэроплана — № 5 и № 2 — продолжали бой за приз. № 5 — самолет с длинным тонким фюзеляжем и маленькими крыльями — летал намного быстрее № 2, который смахивал на футбольный мяч. Правда, № 2 сокращал отставание на поворотах, закладывая их чуть круче, но это мало помогало, № 5 лидировал.

— Самолет номер пять, — объявил комментатор, — впереди на два круга, и ему осталось преодолеть всего два круга.

Все шло к тому, что приз достанется пятому номеру. Но... он врезался в столб. Вместо того чтобы облететь, он просто протаранил его и устремился к земле. Машина неумолимо теряла высоту, все ниже и ниже, хотя двигатель работал на полных оборотах, и вот колеса ударились о поле, самолет высоко подпрыгнул, перевернулся, плюхнулся на землю и пробороzdил длинную полосу. И снова у скорой помощи и пожарной машины было много работы.

Второй номер облетел оставшиеся три столба, затем сделал поворот над рухнувшим соперником и приземлился. Он выиграл главный приз. Из самолета вылез жирный парень, точно такой же, как его аэроплан. А я ожидал увидеть красивого крепкого молодца. Толстяку просто повезло. Ему почти не аплодировали.

В финале представления были соревнования парашютистов. На поле

был нарисован круг — большая мишень. И тот, кто приземлится ближе всех к центру, тот и победил. Мне показалось это неинтересным — мало шума и почти никакого действия. Просто прыгают и целятся в круг.

— Это не очень интересно, — сказал я Франку.

— Очень, — возразил он.

С каждым прыжком участники подбирались все ближе и ближе к центру мишени. И вдруг толпа заохала и заахала.

— Смотри! — воскликнул Фрэнк.

У одного участника парашют раскрылся только частично. В куполе почти не было воздуха. Парашютист падал быстрее, чем остальные. Видно было, как он брыкается и работает руками, пытаясь распутать свой парашют.

— О, черт возьми, — прошептал Фрэнк.

Парень продолжал падать все ниже и ниже, и мы могли видеть его все лучше и лучше. Он продолжал дергать за стропы, надеясь заполнить купол воздухом, но ничего не получалось. И вот он ударился о землю, слегка подскочил и затем затих. Сверху его накрыл запутавшийся парашют.

Соревнования прекратили.

Мы выходили с поля, прячась в толпе — опасались нарваться на Дэниела.

— Давай не поедем автостопом, — предложил я Фрэнку.

— Давай, — согласился приятель.

Покидая шоу, я точно не знал, что меня взволновало больше — гонки на аэропланах, прыжок с нераскрывшимся парашютом или же пизда.

В пятом классе я чувствовал себя чуточку лучше. Одноклассники относились ко мне менее враждебно, да и сам я подрос и физически окреп. Правда, в свою игру они меня по-прежнему не брали, но и угрожать и издеваться прекратили. Дэвид и его печальная скрипка ушли из моей жизни навсегда. Его семья переехала в другое место. Теперь я ходил домой один. Частенько за мной по пятам таскалась парочка парней. Самым опасным среди них был Джуан — чернокожий парень с медной цепью вместо пояса. Все девчонки боялись его, да и многие ребята тоже. Но к активным действиям они не переходили. Просто шли чуть позади меня, и Джуан курил свои сигареты. Один он никогда не преследовал меня. Я заходил в дом, а они оставались на улице. Джуан докуривал сигарету, болтая со своими приятелями, а я следил за ними из-за занавески. В конце концов, они уходили. Я боялся их, я хотел, чтобы они оставили меня в покое, но, с другой стороны, мне было плевать на них. Джуан вызывал у меня презрение. Мне вообще никто не нравился в нашей школе. Меня бесили их повадки, разговоры, даже внешний вид отвращал. Я думаю, они знали это и в ответ ненавидели меня. Дома было примерно то же самое — мне не нравились мои родители, я ненавидел их жизнь. По-прежнему я ощущал вокруг себя стерильно белое и совершенно пустое пространство, а внутри себя, в животе, легкую тошноту.

Миссис Фритаг была нашим учителем английского языка и литературы. На первом занятии она у каждого спросила, как его зовут.

— Я хочу все о вас знать, — завела она.

Она всегда улыбалась.

— Все вы, я надеюсь, имеете отцов, и будет интересно узнать, чем они занимаются. Мы начнем по порядку мест, прямо по рядам. Итак, Мария, чем занимается твой отец?

— Он садовник.

— О, это прекрасно! Дальше, номер два... Эндрю, а твой отец чем занимается?

Это было ужасно. Все отцы нашего квартала были безработные. Моего отца тоже уволили с молокозавода. Отец Джини целыми днями просиживал на веранде. Никто не мог никуда пристроиться, кроме отца Чака, его взяли на мясокомбинат, и теперь он водил красный автомобиль с названием компании на бортах.

— Мой отец пожарный, — поведал нам номер два.

— О, это интересно, — отреагировала миссис Фритаг. — Теперь место номер три.

— Мой отец адвокат.

— Номер четыре.

— Мой отец, это... он полицейский...

А что сказать мне? Ведь, возможно, что только отцы нашего квартала не имели работу. Я слышал про какой-то черный вторник и биржевой крах. Но ведь, возможно, что только в нашем квартале этой фондовой бирже пришел конец.

— Восемнадцатое место.

— Мой отец киноактер...

— Девятнадцатое...

— Мой отец скрипач...

— Двадцатое...

— Мой отец работает в цирке...

— Двадцать первое...

— Он водитель автобуса...

— Двадцать второе...

— Оперный певец...

— Двадцать третье...

Двадцать третьим был я.

— Мой отец зубной врач, — сказал я.

Миссис Фритаг прошла через весь класс и остановилась возле места за номером тридцать три.

— Мой отец безработный, — сказал тридцать третий.

«Вот говно, — подумал я. — Стоило мне ломать над этим голову?»

Однажды миссис Фритаг дала нам задание.

— Наш выдающийся президент Герберт Гувер прибывает с визитом в Лос-Анджелес и в субботу произнесет речь. Я хочу, чтобы вы все послушали президента. И еще я хочу, чтоб вы написали сочинение о своих чувствах и переживаниях по поводу увиденного и о том, что вы думаете о речи президента Гувера.

Суббота? Нет, шансов на то, чтобы пойти на встречу с президентом, у меня не было. Я должен был подстригать газон. Мне надлежало охотиться за волосками. (Я никак не мог избавиться от них.) Почти каждую субботу я был бит ремнем для правки бритв, потому что мой отец отыскивал на газоне волоски. (Кроме этого, он пару раз порол меня в течение недели за то, что я что-то не успевал сделать или делал неправильно.) Даже не стоило

и думать о том, как я заявлю своему отцу, что должен идти смотреть и слушать президента Гувера.

Итак, я никуда не пошел. В ту субботу я взял несколько листов бумаги и сел писать сочинение о том, как я видел нашего президента.

Открытый лимузин президента, сопровождаемый потоком транспарантов, въехал на стадион. Один автомобиль, набитый секретными агентами, катился чуть впереди и два автомобиля сзади. Нашего президента охраняли смелые ребята с пистолетами. Толпа поднялась с трибун, когда лимузин президента въехал на арену. Никогда еще ничего подобного не происходило на этом стадионе. Это был наш президент. Он махал нам, и мы ликовали. Играл оркестр. Морские чайки восторженно кружили над нашими головами, как будто и они знали, что это наш президент. На голубом небосводе аэропланы выводили слова: «Благополучие не за горами». Президент встал в своем лимузине, и тут же, как по велению неведомой воли, тучи раздалились, и солнечный луч осветил его лицо. Это означало, что и Бог знал, кто перед ним. И вот правительственный кортеж остановился, и наш, великий президент, в окружении секретных агентов, направился к кафедре, утыканной микрофонами. Но как только он встал напротив микрофонов, с небес спустилась птица и села на кафедру прямо рядом с ним. Президент отогнал птицу и рассмеялся, и мы рассмеялись вместе с ним. Наконец, президент начал свою речь, и народ слушал его, затаив дыхание. Я не мог спокойно слушать президента, потому что сидел рядом с машиной для изготовления воздушной кукурузы, и она издавала слишком много шума, обжаривая зерна. Но все же мне думается, он говорил, что проблемы в Манчжурии не такие уж серьезные, и что у нас в стране скоро все образуется, и мы не должны волноваться, а должны верить в Америку. Скоро для всех будет работа. Каждый зубной врач будет обеспечен большим зубом, будет хватать пожаров, чтобы пожарные могли тушить их. Снова откроются заводы и фабрики. Дружественные нам страны Южной Америки начнут выплачивать свои долги. Скоро мы все сможем засыпать мирным сном на сытый желудок и с благостным сердцем. Бог и наша великая страна будут окружать нас любовью и защищать от дьявола и социалистов. Они помогут нам пробудиться от нашего нынешнего национального кошмара навсегда...

Президент выслушал аплодисменты, помахал нам в ответ, вернулся в свой лимузин и уехал в сопровождении кортежа автомобилей с секретными агентами. И солнце уже садилось, день клонился к вечеру — тихому, золотистому и прекрасному. Мы видели и слышали президента Герберта Гувера.

В понедельник я сдал свое сочинение. Во вторник миссис Фритаг обратилась к классу:

— Я прочитала все ваши сочинения, основанные на личных наблюдениях за визитом президента в Лос-Анджелес. Я была там. Некоторые из вас, как я заметила, не смогли, по тем или иным причинам, присутствовать при его речи. Для тех, кто не был на встрече с президентом, я бы хотела прочитать сочинение Генри Чинаски.

В классе воцарилась зловещая тишина. Я числился самым неприятным и никем не признаваемым учеником. Эта акция для всех учащихся была настоящей пыткой, будто острый нож шинковал их сердца.

— Оно очень художественное, — добавила миссис Фритаг и начала читать мое сочинение.

Все слушали. Для меня лично мои собственные слова звучали здорово. Они заполнили классную комнату от одной доски до другой, бились о потолок и отскакивали вниз, они покрыли туфли миссис Фритаг и засыпали пол. Самые красивые девочки нашего класса стали бросать на меня испуганные взгляды. Все крутые парни просто на говно изошли от злости, потому что их сочинения ни хуя не стоили. Я упивался своими словами, как истерзанный жаждой человек. Я даже сам начал верить в то, что выдумал. Я возрождался. Я видел Джуана, сидящего в нашем классе, и как я при всех бил его по харе. От нетерпения мои ноги то вытягивались, то поджимались. Но все это слишком быстро закончилось.

— На этой грандиозной ноте, — объявила миссис Фритаг, — я заканчиваю урок и отпускаю всех...

Ученики поднялись и стали собираться.

— Кроме Генри, — закончила учительница. Я сел на свой стул, а миссис Фритаг стояла у доски и смотрела на меня. Потом она сказала:

— Генри, ты был там?

Я сидел и думал, как же мне ответить? Но ничего не придумал и сказал:

— Нет, я не был там. Она улыбнулась.

— Это делает твоё сочинение по-настоящему замечательным.

— Да, мэм...

— Ты можешь идти, Генри.

Я встал, вышел из класса и пустился в свой ежедневный путь домой. Так вот, значит, что им нужно — ложь. Красивая ложь. Они хотят, чтобы им вешали лапшу на уши. Люди — болваны. Оболванивать их для меня оказалось проще простого. Я оглянулся — Джуана и его приятелей у меня за спиной не было. Жизнь стала лучше.

Временами мы с Франком были дружны с Чаком, Эдди и Джини. Но, в конце концов, обязательно происходил какой-нибудь инцидент (обычно виновником казуса был я), и меня изгоняли из компании, а следом за мной и Фрэнка на правах моего друга. Но мы с Франком здорово проводили время и вдвоем. Мотались по всему городу автостопом. Одним из излюбленных наших мест была киностудия. Поднырнув под забор, поросший высокой травой, мы проникали на территорию студии и глазели на огромные стены и ступени, которые использовались при съемках фильма о Кинг-Конге. Мы бродили по декоративным улицам, разглядывали дома-муляжи. Все здания состояли лишь из фронтонов, за которыми ничего не было. Мы облазали всю территорию вдоль и поперек, пока нас не вычислила охрана и выгнала прочь. Тогда на попутках мы стали ездить на пляж в парк Смеха. Мы проводили там по три-четыре часа и изучили все досконально. Паршивое это было местечко. Люди гадили, где попало, и повсюду валялись пустые бутылки. Стульчаки в туалете были обосраны. После закрытия на территории парка ночевали бродяги. На самом деле ничего смешного в этом парке Смеха не было. Поначалу нам понравился Зеркальный лабиринт, но как только мы научились из него выбираться, интерес пропал. Мы с Фрэнком никогда никого не задирали и ни в какие драки не ввязывались, Мы просто познавали мир. На пристани показывали документальный фильм о кесаревом сечении, мы не могли не посмотреть. Кровавое зрелище. Каждый раз, когда врач делал женщине надрез, кровь била струей, фонтаны крови, но зато потом он извлекал из нее младенца. И еще мы ходили рыбачить, а потом продавали наш улов старым еврейкам, которые сидели на скамейках в парке. Много раз отец бил меня за то, что я убегал с Фрэнком, но я рассуждал так: все я равно он найдет повод, чтобы выпороть меня, так пусть уж лучше лупит за мою веселуху.

Но у меня по-прежнему были проблемы с другими ребятами нашего квартала. И частенько мой отец был тому причиной. Например, он купил мне костюм индейца, а к нему лук и стрелы, тогда как другие ребята имели снаряжение ковбоев. И снова, как и в школе, я оставался один против всех. Эти ковбои окружали меня, держа наготове свои пистолеты, и когда улизнуть от них не удавалось, я вставлял в лук стрелу, натягивал тетиву и ждал. Но они всегда отступали. Я никогда сам не надевал этот злосчастный индейский костюм, пока отец не заставлял меня.

С Чаком, Эдди и Джини продолжалась старая история: они меня принимали, я чего-нибудь вытворял, и меня изгоняли.

Однажды после обеда я стоял возле своего дома в одиночестве. С компанией Чака я не контактировал. Я выжидал, пока они забудут последнюю мою выходку, которая их разозлила. Делать было нечего. Вокруг белое пространство и скука ожидания. Я устал торчать на одном месте и решил прогуляться до бульвара Вашингтона, потом на восток до кинотеатра и вернуться обратно по бульвару Адамса, пройдя мимо церкви. Я тронулся в путь и вскоре услышал голос Эдди:

— Эй, Генри, иди сюда!

Ребята стояли в проулке между домами — Эдди, Фрэнк, Чак и Джини. Они склонились над большим кустом и что-то разглядывали.

— Давай сюда. Генри!

— Что там?

Я подошел к компании.

— Смотри, сейчас паук будет жрать муху! — похвастался Эдди.

Я тоже склонился над кустом. Паук соткал паутину между ветвей, и муха попала в нее. Теперь хищник был в предвкушении и очень возбужден. Пытаясь вырваться на свободу, муха бешено жужжала, сучила ножками, но все бесполезно — паук все больше и больше оплетал ее крылья и тело паутиной. Он кружил и кружил вокруг своей жертвы, пока не заключил ее в кокон. Хищник был огромен и ужасен.

— О, сейчас он нападет на нее! — заорал Чак. — Смотрите, сейчас он вонзится в нее свои клыки!

Я протиснулся вперед и ударом ноги смахнул паутину вместе с пауком и мухой.

— Какого черта? — взвился Чак.

— Ты, урод! — заорал Эдди. — Ты же всех обломал!

Я слегка отступил. Даже Фрэнк в изумлении вытаращился на меня.

— Порвать ему очко! — завизжал Джини.

Они преграждали мне путь на улицу, и я кинулся вперед по проулку во двор чужого дома. Друзья бросились за мной. Я пересек двор, забежал за гараж и наткнулся на шестифутовую изгородь, увитую виноградными лозами. Пришлось перемахнуть через преграду. Я пересек следующий двор, форсировал еще одну изгородь и оказался в параллельном проулке. Выскочив на улицу, я оглянулся. Чак влез на изгородь и собирался уже прыгнуть в проулок, но поскользнулся и свалился обратно во двор прямо на спину.

— Сука! — прорычал он.

Я свернул направо и помчался по улице. Пробежав семь или восемь кварталов, я сел на чей-то газон передохнуть. Погони не было. Мне было интересно, будет ли теперь со мной дружить Фрэнк? А другие смогут простить мне мою выходку? И я решил не показываться им на глаза целую неделю, а то и больше...

Меня простили. Некоторое время ничего примечательного не происходило. Затем отец Фрэнка покончил с собой. Никто не знал, почему. Фрэнк сообщил мне, что теперь они с матерью вынуждены переехать в другой район, где у них будет жилье поменьше. Фрэнк обещал писать. И он исполнил свое обещание. Мы стали переписываться. Только мы не писали, а рисовали наши письма. Фрэнк присылал мне картинки о жизни, хлопотах и проблемах людоедов, я продолжал его рисованную историю и отсылал обратно. У людоедов была трудная и беспокойная жизнь, пока моя мать не обнаружила очередную серию присланных Фрэнком злоключений людоедов и не показала ее моему отцу. Наша переписка оборвалась.

В шестом классе я стал подумывать о побеге из дома, но одно обстоятельство удерживало меня от решительных действий: если большинство наших отцов не могли найти себе работу, то с какой стати ее получу я — малолетка, не доросший и до пяти футов? Тогдашним кумиром и детей, и взрослых был Джон Диллинджер. Он грабил банки. На всю страну гремели имена Красавчика Флойда, Мамаши Баркер и Колли-Автомата.

Люди рыскали по полям в поисках пищи. Они узнали, что некоторые травы и корни можно варить и есть. Между конкурирующими группами, встречающимися в полях, вспыхивали кулачные бои. Дрались и на улицах города. Все были озлоблены. Мужики курили «Балл Дурхам» и страдали запорами. У всех у них из передних карманов рубашек свисали маленькие кругленькие ярлычки «Балл Дурхам». Считалось высшим классом умение скручивать сигарету одной рукой. Если вы видели мужика с ярлыком «Балл Дурхам», лучше было не связываться с ним. Люди шатались по улицам и болтали о закладных, перезакладных. Однажды мой отец вернулся домой ночью со сломанной рукой и с синяками под обоими глазами. Мать подрабатывала где-то за ничтожную плату. Каждый ребенок в нашем квартале имел одну пару выходных штанов и пару повседневных. Обувь была одна на все случаи жизни, и когда она изнашивалась, новую не покупали, а чинили старую. В государственных магазинах были в ассортименте каблуки и подошва по 20 и 15 центов, а в придачу — клей с расчетом на одну пару изношенной обуви. Родители Джини держали на своем заднем дворе петуха с курочками, и если какая-нибудь несущка

филонила и не неслась, семейство Джини съедало ее.

Что касается моей жизни, то в ней ничего не изменилось — что в школе, что в отношениях с Чаком, Джини и Эдди. В те времена не только взрослые подличали, но и дети, и даже животные. Наверное, они перенимали подлость у людей.

Однажды я стоял возле своего дома, скорее всего, по привычке, потому что ждать примирения с остальными уже не имело смысла. И вдруг ко мне подскочил Джини.

— Эй, Генри, давай за мной!

— Куда?

— ДАВАЙ! — прокричал Джини и побежал дальше.

Я припустился за ним. Мы свернули в проулок и забежали во двор к Гибсонам. Двор Гибсонов был обнесен высокой кирпичной стеной.

— СМОТРИ! ОН ЗАГНАЛ КОШКУ В УГОЛ! СЕЙЧАС ОН ПРИКОНЧИТ ЕЕ!

Маленькая белая кошка вжалась в угол. Она не могла ни перепрыгнуть через кирпичный забор, ни прорваться в другом направлении. Она выгнула спину, она шипела, ее когти были готовы к бою. Но она была очень маленькая, а на нее надвигался свирепый бульдог Чака — Барни. Я решил, что это ребята поймали кошку и бросили ее во двор, а потом привели бульдога. Я был в этом почти уверен, потому что выглядели они какими-то виноватыми.

— Я знаю, это вы подстроили, — сказал я им.

— Нет, — возразил Чак, — она сама виновата. Теперь пусть борется.

— Я ненавижу вас, ублюдки, — прошипел я.

— Барни в раз прикончит ее, — сказал Джини.

— Он разорвет ее на кусочки, — поддакнул Эдди. — Просто пока он боится ее когтей, но как только набросится на нее, то прикончит в момент.

Барни — огромный коричневый бульдог со слюнявой пастью. Тупой, жирный с бесчувственными глазами. Он продолжал рычать и мало-помалу продвигаться вперед. Шерсть на его холке и спине стояла дыбом. Мне хотелось пнуть его по его дурацкой жопе, но я боялся, что он отгрызет мне ногу. Он жаждал убийства. А белая кошка была еще котенком. Она шипела и ждала, вжимаясь в стену — прекрасное создание, совсем невинное.

Собака наступала. Зачем им это было нужно? В этом не было ни грамма смелости, отваги, ничего, кроме подлой забавы. Где же были взрослые? Где они-умные и авторитетные? Они всегда были готовы ругать и стыдить нас. Где же они были теперь?

Я думал прорваться вперед, схватить кошку и убежать, но мне не

хватало смелости. Я боялся, что бульдог набросится на меня. Сознание того, что для спасения котенка мне не хватает мужества, убивало меня. Я почувствовал физическую боль. Я был слабый. Я не хотел, чтобы свершилось убийство, но я и не знал, как предотвратить его.

— Чак, — попросил я, — пожалуйста, отпусти кошку. Отзови своего пса.

Чак не ответил. Он продолжал наблюдать, а потом скомандовал:

— Барни, взять ее! Взять!

Барни ринулся вперед, но, неожиданно для всех, кошка накинулась на него. Словно белая молния — шипящая, когтистая и зубастая. Бульдог отскочил назад, а кошка снова прижалась к стене.

— Взять ее, Барни! — не унимался Чак.

— Хватит, придурок! — крикнул я.

— Не пизди! — пригрозил Чак.

Барни снова двинулся вперед. Я услышал какой-то шум позади нас и обернулся. Я увидел старика Гибсона, который наблюдал за происходящим во дворе из окна своей спальни. Он тоже хотел посмотреть на убийство кошки, так же, как и эти безумные дети. Почему?

Старик Гибсон со вставленными зубами был нашим почтальоном. Его жена все время сидела дома и выходила на улицу только для того, чтобы выбросить мусор. На ней всегда была ночная рубашка, поверх халат, на ногах шлепанцы, волосы непременно заправлены под сеточку.

Точно в таком виде миссис Гибсон появилась в окне рядом со своим мужем, ожидая расправы над кошкой. Старик Гибсон был одним из немногочисленных жителей нашего квартала, который имел работу, но и он жаждал убийства. Он ничем не отличался от Чака, Эдди и Джини.

Это было сверх моего понимания.

Бульдог наседал. Я не мог больше на это смотреть. Я испытывал гнусное чувство, оставляя кошку на растерзание. Можно было попробовать спасти ее, но я знал, что люди будут мешать мне. Дело в том, что этот котенок противостоял не только бульдогу, он противостоял Человечеству.

Я развернулся и пошел прочь со двора. Я шел по улице к дому, в котором жил. На веранде меня поджидал отец.

— Где ты был? — спросил он.

Я не ответил.

— Иди в дом, — велел отец. — И прекрати изображать из себя мученика, или я помогу тебе узнать, что это такое на самом деле.

С нового учебного года я пошел в младшую среднюю школу Джастин. Половина ребят из начальной школы Делси перешли в Джастин — самые здоровые и агрессивные. Наш седьмой класс выглядел старше девятого. Когда мы выстроились на урок физкультуры для переключки, большинство ребят оказались крупнее нашего учителя. Мы стояли перед ним — высокие, неуклюжие с ввалившимися животами, понурыми головами и сутулые.

— Бог ты мой, — сказал Вагнер, наш учитель физкультуры. — А ну, грудь вперед, плечи назад, встать прямо!

Никто не пошевелился. Мы были такими, какими были, и не хотели меняться. Нас называли детьми Депрессии. На наших столах не бывало приличной пищи, но мы вымахали в настоящих верзил и силачей. Я думаю, многие из нас не были избалованы любовью в своих семьях, но мы привыкли и не нуждались в доброте и заботе со стороны. Мы не питали уважения к старшим. Мы были чудаковатые, но люди не смеялись над нами и были заботливы. Наверное, мы выросли слишком быстро, оставаясь в сущности детьми. Мы были словно плюшевые тигры.

У Сэма Фельдмана, еврея, уже росла черная борода, и ему приходилось бриться каждое утро. К полудню подбородок Сэма уже вновь был черный. Черные волосы густо покрывали его грудь, а из-под заросших подмышек разило потом. Еще один наш приятель выглядел как Джек Демпси. Следующий, Питер Мангейлор, имел член длиной в 10 дюймов, в лежащем состоянии. А когда мы были в душе после физкультуры, выяснилось, что у меня самые здоровенные яйца.

— Эй! Посмотрите на его яйца! Видали такие?

— Ни хрена себе! Залупы почти не видно, одни яйца!

— Вот это мудя!

Я не знаю, что это такое произошло с нами, но мы были особенные. Мы сами чувствовали разницу. Это проявлялось во всем: как мы двигались, как разговаривали. Мы не болтали много, мы просто принимали все, как само собой разумеющееся, и это всех раздражало.

После уроков наша команда часто играла в футбол с командами из восьмого и девятого класса. Здесь проблем не было. Мы били их в пух и прах, мы забивали красивые голы и выигрывали в сухую почти без напряжения. Большинство команд играют в пас, но тактика нашей команды — сквозные проходы. Мы ставили блоки и просто сбивали противника с

ног, давая возможность нашему нападающему продвигаться к голевой линии. По правде говоря, блоки — это был способ проявления нашей агрессивности, а нападающий нас мало интересовал. Наши противники были просто счастливы, когда мы переходили на игру в пас.

Девчонки оставались после занятий, чтобы посмотреть на нас. Некоторые из них уже гуляли с парнями из старшей средней школы. С салагами из нашей школы они путаться не желали, но всегда оставались посмотреть на нас — семиклассников. Мы были знамениты. Девчонки наблюдали за нами и дивились. Я не был в команде, но я всегда стоял на поле за игровой чертой и украдкой курил, представляя себя тренером. Всем нам уже хотелось ебаться, когда мы смотрели на девчонок. Но большинство из нас попробовали только мастурбировать.

Мастурбация. Я отлично помню, как приобщился к ней. Однажды утром Эдди поскребся в окно моей комнаты.

— Ты чего? — спросил я.

Он показал мне пробирку — на дне виднелась какая-то белая сопля.

— А что это?

— Сперма, — зашептал Эдди. — Это моя сперма.

— Да?

— Да, это очень просто. Нужно просто подрочить. Плюнь себе на ладошку, возьми хуй и начни тереть его, будет кайфово, и потом из залупы выскочит белая жидкость — это и есть сперма.

— Да?

— Да, — сказал Эдди и ушел со своей пробиркой.

Некоторое время я размышлял об услышанном и, наконец, решился попробовать. Мой член стал твердым. Ощущение было действительно великолепным и чем дальше, тем оно усиливалось. Я продолжал, ничего подобного раньше мне не приходилось испытывать. Наконец из головки члена выскочила моя сперма. Я стал заниматься этим регулярно. Особенно приятно было проделывать это, когда я воображал себе какую-нибудь девчонку.

Однажды я стоял на поле, курил украдкой и наблюдал, как наша команда разделявала в говно другую команду. Неподалеку примостилась девчонка. Когда наши ребята устроили свалку, я заметил, что ко мне направляется Курни Вагнер — тренер по гимнастике. Я выбросил сигарету, захлопал в ладоши и выкрикнул:

— Давай, ребята, сметите в помойку эту кучу говна!

Вагнер подошел ко мне и встал рядом. Он просто стоял и таращился на меня. Я чувствовал на себе его озлобленный взгляд.

— Я достану вас всех, подонки! — сказал Вагнер. — Особенно тебя!

Я повернул голову, бросил на него небрежный взгляд и отвернулся. Вагнер еще поглазел на меня и ушел.

Я чувствовал себя неплохо. Мне нравилось, что меня держали за самого плохого. Быть гаденышем здорово. Любой может слыть хорошим, для этого не требуется много выдержки. Вот Диллинджер имел выдержку. Мамаша Баркер была великая женщина, она учила своих парней управляться с автоматами. Я не хотел быть похожим на своего отца. Он только старался походить на выродка. Когда ты на самом деле плох, ты не кривляешься, ты просто такой есть. И мне нравилось быть ублюдком. Попытки быть хорошим делали меня слабым.

Девчонка, что стояла рядом, сказала:

— Ты не должен был выслушивать это от Вагнера. Ты что, его боишься?

Я повернулся и посмотрел на нее. Я неподвижно пялился на нее довольно долго.

— Ты чего? — спросила она.

Я отвел взгляд, сплюнул и пошел прочь. Медленно я прошествовал вдоль всего поля, вышел через задние ворота и двинул домой.

На Вагнере всегда были серые от пота сорочка и брюки. У него уже обозначилось маленькое брюшко. Что-то беспрерывно тревожило его. Единственным его преимуществом перед нами был его возраст. Он постоянно пытался запугать нас, но ему все реже и реже это удавалось. Всегда со мной рядом был кто-то, кто доставал меня, не имея на то никакого права. Вагнер или мой отец. Мой отец и снова Вагнер. Чего они хотели от меня? Почему они возникали на моем пути?

Однажды точно так же, как в начальной школе Дэвид, ко мне привязался один парень. Он был маленький, тощий, с жиденькими волосенками на голове. Все пацаны называли его Плешивый. Настоящее его имя звучало так — Эли Ла Кросс. Имя мне нравилось, а вот сам Плешивый — нет. Но он просто прилепился ко мне. Уж очень он был жалкий, и мне не хватало духу сказать ему, чтобы он отвалил. Это все равно, что отпихнуть дворняжку, вечно голодную и уже много раз битую. Конечно, мне не доставляло удовольствия общаться с ним, но поскольку я знал, что чувствует дворняга, я позволял Плешивому таскаться за мной. Эли Ла Кросс каждое свое предложение сдабривал крепкими ругательствами, по крайней мере, по одному словечку обязательно, но все они были фальшивками. Плешивый не был крутым, просто он был напуган. Меня трудно было напугать, но очень легко смутить. Так что мы были, как говорится, два сапога пара.

Каждый день после занятий мы вместе возвращались домой. Плешивый жил вместе с отцом, матерью и бабушкой в маленьком доме на краю парка. Мне нравилось это место с огромными тенистыми деревьями. Поскольку многие считали меня уродливым, я всегда предпочитал тень открытому солнцу, темноту — свету.

По дороге Плешивый рассказывал мне о своей семье. Его отец был врачом, хорошим хирургом, но у него отобрали лицензию, потому что док спился. В один день я познакомился с отцом Плешивого. Он сидел на стуле под деревом возле своего дома. Просто сидел и все.

— Пап, — позвал Плешивый, — это Генри.

— Привет, Генри.

Он напомнил мне моего дедушку, когда я впервые увидел его, стоящего на крыльце своего дома. Только у отца Плешивого были черные волосы и борода, а вот глаза точно такие же — остекленевшие и сверкающие так странно и притягательно. В кого уродился Плешивый — его сын — такой тусклый и жалкий?

— Пошли, — позвал меня Плешивый.

Мы спустились в подвал, что находился под домом. Там было темно и сыро. Мы немного постояли, подождав, пока наши глаза привыкнут к мраку. И вскоре я смог различить несколько бочонков.

— Эти бочки под завязку наполнены вином. В каждой свой сорт. И

краники есть. Хочешь попробовать немного?

— Нет.

— Давай, просто сделаешь один ебучий глоток.

— Зачем?

— Да ты, блядь, мужик или кто?

— Я мужик.

— Тогда не пизди, а пробуй.

Он подначивал меня, маленькая Плешь. Без проблем. Я подошел к бочонку и склонился к крану.

— Давай, открой свой чертов рот! И поверни этот хренов кран!

— А в нем не завелись какие-нибудь пауки?

— Давай, открывай! В жопу всех пауков! Я подставил рот под кран и открыл его. Струйка пахучего напитка наполнила мне рот, и я сплюнул его.

— Да не будь ты куриной сракой! Проглоти! Что за говнище ты устраиваешь?

Я снова открыл кран, наполнил рот вином и проглотил его. Закрыв кран, я выпрямился. Я думал, меня вот-вот вырвет.

— Теперь ты пей, — сказал я Плешивому.

— Обязательно, — ответил он, — Что я — мудак перепуганный?!

Он склонился к крану и хорошенько присосался. Этот салажонок не должен был превзойти меня. И я отошел к другому бочонку и тоже приложился. Вскоре я стал ощущать в себе перемены, и они были к лучшему.

— Эй, Плешивой, — сказал я, — а мне нравится это дерьмо!

— Ну, так не тряси мудями, пробуй еще.

И я попробовал еще. Каждый новый глоток становился вкуснее, и с каждым новым глотком мне становилось лучше.

— Послушай, Плешивой, все это принадлежит твоему отцу? Я бы не выпил столько.

— А ему уже на все наплевать. Он бросил пить.

Никогда еще мне не было так хорошо, даже по сравнению с мастурбацией. Почему никто не рассказал мне об этом? Теперь жизнь была великолепна, люди совершенны, потому что неуязвимы.

Я оторвался от крана, выпрямился и посмотрел на Плешивого.

— Где твоя мать? Я хочу ее выебать!

— Я прикончу тебя, ублюдок! Лучше держись от моей матери подальше!

— Ты же знаешь, Плешивой, что я сделаю тебя.

— Знаю.

— Ну, ладно, оставим твою мать в покое.

— Пошли отсюда, Генри.

— Еще один глоток...

Я склонился к крану и пил долго. Потом мы карабкались по лестнице вверх. Когда мы выбрались на улицу, отец Плешивого по-прежнему сидел на своем стуле.

— Вы что, ребята, были в винном погребе?

— Да, — ответил сынок.

— А не рановато ли начинаете?

Мы ничего не ответили. Плешивый потащил меня в магазин, где продавалась жевательная резинка. Мы купили несколько пластинок и рассовали по ртам. Плешивый боялся, что мать учует запах. А я ничего не боялся. Я сидел в парке на скамейке, чавкал жвачкой и думал: «Ну, сегодня я обрел нечто. Нечто такое, что поможет скоротать отпущенное мне время». Трава в парке казалась зеленее обычного, скамейки удобнее, и цветы изо всех сил старались быть живописнее. Может быть, для тех, кто свое выпил, эти вещи уже не были столь хороши, но с любым, кто только начинал, обязательно должно произойти нечто подобное.

Уроки биологии в школе Джастин проходили очень ловко. Учителем у нас был мистер Стэнхоуп — мужчина лет пятидесяти пяти. Мы делали с ним все, что хотели. В нашем классе училась Лили Фишман — настоящая акселератка. У нее были огромные груди и восхитительный зад, которым она здорово орудовала, когда шла в своих туфельках на высоком каблуке. Восхитительная, она болтала со всеми парнями подряд и во время разговора, как бы ненароком, лгнула к ним.

На каждом уроке биологии происходило одно и то же. Никакую биологию мы не изучали. Мистер Стэнхоуп начинал урок, но не истекло и десяти минут, как Лили говорила:

— Ох, мистер Стэнхоуп, можно я выступлю.

— Нет.

— Ну, мистер Стэнхоуп!

Она подходила к его столу, томно склонялась к уху и что-то шептала.

— Ах, ну, хорошо, — сдавался старик.

И Лили начинала петь и извиваться. Начинала она свой концерт всегда с песенки «Колыбельная Бродвея». Красивая, сексуальная, она вся загоралась и зажигала нас. Как настоящая женщина она доводила Стэнхоупа до иступления. Это было великолепно. Старик Стэнхоуп сидел, распустив слюни, со слезами на глазах. Мы смеялись над ним и рукоплескали Лили. Это продолжалось до тех пор, пока наш директор, мистер Лейсифальд, не накрыл нас.

— Что здесь происходит? — заорал он, влетев в класс.

Стэнхоуп потерял дар речи.

— Все вон! — голосил директор.

Когда мы гуськом покидали класс, Лейсифальд рявкнул:

— А вы, мисс Фишман, пройдите в мой кабинет!

Естественно, после таких уроков мы никогда не делали домашнего задания, и все было прекрасно, пока мистер Стэнхоуп не устроил нам первую контрольную работу.

— Блин, — сказал Питер Мангейлор в голос, — что ж нам теперь делать?

Питер был обладателем «десятидюймового» в лежащем состоянии.

— С плохим аттестатом нам никогда не найти работу, — сказал парень, так похожий на Джека Демпси. — У нас будут большие проблемы.

— Может, нам сжечь эту школу, — предложил Рэд Киркпатрик.

— Вот говно, — отозвался парень с задней парты, — каждый раз, когда я получаю пару, отец выдирает у меня из пальца ноготь.

Мы все таращились на наши листы с контрольным заданием. Я вспомнил о своем отце, потом в моем мозгу всплыла Лили Фишман. «Лили Фишман, — думал я, — ах, ты, шлюха, дьяволица, увлекающая нас своим телом и пением, ты спровадила нас прямо в ад».

Стэнхоуп следил за нами.

— Почему никто не пишет? Почему никто не отвечает на вопросы? У всех есть ручки?

— Ага, ручки у нас у всех есть, — ответил за всех один парень.

Лили сидела на первой парте, прямо перед столом Стэнхоупа. Перед ней лежал открытый учебник биологии, и она сдувала ответ на первый вопрос. Все так просто. Мы все открыли свои учебники. Стэнхоуп ошарашено смотрел на нас. Теперь он не знал, что ему делать. Он просидел так добрых пять минут, затем вскочил. Он бегал по центральному проходу классной комнаты и вопил:

— Что вы делаете? Закройте учебники! Сейчас же закройте учебники!

Ученики закрывали свои книжки, когда он подбегал, и тут же открывали снова, как только он проносился мимо.

Плешивый сидел рядом со мной и смеялся:

— Ну, мудака! Ой, что за старый мудака!

Мне было немного жаль Стэнхоупа, но тут уж, как говорится, или он нас, или мы его. Старик остановился у своего стола и прокричал:

— Все учебники должны быть закрыты немедленно, или я провалю весь класс!

И тут поднялась со своего места Лили Фишман. Она задрала юбку, подтянула шелковый чулочек и поправила подвязку. Мы увидели белую плоть ее ляжки. Затем она проверила и вторую подвязку. Такого зрелища мы еще никогда не видели, похоже, и старик Стэнхоуп тоже. Лили села на свое место, и наши учебники остались открытыми до конца урока. Мы все справились с контрольным заданием. А старик Стэнхоуп сидел за своим столом в крайнем расстройстве.

Следующий педагог, который стал плясать под нашу дудку, был Поп Фансуорс. На первом же занятии в своей слесарной мастерской он сказал:

— Здесь мы учимся непосредственно на практике. Начнем прямо сегодня. Каждый из вас получит неисправный двигатель. За семестр вы разберете, почините, соберете и запустите его в работу. На этих стенах развешаны чертежи, по ходу дела я буду отвечать на ваши вопросы. Позже

я покажу вам фильм о том, как работает двигатель внутреннего сгорания. Ну, а сейчас, приступайте к разборке ваших двигателей. Инструменты на полках.

— Эй, Поп, может, для начала киношку посмотрим? — спросил один из нас.

— Я же сказал, все будет по плану. Начинайте!

Трудно сказать, откуда они взяли столько старых двигателей. Все агрегаты были черные от копоти и ржавые — гнетущее зрелище.

— Блядь, — сказал один наш товарищ, — это же просто огромный кусок говна.

Мы стояли над нашими двигателями, некоторые потянулись за гаечными ключами. Рэд Киркпатрик взял отвертку и медленно провел ею по верхней крышке двигателя. На жале отвертки осталась черная лента мазута длиной в два фута.

— Кончай, Поп, крути фильм! Мы только что с физкультуры, даже жопу поднять в лом. Вагнер заставлял нас прыгать и скакать, как будто мы банда лягушек!

— Приступайте к выполнению вашего задания!

Пришлось приступить. Бессмыслица. Еще пуще, чем уроки музыки. Отовсюду слышалось бряцание инструмента и сопение.

— ОЙ, БЛЯДЬ! — взвыл Гарри Хендерсон, — Я ОБОДРАЛ ВЕСЬ СУСТАВ НА ПАЛЬЦЕ! ДА ЭТО ПРОСТО ВОНЮЧЕЕ БЕЛОЕ РАБСТВО!

Парень осторожно обмотал правую кисть носовым платком. Сквозь материю сочилась кровь.

— Вот дерьмо, — простонал Гарри.

Остальные продолжали трудиться.

— Я бы лучше согласился сунуть свою голову слонихе в пизду, — поделился своими соображениями Рэд Киркпатрик.

«Джек Дэмпси» бросил свой ключ на пол.

— Я не буду, — заявил он. — Делайте со мной, что хотите, но я не хочу. Убейте меня. Отрежьте мне яйца, но я пас.

Он отошел в сторону, прислонился к стене, скрестил руки на груди и стал разглядывать свои ботинки.

Поистине, ситуация складывалась тупиковая. К сожалению, среди нас не было ни одной девчонки. За открытой дверью мастерской мы могли видеть пустой школьный двор, залитый солнечным светом, где можно было приятно провести время. А мы пыхтели над какими-то дурацкими двигателями, которые были ни к чему не пригодны — просто хлам, металлолом. Это было глупо и нечестно. Мы нуждались в маленькой

поблажке. Наша жизнь и так была нелепа. Кто-то должен был спасти нас. Нам говорили, что Поп — слабак, но это оказалось неправдой. Эта скотина был здоров, как бык: с огромным пивным брюхом, в промаслившейся спецовке, шевелюра свисала на глаза и подбородок вымазан мазутом.

Арни Уайтчапл отбросил свой разводной ключ и направился к мистеру Фансуорсу. Арни широко улыбался.

— Эй, Поп, послушай-ка...

— Вернись на свое рабочее место, Уайтчапл!

— Да кончай ты, Поп, не выебывайся!

Арни был на пару годков старше всех остальных. Несколько лет он провел в исправительной колонии для малолеток. Хотя он и был старшим, но ростом не вышел. Свои черные, как смоль, волосы Арни мазал вазелином и зачесывал назад. Ему приходилось проводить много времени перед зеркалом в мужском туалете, чтобы выдавливать прыщи. Он подъезжал к девчонкам со всякими сальностями, и в карманах у него всегда водились презервативы.

— У меня есть для тебя один прикол, Поп!

— Вот как? Иди работай, Уайтчапл.

— Это просто уссаться. Поп.

Мы оторвались от своих железок и наблюдали, как Арни начал рассказывать Попу один из своих многочисленных анекдотов. Их головы склонились друг к другу. Когда Арни закончил. Поп расхохотался. Он согнулся пополам и схватился за живот:

— Бог ты мой! Ой, я не могу! — выдавливал из себя сквозь смех Поп.

Наконец он отсмеялся.

— Ладно, Арни, ступай к своей машине!

— погоди, Поп, еще один!

— Еще?

— Да, слушай...

Мы все оставили свои двигатели и подошли поближе. Арни начал следующий свой анекдот, и мы окружили их.

— Бог ты мой! Ой, я не могу! — запричитал Поп.

— А вот совсем свежий, Поп. Один парень ехал по пустыне. Смотрит, по дороге скачет голый мужик, а руки и ноги у него связаны веревками. Парень остановил машину и спрашивает мужика: «Эй, приятель, что это случилось с тобой?» И мужик рассказывает: «Ну, ехал я на своей машине. Смотрю, на дороге голосует какой-то парень. Я остановился, а эта сука наставил на меня свою пушку и велел раздеться, потом связал меня и отхарил в жопу!» — «Ах, вот оно что», — сказал парень, вылезая из

машины. «Да, представляешь, поставил раком и вдул!» — «Ну, — ответил парень, расстегивая ширинку, — я думаю, что сегодня у тебя не очень счастливый день!»

И снова Поп хохотал, согнувшись пополам.

— Ой, я не могу!.. Ой, нет! НЕТ! ОХ... ЧЕРТ... УМОРА... БОГ ТЫ МОЙ!..

Наконец он успокоился.

— Уф, черт, — заговорил он потише, — чуть не уссался...

— Может, киношку посмотрим, Поп?

— Ой... Ну, ладно, давайте.

Кто-то из ребят закрыл дверь, и Поп опустил грязный экран. Потом он запустил кинопроектор. Фильм был паршивый, но это было лучше, чем ковыряться в ржавом металлоломе. Бензин впрыскивался вместе с воздухом в цилиндр, свеча выдавала искру, происходило возгорание, и взрыв толкал поршень вниз, а шатун вращал коленчатый вал. Клапана то открывались, то закрывались. Поршень продолжал бегать вверх-вниз и раскручивать вал. Ничего интересного на экране и собачий холод в мастерской, но можно было вжаться в спинку кресла и думать обо всем, что пожелаешь. И никаких кровоточащих суставов, разбитых о дурацкое железо.

Мы так и не разобрали и не собрали вновь наши двигатели, и я не могу сосчитать, сколько раз мы посмотрели этот фильм. Анекдоты Уайтчапла не иссякали, и мы смеялись, смеялись над ними, запрокинув головы, даже если они и не были смешными, но громче всех ржал Поп Фансуорс, согнувшись пополам и обхватив свое пузо:

— Ой, я не могу! Бог ты мой! Ой, нет, нет, нет! Отличный парень, мы все полюбили его.

Наша учительница английского языка и литературы, мисс Гридис, была неподражаема. Блондинка с чуть-чуть длинным остреньким носом. Ее нос был не очень хорош, но этот маленький недостаток терялся на фоне массы достоинств. Она носила облегающие платья с глубоким декольте, черные туфли на высоком каблуке и шелковые чулки. Она была, как прекрасная змея с восхитительными ногами. За свой стол мисс Гридис садилась только для того, чтобы провести перекличку, потом она неизменно вставала и водружалась на стол. Она сидела, закинув ногу на ногу, и ее юбка, будто ненароком, задиралась. Мы не могли налюбоваться на эти колени, бедра. Ничего подобного мы не видели. Лили Фишман не в счет, она все же женщина-девочка, а мисс Гридис — женщина в полном соку. И мы каждый день на протяжении всего урока не отрывали от нее глаз. Не было в нашем классе парня, которого не охватывала бы тоска, когда раздавался звонок, возвещавший о конце урока английского языка. Мы часто обсуждали ее поведение.

— Вы думаете, она хочет, чтобы ее выебали?

— Нет, я думаю, она просто дразнит нас. Она знает, что сводит всех с ума своей жопой, и это все, что ей надо. Больше она ничего не хочет.

— Я знаю, где она живет. Как-нибудь я подвалю к ней.

— Побереги яйца!

— Что! Да я отъебу ее во все щели! Она только и ждет этого!

— Один парень из восьмого класса говорил, что ходил к ней один раз.

— Да?! И что случилось?

— Она открыла дверь в одной ночнушке, ее сиськи были практически наружу. Парень сказал, что забыл, что им задано на дом. Она предложила ему войти.

— Лапшу вешает.

— Да нет. Ничего не произошло. Она налила ему чаю, сказала, что задано, и он ушел.

— Если бы на его месте был я, то знал бы, что нужно делать!

— Да? И что бы ты сделал?

— Сначала я бы вдул ей в задницу, потом опробовал ее мохнатку, затем сунул между титек, а под конец заставил бы ее отсосать.

— Ой, не смей нас, фантазер! Да ты хоть раз тянул кого-нибудь?

— Засунь свой язык в жопу! Я даже не могу сосчитать, сколько я

бросил палок!

— Ну, расскажи, как это было?

— Да паршиво.

— Что, не мог кончить?

— Да я всю ее обкончал! Я думал, что никогда не остановлюсь!

— Обкончал все свои ладони, правильно?

— Ха-ха-ха!

— Хо-хо-хо!

— Ну-ка, покажи ладони! Хе-хе-хе!

— Да пошли вы к черту!

— Я думаю, что никто из нас еще не ебался, — сказал один парень.

Повисло молчание.

— Неправда. Я ебался, когда мне было еще семь лет, — вдруг прозвучало заявление.

— Это еще ничего. Вот я тянул свою первую девчонку, когда мне было четыре, — подхватил следующий.

— Эй, Рэд, ну ты загнул!

— Я затащил ее под дом и отымел, — не сдавался Рэд.

— И у тебя стоял?

— Конечно.

— А ты кончил?

— Я думаю — да. Что-то там выскочило.

— А я нассал ей в пизду.

— Ни фиги себе!

— А как звали твою девчонку?

— Бетти Эрн.

— Черт! — воскликнул парень, который утверждал, что стал мужчиной в семь лет. — Мою тоже звали Бетти Эрн.

— Та еще шлюха, — ответил на это Рэд.

Однажды весенним пригожим днем мы сидели на уроке английского, и мисс Гридис восседала перед нами на своем столе. В этот день ее юбка задралась особенно высоко. Это было и убийственно, и прекрасно, и божественно, и развратно. Икры, бедра — мы были на грани восторга и сумасшествия. Непостижимо. Плешивый сидел напротив. Он дотянулся до меня и стал тыкать пальцем мне в ногу.

— Сегодня она бьет все рекорды, — шептал он. — Смотри! Смотри!

— О, черт, — отпихнул его я, — заткнись. — Вдруг она заметит и одернет юбку!

Плешивый убрал руку. Я ждал, затаив дыхание. Но юбка мисс Гридис

осталась на прежней высоте. Мы не спугнули ее. Поистине этот день останется в нашей памяти навсегда. У всех парней в классе был стояк, а мисс Гридис продолжала разглагольствовать. Я уверен, что никто из нас не слышал ни единого слова, не улавливал ни единой мысли. Девчонки тоже перебрасывались между собой красноречивыми взглядами, как бы говоря друг другу: «Эта сука зашла слишком далеко. И она готова пойти еще дальше!» Но это было не так. Мисс Гридис уже дала нам нечто большее, чем если бы она показала нам свою пизду. Это ее ноги. Солнечный свет заливал эти ноги, играя и плескаясь на теплой поверхности шелка. Юбка задралась так высоко, что мы, затаив дыхание, молились в ожидании, что вот-вот завеса таинства приоткроется. Умопомрачающая грань — словно бы конец света сменялся его возрождением, и затем снова все рушилось, реальность и нереальность перемешались, солнечный блеск, бедра и шелк — идеально гладкий, излучающий тепло и неотвязно манящий. Вся классная комната наполнилась неизъяснимым трепетом, от чего в голове происходила резкая и частая смена помутнений с озарениями. А мисс Гридис сидела на столе, как будто ничего не происходит, и продолжала свой рассказ. И становилось еще лучше и еще страшнее оттого, что мисс Гридис притворялась, будто ничего не происходит. На мгновение я опустил взгляд и увидел поверхность моего стола, как под увеличительным стеклом — рисунок структуры дерева походил на водяную воронку. Я быстро поднял взгляд и снова впился в ноги, проклиная себя за то, что потерял это мгновение и, возможно, пропустил главное.

И тут послышался звук: «Хлюп... хлюп... хлюп... хлюп...»

Ричард Уайт. Он сидел на задней парте. Огромные уши, толстые губы — какие-то опухшие и уродливые. Чудовищно вытянутая голова. Его глаза были почти бесцветны. Они не отражали ни чувств, ни интеллекта. Длинные ноги и постоянно открытый рот. Когда он пытался говорить, слова вылетали из него неожиданно и с длинными паузами. Его нельзя было назвать даже маменькиным сынком. Никто никогда не разговаривал с ним. Создавалось впечатление, что при его создании упустили что-то очень важное. На нем была чистая одежда, но рубашка всегда топорщилась и на ней, и на брюках отсутствовали одна-две пуговицы. Ричард Уайт — неизвестно кто, неизвестно где живущий, каждый день ходил с нами в школу.

«Хлюп... хлюп... хлюп... хлюп...»

Ричард Уайт дрочил. Он салютовал неземным ногам и бедрам мисс Гридис. Бедный урод окончательно расслабился. Возможно, он вовсе не понимал, что называется, правил и норм общественной морали. И сейчас

мы все слышали его. Мисс Гридис слышала. Слышали девчонки. Ну, естественно, все догадывались, чем он так шумно занят. Этот придурок был так туп, что у него не хватало элементарной смекалки притушить звук. Наоборот, он все больше и больше входил в раж. Хлюпы зачастили, а сжатый кулак стал долбить по обратной стороне парты.

«ХЛЮП — БУМ. ХЛЮП — БУМ...»

Мы смотрели на мисс Гридис. Что она будет делать? На мгновение провокаторша запнулась, затем окинула взглядом весь класс, выдала свою обычную дежурную улыбку и продолжила:

— Я уверена, что английский язык есть самая выразительная и заразительная форма общения. И мы должны осознавать, что владение великим языком — есть наш уникальный дар. Злоупотребляя им, мы оскорбляем самих себя. Так давайте же прислушиваться к нашему наследию, относиться к нему бережно, с любовью и на базе этого развивать наш язык, экспериментировать с ним...

«ХЛЮП — БУМ. ХЛЮП — БУМ...»

— Мы должны отойти от Англии и ее языковой культуры, на базе которой развивалась и наша культура. Потому что, несмотря на все ее богатство, красоту и изящность, наш собственный американский язык содержит в себе еще очень много глубоких неисследованных ресурсов, которые и до сих пор остаются нескрытыми. Но как раз эта ситуация и позволяет надеяться, что однажды у нас произойдет литературный взрыв...

«ХЛЮП — БУМ. ХЛЮП — БУМ...»

Да, Ричард Уайт был один из немногих, с которыми мы никогда не общались. На самом деле, мы боялись его. Он не был из тех, кого можно было отмудохать и получить от этого удовлетворение. Нам просто хотелось держаться от него подальше, так далеко, чтобы даже не смотреть на него, чтобы не видеть этот не закрывающийся рот — пасть жабы, которой перешибли хребет. Мы избегали его, потому что Ричард Уайт был непобедим.

Мы замерли в ожидании, тогда как мисс Гридис продолжала свой рассказ о перспективах английского языка на почве американской культуры. Мы ждали, а Ричард Уайт все распалялся. Его кулак бился о парту, и девчонки испуганно переглядывались, а пацаны думали, как этот урод оказался среди нас. Он мог все испортить. После его грязной выходки мисс Гридис одернет свою юбку раз и навсегда.

«ХЛЮП — БУМ. ХЛЮП — БУМ...»

И вдруг тишина. Ричард остановился. Он кончил. Мы украдкой косились на него. Он сидел как ни в чем не бывало. Где осталась его сперма

— на коленях или в кулаке?

Звонок. Урок английского языка закончился.

Но продолжение следовало. Теперь, слушая мисс Гридис, которая по-прежнему сидела на своем столе, забросив ногу на ногу, мы слушали и Ричарда Уайта, которой дрожил под партой. В конце концов, мы, парни, смирились с этой ситуацией. Со временем это стало даже нас развлекать. Девчонкам тоже пришлось примириться, но все же это им не нравилось, особенно Лили Фишман, которую совсем позабыли.

Кроме Ричарда Уайта, в нашем классе была у меня и другая проблема — Гарри Уолден. Девчонки считали его красавцем. У него были длинные золотистые кудри, одевался Гарри броско и изящно. В своей одежде, в которой преобладали темно-зеленый и темно-голубой цвета, он выглядел как щеголь XVIII столетия. Ума не приложу, откуда его родители доставали такие шмотки. На уроках Гарри сидел всегда очень тихо и учителей слушал предельно внимательно, будто все досконально понимал.

— Он гений, — говорили девчонки.

Мне он не казался чем-то экстраординарным. Единственное, чего я мог понять, почему это наши отмороженные парни не конфликтовали с ним. Вот это меня действительно беспокоило. Как ему удавалось избегать стычек?

Как-то на перемене я подловил его в холле и остановил.

— Я лично не вижу в тебе ничего удивительного, — сказал я. — Как это всем пришло в голову, что твое говно особенное?

Уолден взглянул направо, и когда я повернул голову, чтобы посмотреть, что он там приметил, этот плут скользнул мимо меня, и через мгновение уже сидел в классе на своем месте.

Почти каждый день повторялось одно и то же: мисс Гридис со своими ногами, Ричард со своей суходрочкой и этот прилежный безмолвный Уолден, исполняющий обязанности гения. Меня это травмировало.

Я приставал к нашим ребятам:

— Послушайте, парни, вы действительно думаете, что Гарри Уолден гений? Он просто сидит в своей припизднутой одежде и молчит. Что это доказывает? Да мы все можем так.

Они ничего не отвечали. Я не понимал их пиетета по отношению к этому мудаку. Дальше — хуже. Пошла молва, что Гарри Уолден встречается с мисс Гридис каждую ночь и на правах ее лучшего ученика занимается с ней любовью. Меня это убивало. Я представлял себе, как фальшивый гений снимает с себя свою зелено-голубую амуницию, вешает ее на спинку стула, затем вылезает из своих сатиновых трусов оранжевого цвета и

проскальзывает под простыни, где мисс Гридис укладывает его золото кудрявую голову себе на плечо и ласкает ее. Ну, и дальше в таком духе.

Об этом шептались девчонки, которые, казалось, всегда все знают. Но даже они, те, кто явно не симпатизировал мисс Гридис, считали, что ситуация складывается нормально. По их мнению, это происходило совершенно резонно, потому что Гарри Уолден был так хрупок и утончен, что нуждался в симпатии и поддержке, насколько это возможно.

Я не удержался и еще раз подловил Гарри Уолдена.

— Я порву тебе очко, сучонок! Больше ты не наебешь меня!

Гарри посмотрел на меня, потом перевел взгляд поверх моего плеча и, кивнув, сказал:

— Что это там?

Я оглянулся, а когда повернулся обратно, его уже не было. Гарри сидел в классе в надежном окружении девчонок, которые думали, что он гений, и любили его.

Слухи о ночных посещениях Гарри Уолдена мисс Гридис разрастались и ширились, и он даже несколько дней не являлся в школу. Для меня это были прекрасные дни, потому что приходилось иметь дело только с суходрочкой дебила. Пережить ее было гораздо проще, чем непонятное обожание всех этих девчонок в юбочках, кофточках и накрахмаленных льняных платицах за наличие золотых кудрей на голове. Пока Гарри отсутствовал, девчонки перешептывались:

— Он слишком чувствителен ко всему...

А Рэд Киркпатрик сказал:

— Она заебывает его насмерть.

В один день я зашел в класс и убедился, что место Гарри Уолдена пустовало. Я посчитал, что он, как обычно, отдыхает с перееба. Затем от парты к парте полетела весть. Я всегда самый последний узнавал все новости, но, наконец, дошло и до меня: прошлой ночью Гарри Уолден покончил с собой, и мисс Гридис еще не знает. Я посмотрел на его место — больше он никогда не будет сидеть здесь. Все его яркие одежды канули. Мисс Гридис закончила перекличку, взгромоздилась на свой стол и закинула ногу на ногу, высоко закинула. Чулки на ней были более светлого оттенка, чем обычно. Подол юбки заметно продвинулся в своем восхождении по крутизне бедер.

— Американская культура, — заговорила мисс Гридис, — предназначена для величия. Английский язык, в данный момент крайне ограниченный и жестко структурированный, будет раскрепощаться и развиваться. Наши писатели будут пользоваться, как мне хотелось бы

думать, тем, что я называю американизмами.

Чулки мисс Гридис были почти телесного цвета. Складывалось впечатление, что на ней их вовсе нет, что она сидит перед нами голая, и именно эта кажущаяся нагота, ее ненастоящность, делали зрелище лучше, чем если бы она действительно была без чулок.

— Все больше и больше истин мы бузем открывать на пути развития своей собственной речи, и этот новый голос будет свободен от старой истории, старых нравов, пережитков и бесполезных иллюзий...

«Хлюп... хлюп... хлюп...»

Курли Вагнер достал Морриса Москoviца. Они решили схлестнуться после уроков. Человек восемь-десять прослышали про это и собрались за гимнастическим залом посмотреть на драку. Вагнер диктовал условия:

— Бьемся до тех пор, пока кто-нибудь не отключится.

— Я не против, — спокойно ответил Моррис.

Он был худой, длинный и слегка придурковат. Никогда не болтал лишнего и никому не докучал.

Вагнер остановил взгляд на мне:

— После того, как закончу с ним, я возьмусь за тебя!

— За меня?

— Да, Чинаски, за тебя.

Я ухмыльнулся в ответ.

— Я буду иметь вас всех по очереди, пока вы не поймете, что это за хреновина — уважение!

Вагнер был слишком самоуверенный. Он постоянно вертелся на брусках или кувыркался на мате, или же нарезал круги по площадке. Он вышагивал, как настоящий атлет, выпячивая свое жирное пузо. Ему нравилось стоять и бесконечно таращиться на какого-нибудь парня, как удав. Я не знаю, что его так терзало. Возможно, он думал, что мы дрючили всех наших девчонок, как заведенные, и эта мысль не давала ему покоя. В общем, мы опасались его.

Противники встали в позу. Вагнер довольно прилично двигался. Он подпрыгивал, раскачивался, перебирал ногами, то наскакивая, то отступая. При этом он издавал тихий свистящий звук. Это впечатляло. С ходу он провел три прямых удара левой. Москoвиц просто стоял, опустив руки, и принимал тычки. Он и понятия не имел о всяких там боксерских штучках. Вагнер провел прямой правой и угодил Моррису в челюсть.

— О, блядь, — процедил Моррис и наотмашь ударил правой. Вагнер увернулся и контратаковал противника серией прямых ударов правой и левой по физиономии. У Морриса из носа пошла кровь.

— Во, блядь! — встrepенулся Моррис и замахал руками.

Удары посыпались на голову Вагнера, как пушечные ядра. Он пытался отвечать, но его поставленные удары не обладали такой мощью и яростью, как кувалды Москoвица.

— Ебать-колотить! Врежь ему, Моррис!

Московиц долбил, как молотобоец. Левой снизу он врезал атлету по брюху. Задыхаясь, Вагнер стал оседать и рухнул на колени. Бровь его была рассечена и кровоточила. Уронив голову на грудь, он был на грани обморока.

— Сдаюсь, — промычал Вагнер.

Мы оставили его за зданием, а сами пошли за нашим новым героем — Моррисом Московицем.

— Черт, Моррис, тебе надо идти в профи!

— Щас, мне только тринадцать.

Мы зашли за здание слесарной мастерской и расположились у заднего выхода на ступеньках. Кто-то прикурил несколько сигарет, и мы пустили их по кругу.

— Чего этот мужик докапывается до нас? — спросил Моррис.

— Бля, Моррис, ты чего, не врубаешься? Он же ревнует. Думает, что мы перетоптали всех цыпочек в школе!

— Да я даже ни разу не целовался с девчонкой.

— Да не гони, Моррис?

— Я не гоню.

— Ты должен попробовать суходрочку, Моррис. Это кайф!

Тут мы увидели проходящего мимо Вагнера. Он утирал лицо носовым платком.

— Эй, тренер, — заорал один из наших, — как насчет реванша?

Он остановился, посмотрел на нас и приказал:

— А ну, выбросить сигареты!

— Да нет, тренер, нам нравится курить!

— Может, подойдешь и заставишь нас выбросить сигареты?

— Да, давай, тренер!

Вагнер стоял и пялился на нас.

— Я еще не закончил с вами! Так или иначе, я разберусь с каждым из вас!

— Как ты это сделаешь, тренер? Похоже, ты уже выдохся.

— Ага, как ты собираешься разобраться с нами? Вагнер отвернулся и пошел к своему автомобилю. Мне было жаль его немного. Когда ученики так говнили, он должен был уметь отвечать.

— Надеюсь, он распрощался с мыслью поиметь хоть одну целочку в этой школе, пока мы здесь, — высказался один парень.

— Я думаю, — откликнулся другой, — кто-то надрочил ему в ухо, и у него крыша едет.

После этого мы расстались. Неплохой был денек.

Каждое утро моя мать уходила на службу. У отца не было работы, но он тоже уезжал из дома. Несмотря на то что большинство наших соседей были безработные, отцу не хотелось, чтобы они знали о его проблеме. И поэтому каждое утро он садился в свой автомобиль и отправлялся будто бы на работу, а вечером возвращался всегда в одно и то же время. Меня это устраивало, потому что я был предоставлен сам себе. Они запирали дом, но я знал, как войти. С помощью кусочка картона я откидывал крючок с двери-сетки. Дверь на веранде была заперта изнутри, и ключ торчал в замке. Я подсовывал под дверь газету, вытаскивал ключ из замка, он падал на газету, и я вытягивал его наружу. Открыв замок, я заходил в дом. Когда нужно было уходить, я накидывал крючок на дверь-сетку, далее запирал веранду на ключ и, оставив его в замке, выходил через парадную дверь, на которой был замок с защелкой.

Мне нравилось оставаться одному. Как-то я играл в одну из моих игр. На камине стояли часы с секундной стрелкой. Я задерживал дыхание, и следил по часам, сколько времени я смогу продержаться. Каждый раз я бил собственный рекорд. Я переживал страшные муки, но всегда вырывал несколько секунд и очень гордился собой. В тот день мне удалось превзойти предыдущий рекорд на целых пять секунд. Мне нужно было отдышаться, и я подошел к окну, занавешенному красной драпировкой. Между драпировкой оставалась щель, и я выглянул наружу. Черт возьми! Наше окно выходило прямо на веранду дома Андерсонов. На ступеньках сидела миссис Андерсон, и я мог видеть ее ноги под платьем. Ей было около 23 — и ноги ее были восхитительны. У меня была очень выгодная позиция, ноги были видны почти до жопы. И тут я вспомнил об армейском бинокле моего отца. Он лежал на верхней полке стенного шкафа. Я сбегал за биноклем и, притаившись в драпировке, навел мощную оптику на ноги миссис Андерсон. В одно мгновение моя голова будто бы оказалась между ними! О, это были совсем иные ощущения, чем бросать воровские взгляды на ноги мисс Гридис: не было необходимости ловчить и притворяться. Наконец-то можно было сосредоточиться. Я крепче сдвинул бинокль. Я был в эпицентре. Я пылал от возбуждения. Бог ты мой, что за икры, что за бедра! И всякий раз, когда миссис Андерсон шевелила ими, это было невыносимо.

Я опустился на колени и, одной рукой придерживая бинокль, выпустил

наружу отвердевший член. Сплюнув на ладонь, я приступил... Вскоре мне почудилось, что мелькнул краешек ее трусиков. Я готов был кончить, но остановился. Не отрываясь от бинокля, я чуть поостыл и затем приступил вновь. И снова я предупредил подступающий оргазм остановкой. Пауза... И вот я уже опять за работой. На этот раз я знал — остановка невозможна. Миссис Андерсон шевельнулась, ноги раздвинулись, и я скользнул к самому верху. Я почувствовал, будто вошел в нее. И тут же кончил. Я заляпал весь паркет перед окном белой и густой спермой. Пришлось подняться с колен, сходить в ванную за туалетной бумагой и вытереть пол. Затем я снес мокрый клочок бумаги в туалет и спустил в унитаз.

Почти каждый день миссис Андерсон появлялась на ступеньках своей веранды, и каждый раз я брал бинокль и удовлетворял себя.

Если мистер Андерсон когда-нибудь узнает об этом, думал я, он убьет меня...

Каждую среду вечером мои родители ходили в кино. Там проводились различные лотереи, и они хотели выиграть хоть сколько-нибудь денег. В один из таких вечеров, в среду, я сделал новое открытие. Семья Пайроzzi проживала в доме южнее нас. Наша подъездная дорожка проходила вдоль северной стороны их дома, где располагалось окно в гостиную. Его прикрывала лишь тонкая занавеска. Вдоль дорожки тянулась стена, которая заканчивалась аркой. Крутом были кусты. Если забраться в эти кусты между стеной и окном, то с улицы вас никто не смог бы увидеть, особенно ночью.

Я пролез туда. То, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Миссис Пайроzzi, закинув ногу на ногу, сидела на кушетке и читала газету. На другом конце комнаты, в кресле, сидел мистер Пайроzzi и тоже изучал прессу. Миссис Пайроzzi была не так молода, как миссис Андерсон, но ноги у нее были отменные, плюс туфли на высоком каблуке. Всякий раз, когда миссис Пайроzzi переворачивала страницу газеты, она меняла положение ног, и с каждым разом юбка ее задиралась все выше и выше, а я возбуждался все круче и круче.

Если бы мои родители, возвращаясь домой, поймали меня здесь — жизнь моя бы закончилась. Но игра стоила свеч.

Почти бездыханный стоял я за окном и пожирал глазами ноги миссис Пайроzzi. У парадной двери спал Джефф — огромный колли. В тот день я уже наслаждался ногами мисс Гридис на уроке английского, потом отдрочил, глядя через бинокль на ляжки миссис Андерсон, и вот теперь — десерт. Почему мистер Пайроzzi не смотрел на ноги миссис Пайроzzi? Он упорно продолжал читать свою газету. Было же очевидно, что миссис Пайроzzi

пыталась раздражить его. Об этом свидетельствовала ее юбка, которая ползла все выше и выше. Вот миссис Пайроззи снова перевернула страницу и произвела рокировку ног с такой скоростью, что подол юбки подлетел очень высоко, полностью обнажив на мгновение полные белые ляжки. Боже, они были как пахта! Непостижимо! Прима!

Краешком глаза я отметил, как шевельнулись колени мистера Пайроззи. Неожиданно он быстро поднялся и двинулся к парадной двери. Я кинулся наутек, продираясь сквозь кусты. Сзади послышался звук открываемой двери. Я добежал до нашего двора, пересек его и заскочил за гараж. На мгновение я остановился и прислушался. Затем я перелез через ограду, увитую виноградником, миновал двор соседей, перемахнул через забор и снова оказался в проходе. Выбравшись на улицу, я потрусил в южном направлении, словно спортсмен на тренировке. Никакой погони за мной не было, но я продолжал бежать.

Если он узнал меня, если расскажет отцу, я — труп.

Но, возможно, он просто выпустил своего пса просрать?

Я добежал до бульвара Вест Адаме и присел на скамейку на остановке трамвая. Передохнув минут пять, я тронулся в обратный путь. Когда я добрался до дома, родители еще не вернулись. Я разделся, выключил свет и стал дожидаться утра...

Еще как-то в среду ночью мы с Плешивым шли через проходной двор между двумя многоквартирными домами. Мы направлялись в винный погребок. И вдруг Плешивый остановился возле одного окна. Штора была опущена, но не совсем. Плешивый нагнулся и заглянул внутрь. Не отрываясь, он подал мне знак подойти.

— Что там? — прошептал я.

— Смотри!

Мужчина и женщина лежали в постели. Они были голые. Лишь простыня отчасти прикрывала их. Мужчина попытался поцеловать женщину, но она отпихивала его.

— Перестань, Мэри! Иди ко мне.

— Нет.

— Но я хочу! Ну, пожалуйста!

— Убери от меня свои вонючие лапы!

— Но, Мэри, я люблю тебя!

— Катись к черту вместе со своей долбаной любовью...

— Мэри, я прошу тебя...

— Ты заткнешься сегодня?

Мужчина отвернулся к стенке, а женщина взяла с тумбочки журнал,

подоткнула подушку под голову и погрузилась в чтение. Мы пошли дальше.

— Блядь, — выругался Плешивый, — какой облом!

— Да, а я-то уже губу раскатал, — поддержал я приятеля.

Когда мы добрались до винного погреба, то обнаружили на его двери огромный навесной замок. Отставной хирург и бывший алкоголик постарался.

Мы возвращались к этому окну снова и снова. Но история не развивалась. Всегда одно и то же.

— Мэри, прошло уже много времени. Мы живем вместе. В конце концов, мы женаты!

— Большое дело!

— Всего один раз, Мэри, и я отстану от тебя. Я не буду приставать к тебе долгое время. Обещаю!

— Заткнись! Ты выводишь меня из себя!

Мужчина сдавался.

И мы с Плешивым отчаливали.

— Вот говно, — говорил я.

— Куча говна, — говорил Плешивый.

— Зачем ему тогда хуй? — удивлялся я.

— Да уж лучше вовсе не иметь, — утверждал Плешивый.

Мы перестали ходить к этому окну.

Вагнер не выносил нас. Однажды я стоял во дворе школы во время урока физкультуры, и он подошел ко мне.

— Что ты здесь делаешь, Чинаски?

— Ничего.

— Ничего?

Я проигнорировал.

— Почему ты не участвуешь ни в одной игре?

— Это дерьмо, а не игры. Детские забавы.

— Я зачисляю тебя в команду мусорщиков.

— За что? Что я такого сделал?

— Филонишь. Пятьдесят «неудов».

Ученики отрабатывали свои «неуды» в команде мусорщиков. Если у вас было больше десяти «неудов» и вы их не отработали, то к экзаменам вас не допускали. Но я не волновался, допустят меня или нет. Это была их проблема. Я мог бы и остаться в школе, рос бы себе дальше, развивался физически и тогда бы, точно, поимел всех девчонок.

— Пятьдесят «неудов»? И это все? Как насчет сотни?

— Отлично, сотня. Она твоя, — сказал Вагнер и с важным видом отвалил.

У Питера Мангейлора было 500 «неудов». Я был на втором месте и нагонял его...

Первая работа для мусорщиков появлялась во время тридцатиминутного обеденного перерыва. На следующий день я уже таскал мусорный бак вместе с Питером Мангелором. Дело плевое. У нас были палки с острыми наконечниками. Мы насаживали на них бумажный хлам и сбрасывали его в бак. Девчонки следили за нами, когда мы проходили мимо. Они знали — мы хулиганы. Питер напускал на себя скучающий вид, я тоже изображал похуиста.

— Ты знаешь Лили Фишман? — спросил меня между делом Пит.

— Спрашиваешь.

— Она не целка.

— С чего ты взял?

— Она сама мне сказала.

— Кто ее натянул?

— Отец.

— Хммм... Ну, это его право.

— Лили прослышала, что у меня большой член.

— Об этом вся школа знает.

— Так вот, она хочет попробовать. Она заявляет, что сможет выдержать.

— Да ты же раздраконишь ее в лохмотья.

— Конечно. Но она хочет.

Мы поставили мусорный бак и уставились на девчонок, которые сидели на скамейке. Пит направился к ним, а я остался у бака. Он подошел к одной из девчонок и зашептал что-то ей на ухо. Малолетка захихикала. Пит вернулся, мы подняли бак и пошли дальше.

— Все, — сообщил Пит, — сегодня в четыре часа я отдеру Лили во все щели.

— Да?

— Ты знаешь тот раздолбанный автомобиль за школой, с которого Поп снял двигатель?

— Естественно.

— Пока они не увезли эту рухлядь, я использую его под свою спальню. Я отымею ее на заднем сиденье.

— Некоторые наши парни уже переебали кучу девок.

— У меня встает, стоит мне только подумать о бабах.

— У меня тоже, но я еще никого не пробовал.

— Правда, есть одна проблема, — посетовал Пит.

— Что, не можешь кончить?

— Нет, не в этом дело. Нужно, чтобы кто-нибудь постоял на шухере, понимаешь? Надо бы последить за горизонтом.

— Ну, я могу

— Постоишь?

— Конечно. Но нам нужен еще один парень, чтобы мы могли отслеживать оба направления.

— Хорошо. У тебя есть кто-нибудь на примете?

— Плешивый.

— Плешивый? Да он говно.

— Немного, но ему можно доверять.

— Ладно. Тогда до четырех.

— Мы подойдем.

В четыре часа мы встретились с Питом и Лили у остова автомобиля.

— Привет! — сказала Лили.

От одного ее вида набухали яйца. Пит курил и, как всегда, скучал.

— Привет, Лили, — поздоровался я.

— Здорово, Лили, детка, — выпендрился Плешивый.

На соседнем поле несколько ребят играли в футбол, но мы решили, что это кстати — будут отвлекать внимание. Лили нервно оглядывалась по сторонам и возбужденно дышала. Ее груди ходили ходуном.

— Ну, — сказал Пит, отбрасывая окурок, — давай познакомимся поближе, Лили.

Он открыл заднюю дверцу и отвесил поклон. Лили забралась внутрь, а за ней влез и Пит. Там он быстро скинул с себя ботинки, штаны и трусы. Лили взглянула на его кожаную мышцу.

— Ой, мама, — прошептала она. — Я не знаю...

— Давай, подруга, — подбадривал Пит, — один раз живем.

— Ну, хорошо, я рассчитываю...

Пит выглянул в окно.

— Эй, парни, вы следите за горизонтом?

— Да, Пит, — откликнулся я, — мы на стреме.

— Все спокойно. Пит, — подтвердил Плешивый.

Пит задрал на Лили юбку. Чулки у нее были только до колен, дальше белая плоть и панталоны. Великолепно.

Пит схватил Лили, поцеловал, потом отпрянул и заявил:

— Ты настоящая шлюха!

— Пит, не ругайся!

— Я сказал — шлюха блядская! — разгорячился Пит и влепил Лили пощечину.

Она захныкала:

— Нет, Пит, не надо...

— Заткнись, мандавошка! — прикрикнул Питер и принялся стягивать с нее исподнее.

Мучился он долго. Панталоны плотно облегали здоровенную жопу. Пит рассвирепел и рванул с неистовой яростью, материя затрещала, и панталоны стронулись с места. Он стянул их прямо через туфли и бросил на пол салона. Наконец-то Пит добрался до пизды. Он начал поглаживать ее рукой и при этом целовал Лили то в губы, то в шею, или мусолил огромные сиськи. Пит игрался с пиздой и целовал Лили бесконечно долго, но когда он отвалился на спинку сиденья, член его стоял лишь наполовину.

Лили осмотрела полуфабрикат.

— Ты что, гомик?

— Нет! Какой гомик, Лили? Просто я постоянно думаю, что эти козлы не смотрят за шухером, а подглядывают за нами. Мне не улыбается, чтобы

нас здесь заловили.

— Горизонт чист, Пит, — поспешил заверить я. — Мы смотрим в оба.

— Точно, в оба! — поддакнул Плешивый.

— Я им не верю, — говнился Пит. — Они во все шары пялятся на твою пизденку!

— Да ты просто педик! Висит до колена, а не стоит! — отыгрывалась Лили.

— Нет, Лили, я боялся, что нас засекут!

— Ладно, я знаю, что надо делать, — сказала Лили.

Она взяла дряблый ствол Пита в ручку и прошлась языком от корневища до кроны. Пит вострепнулся. Затем язычок завертелся вокруг головки, и она стала быстро разбухать, превращаясь в монстра. И тут Лили заглотила его.

— Лили... Черт, — застонал Пит, — я люблю тебя... Лили, Лили, Лили... ох, оох, ооох, оооох...

— Генри! — завопил Плешивый. — СМОТРИ!

Я оглянулся. Прямо на нас через поле мчался Вагнер, а за ним две футбольные команды, которые вроде бы только что резались в футбол, плюс их болельщики. И пацаны, и девчонки!

— Пит! — заорал я. — Приближается Вагнер, а с ним штук 50 учеников!

— Ну, бля! — взвыл Пит.

— Ой, бля! — пропищала Лили.

Плешивый и я дали деру. Мы выскочили за ворота и, пробежав для верности еще с полквартала вдоль школьной ограды, остановились. У Пита и Лили шансов не было. Мы видели сквозь ограду, как к «спальне Пита» подскочил Вагнер и рьяно рванул дверцу на себя в надежде на шикарное зрелище. Потом автомобиль окружил подросшие ученики, и нам уже ничего не было видно...

После этого случая мы уже больше никогда не видели ни Пита, ни Лили. Черт его знает, что с ними случилось. Плешивый и я получили по 1000 «неудов» на брата. Это дало мне возможность перехватить лидерство у Мангейлора со счетом 1100:500. Нечего было и думать, что мне удастся отработать все «неуды». Я оставался в школе Джастин на всю жизнь. И, естественно, мои родители были проинформированы.

— Вперед, — скомандовал мой отец, и я шагнул в ванную. Закрыв за нами дверь, он снял с крючка ремень.

— Спускай штаны и трусы.

Я и глазом не моргнул. Тогда он сам расстегнул ремень на моих

штанах, пуговицы на поясе и одним рывком сдернул штаны на пол. Затем стянул и трусы. Ремень припечатался к моей жопе. Опять тот же самый резкий звук и та же боль.

— Ты что, решил загнать в гроб свою мать?! — прокричал отец и снова ударил.

И снова хлопок и боль. Но слезы не шли. Глаза мои были непривычно сухи. Я обдумывал способ убийства своего отца. Через пару лет я бы смог просто забить его насмерть, но я хотел отделаться от него уже сейчас. Он — чужак. Просто взял и усыновил меня. Еще удар. Я по-прежнему чувствовал боль, но страх ушел. Ремень терзал мои ягодицы, но ванная комната не исчезала. Я все видел отчетливо. Наверное, отец почувствовал эти изменения во мне, потому что он стал хлестать меня все сильнее и сильнее. Но чем больше он усердствовал, тем меньше это беспокоило меня. Он был жалок и беспомощен в своей ярости. Что-то произошло, и ситуация изменилась в корне. Он остановился, повесил ремень на крючок и, тяжело дыша, пошел к двери. Я обернулся.

— Эй, — окликнул его я, — можешь ударить еще пару раз, если от этого тебе станет легче.

— Не смей говорить со мной в таком тоне! — сказал отец.

Я смотрел на него в упор. Я видел складки дряблой плоти под подбородком и вокруг шеи, морщины и щербины по всему лицу. Розовая пудра уже не могла скрыть подступающей старости. Майка топорщилась на его свисающем животе. В глазах уж больше не было свирепости. Отец не выдержал моего взгляда и потупился. Да, что-то произошло. И все вещи, окружающие нас, знали об этом: и полотенца, и душевая занавеска, и зеркало, и ванна, и унитаз. Отец повернулся и вышел. Знал и он. Больше Генри-старший не порол меня.

Учеба в школе Джастин пролетела довольно быстро. Где-то в конце восьмого класса, начале девятого у меня воспалились сальные железы. У многих парней моего возраста появлялись прыщи, но не столько и не такие, как у меня. Это было чудовищно. Самый тяжелый случай в городе. Прыщи и фурункулы кучно усыпали мое лицо, спину и частично грудь. А случилось это как раз в тот момент, когда меня стали принимать за крутого парня, и я даже претендовал на лидерство. Да я был вроде, как и крутой, но не совсем. Я всегда отстранялся от всех и наблюдал за людьми со стороны. Что-то вроде театра — они были на сцене, а я одинокий зритель. Вот и с девочками то же самое: у меня и так всегда были с ними проблемы, а с гнойной рожей они становились и вовсе вне досягаемости. А как они были прекрасны — их платица, их волосы, их глаза, их движения и позы. Я думаю, будь у меня возможность просто гулять с одной из них по улице, болтать о всякой всячине, я бы тогда чувствовал себя намного лучше.

Было еще кое-что, что беспрерывно доставляло мне проблемы. Большинство учителей не доверяли мне, многие откровенно не любили, особенно учителя-женщины. Я никогда не перечил им, но они утверждали, что я это делаю «всем своим видом», тем, как я, сгорбившись, сидел на своем месте; своей «интонацией голоса» и «глумливой усмешкой». Но я не делал этого сознательно. Меня часто выставляли за дверь во время урока или отправляли в кабинет директора. Директор всегда поступал со мной так: в его кабинете была кабина с телефоном, и он закрывал меня в ней. Много часов провел я в этой кабине. Единственное, что можно было найти в ней — это Женский домашний журнал. Тонко просчитанная пытка. Так или иначе, я вынужден был читать его. Я штудировал номер за номером в надежде узнать что-нибудь о женщинах.

Ко времени выпуска из школы у меня накопилось 5000 неудов, но это не имело никакого значения. От меня хотели избавиться. Я стоял со всеми вместе перед входом в актовый зал, куда нас вызывали по одному. На каждом из нас были надеты маленький дешевый колпачок и мантия. Эта торжественная амуниция из года в год передавалась от одного выпуска к другому. По очереди разряженные выпускники выходили на сцену, и мы слышали, как объявляли их имена. Вся эта мудистика называлась — выпускной вечер. Оркестр играл гимн школы Джастин:

О, школа Джастин! О, школа Джастин!

Тебе будем верны, всегда.

В наших сердцах песня звучит

И рвется в голубые небеса...

Мы стояли один за другим в ожидании своей очереди промаршировать по сцене. В зале сидели родители и друзья родителей.

— Я сейчас блевану на всю эту лажу, — сообщил один парень. Другой сказал:

— Торжественные проводы из одной помойки в другую, еще больше засранную.

Девчонки относились к церемонии очень серьезно. Поэтому я никогда по-настоящему не доверял им. Казалось, они были частью чего-то правильного. Будто у них и у школы был один и тот же гимн.

— Эта муря меня заебала, — высказался еще один парень из общего ряда. — Я уже курить хочу...

— Держи, — откликнулся другой и протянул сигарету.

Мы пустили ее но кругу между пятью или четырьмя выпускниками. Я затаился, выпустил дым через нос и тут увидел приближающегося Курли Вагнера.

— Шухер! — среагировал я. — Дуболом идет.

Вагнер подошел прямо ко мне. На нем был все тот же серый тренировочный костюм. В нем я увидел его впервые, в нем же встречал все последующие годы, и вот теперь он стоял передо мной в своей неизменной одежде, возможно, в последний раз.

— Послушай, — начал Вагнер, — если ты думаешь, что, уходя из школы, ты уходишь и от меня, то ты ошибаешься. Я буду преследовать тебя всю оставшуюся жизнь. Я найду тебя на краю света и грохну!

Я лишь глянул на него без лишних комментариев, и он отвалил. Это маленькое выпускное напутствие Вагнера еще больше приподняло меня в глазах моих одноклассников. Они думали, что, должно быть, я подкинул Вагнеру настоящую подлянку, раз он так рассержен. Но они ошибались. Просто Вагнер был наивным придурком.

Все ближе и ближе были мы к входу в зал. И теперь уже могли не только слышать имена вызываемых выпускников и аплодисменты, но и видеть зрителей.

Наконец настала моя очередь.

— Генри Чинаски, — объявил директор в микрофон.

И я вышел на сцену. Аплодисментов не последовало. Затем нашлась какая-то добрая душа в зале и хлопнула пару раз в ладоши.

Для нас на сцене были установлены скамейки. Мы садились на них и

ждали, когда вызовут всех остальных. Потом директор сказал речь о неограниченных возможностях, которые мы все имеем в Америке, и церемония закончилась. Оркестр снова затянул гимн школы Джастин, выпускники и их родители, близкие и друзья повскакивали со своих мест и смешались в общей толпе. Я осмотрелся. Моих родителей не было. Чтобы убедиться, я прошелся по залу и еще раз все осмотрел. Нет.

И это было мне на руку. По-настоящему крутой парень в таких вещах не нуждался. Я снял с тебя колпак и мантию и отдал эти древности швейцару, который складывал их для будущих выпускников.

Я вышел на улицу самый первый. Но куда я мог пойти с одиннадцатью центами в кармане. И я снова пошел туда, где жил.

Летом 1934 года расстреляли Джона Диллинджера перед кинотеатром в Чикаго. Шансов у гангстера не было. Леди в Красном стукнула на него. Годом раньше произошел обвал банков. Сухой закон отменили, и мой отец снова пил пиво Истсайд. Но самой опасной вещью был синдром Диллинджера. Многие люди восхищались им и желали быть похожими на него, остальных это ввергало в ужас. Тогда же президентом стал Франклин Рузвельт. По радио транслировали его «Рассуждения у камина», и все слушали. Оратор он был великолепный. Он излагал свою программу по выходу из кризиса, реализация которой обеспечит всех работой. Но ситуация все еще оставалась крайне сложной. А мои дела с фурункулами и того хуже, они множились и были невероятно большими.

В сентябре, по распределению, я должен был пойти в школу Вудхэвен, но отец настаивал на школе Челси.

— Челси не в нашем районе, — возражал я. — Это слишком далеко.

— Ты будешь делать то, что я тебе скажу. И я тебе говорю — пойдешь в Челси.

Я знаю, почему он настаивал на Челси. Туда ходили дети богатеев. Мой отец был сумасшедший, он все еще надеялся разбогатеть. Когда Плешивый узнал, что я иду в Челси, он решил идти вместе со мной. Я не мог отделаться ни от него, ни от фурункулов.

В первый день мы с Плешивым прибыли в Челси на своих велосипедах и заехали на стоянку. Вышли мы оттуда в гнусном настроении. Большинство учеников, по крайней мере старшие, уже имели личные автомобили. Преобладали новые кабриолеты и не черного или темно-синего цвета, как большинство на улицах, а ярко-желтые, зеленые, оранжевые и красные. За рулем сидели красивые парни и поджидали своих прекрасных девчонок, чтобы подвезти их домой. И парни и девчонки были нарядно одеты, в дорогих пуловерах, обязательно часы на руке и в туфлях по последней моде. Выглядели они вполне взрослыми, уравновешенными и недостижимыми. А рядом был я — в рукодельной сорочке, поношенных брюках, стоптанных башмаках и покрытый фурункулами. Парней в автомобилях не беспокоили прыщи. Все они были симпатичные, стройные, с чистой кожей и ровными белыми зубами. Уж они-то не мыли свои волосы хозяйственным мылом. Казалось, им ведомо нечто такое, что недоступно мне. Вновь я оказался на нижней планке.

Я очень стыдился своей болезни. Фурункулы повлияли на мой выбор между физкультурным классом и резервно-тренировочным офицерским корпусом. Я выбрал РТОК, потому что тогда мне не пришлось бы надевать открытый спортивный костюм, и никто не увидел бы безобразных болячек на моем теле. Но военную форму я просто ненавидел. Рубашка была шерстяная, и колючая ткань терзала мои язвы. Но нам вменялось в обязанность носить форму с понедельника по четверг и лишь в пятницу разрешалось надевать свою обычную одежду.

Мы учились владеть оружием, изображали военные маневры, маршировали по спортивному полю и снова практиковали с оружием. Нам предстояло сдавать экзамены по этому предмету. Самым мучительным для меня было держать винтовку на плече во время различных упражнений. Мои плечи были усеяны фурункулами, когда я забрасывал винтовку на одно из них, гнойники лопались, и на рубашке проступало кровавое пятно. Но так как рубашка была из плотной шерстяной ткани, со стороны пятна были не столь заметны.

Я рассказал матери о своей проблеме. Она пришила под плечи моей рубашки подкладки из кусков скатерти, но это лишь слегка облегчило мои муки.

Однажды наш офицер проходил вдоль строя с проверкой. Он выхватил винтовку из моих рук, откинул затвор и заглянул в ствол — на предмет пыли. Удовлетворив любопытство, он вернул мне винтовку, но тут заметил пятно на моем правом плече.

— Чинаски! — указал он. — Из твоей винтовки вытекает масло!

— Так точно, сэр!

Так проходил семестр за семестром, но болезнь прогрессировала. Фурункулы были уже размером с грецкий орех и сплошь покрывали мое лицо. Я страшно стыдился. Иногда, находясь дома, я заходил в ванную становился перед зеркалом и выдавливал один из фурункулов. Желтый гной тонкой струйкой выстреливал на зеркало и стекал по его поверхности, оставляя в своем шлейфе маленькие беленькие катышки. Эта отвратительная картина зачаровывала меня — столько всякой гадости находилось внутри фурункула. Но, с другой стороны, я знал, как неприятно остальным людям смотреть на меня.

Должно быть, кто-то из руководства школы намекнул отцу на это обстоятельство, и в конце семестра он забрал меня из Челси. Теперь я лежал на кровати, и мои родители натирали меня мазями. Среди прочего было одно коричневое вонючее средство. Отец предпочитал врачевать меня именно им, потому что оно жгло. И при этом он настаивал на том, чтобы я

держал его на себе дольше, намного дольше, чем рекомендовала инструкция. Однажды он заставил меня продержаться почти всю ночь, в конце концов, я заорал, бросился в ванну и с трудом смыл впитавшуюся мазь. Я весь горел. Ожоги были на моем лице, спине и груди. Остаток ночи я просидел на краю кровати. Лечь я не мог.

Ко мне в комнату вошел отец.

— Я, кажется, сказал тебе: не смывать мазь!

— Посмотри, что случилось, — ответил я.

Пришла мать.

— Этот ублюдок не хочет поправляться, — пожаловался ей отец. — Почему именно у меня такой сын?

Мать потеряла работу. Отец продолжал уезжать каждое утро на своем автомобиле, будто бы на работу.

— Я инженер, — говорил он всем.

Ему всегда хотелось быть инженером.

А мне выдали медицинскую карту и направили в лос-анджелескую окружную больницу. С этой картой я сел в трамвай № 7, заплатил семь центов за проезд, прошел в конец салона и сел на свободное место. Мне было назначено явиться в больницу к 8:30 утра.

На следующей остановке в трамвай вошла женщина с ребенком. Женщина было толстая, а ее сыну года четыре. Они разместились позади меня. Трамвай поехал дальше. Я сидел и смотрел в окно. Мне нравился этот трамвай № 7. Ехал он быстро, раскачивался в разные стороны, а снаружи светило солнце.

— Мама, — услышал я голос малыша позади себя, — а что у мальчика с лицом?

Женщина не ответила.

Малыш повторил свой вопрос.

И снова женщина промолчала.

Тогда парень заорал:

— Мама! Что у этого мальчика с лицом?

— Заткнись! Я не знаю, что у него с лицом!

На проходной меня направили на третий этаж. Там у самого входа за столом сидела сестра. Она записала мое имя и сказала, чтобы я присаживался. Вдоль стен коридора тянулись длинные ряды зеленых металлических стульев. На них лицом к лицу сидели пациенты: мексиканцы, белые, черные, вот только что азиатов не было. Читая никакого не было. Некоторые пациенты просматривали вчерашние газеты. Я стал разглядывать присутствующих. Народ был разношерстный: толстые

и худые, коротышки и рослые, старые и молодые. Никто не разговаривал, и все выглядели измученными. По коридору шныряли санитары, иногда проходили медсестры, но доктора не показывались. Прошел час, за ним другой. Никого из пациентов не вызывали. Я отправился на поиски воды. По пути я заглядывал в кабинеты врачей. Но все они были пусты — ни пациентов, ни докторов. Никого.

Я подошел к сестре, которая вела учет пациентов. Она просматривала толстенную книгу с именами больных. Зазвонил телефон. Сестра подняла трубку.

— Доктора Минена еще нет, — сухо ответила она и дала отбой.

— Извините, — обратился я к сестре.

— Да?

— Докторов еще нет. Можно мне прийти попозже.

— Нет.

— Но здесь же никого нет.

— Доктора на вызовах.

— Да, но мне назначено на 8:30.

— Здесь всем назначено на 8:30.

Она показала на сидящих — около 50 человек.

— Ну, вы же внесли меня в список ожидающих, так что я вернусь через пару часов, возможно, тогда здесь появится какой-нибудь доктор.

— Если вы уйдете сейчас, то автоматически потеряете свой талон на сегодняшний прием. Вам нужно будет прийти завтра, если вы, конечно, нуждаетесь в лечении.

Я вернулся на свой стул. Все замерли в ожидании, никто не протестовал. И все вокруг погрузилось в оцепенение. Лишь изредка проходили две-три сестрички, посмеиваясь на ходу. Один раз они толкали перед собой инвалидную коляску, в которой сидел мужчина. Обе ноги у него были плотно забинтованы, а когда коляска проезжала мимо меня, то я заметил, что у мужика нет уха: только черная дырка, разделенная на несколько маленьких отсеков, будто бы в ушную раковину забрался паук и сплел там свою паутину. Прошел час. Полное затишье. Еще час. Два часа. Мы ждали. Вдруг кто-то сказал:

— Доктор!

Человек в белом халате быстро зашел в один из кабинетов и закрыл за собой дверь. Мы были настороже. Ничего. В кабинет вошла сестра. Мы прослушали ее смех. Потом она вышла. Пять минут минуло. Десять. Дверь распахнулась, и вышел доктор со списком в руке.

— Мартинес? — прочитал он. — Хосе Мартинес?

Старый тощий мексиканец поднялся со стула и поплелся к доктору.

— Мартинес? Ну, Мартинес, дружище, как ты?

— Болен, доктор... Похоже, мне конец...

— Ну-ну... Заходи...

Мартинес засел там надолго. Я подобрал брошенную кем-то газету и попытался читать. Но у меня на уме, да и у всех, пожалуй, был один Мартинес. Когда он выйдет оттуда, кто будет следующим?

И тут Мартинес закричал:

— АХХХХХ! ОХХХХХ! ОСТАНОВИТЕСЬ! УХХХХХ! ГОСПОДИ! ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАНОВИТЕСЬ!

— Сейчас, сейчас, это не больно... — уговаривал доктор. Мартинес снова завопил. В кабинет вбежала сестра. Вскоре крики стихли. Мы таращились на черную тень за полуоткрытой дверью. Затем в кабинет проследовал санитар. Через некоторое время Мартинес вновь подал голос, но теперь это были булькающие звуки. Наконец сестра и санитар вывезли его из кабинета на носилках. Мартинес лежал под простыней, но он был жив, потому что простыня не закрывала его лица. Сестра с санитаром потолкали носилки в конец коридора и скрылись за дверьми, которые открывались на обе стороны.

Доктор пропадал в кабинете минут десять, потом снова появился в дверях со списком в руке.

— Джефферсон Уильямс, — объявил он.

Никто не откликнулся.

— Есть Джефферсон Уильямс? — спросил он.

Ответа не последовало.

— Мэри Блэксорн?

Опять мимо.

— Гарри Льюис?

— Да, доктор?

— Заходите, пожалуйста...

Прием проходил очень медленно. Доктор осмотрел еще пять пациентов и покинул свой кабинет. Он подошел к столу, за которым сидела сестра, которая записывала наши имена, закурил сигарет) и проговорил с ней пятнадцать минут. Вид у него был очень умного человека. Правая часть его лица подергивалась, волосы рыжие с проседью. Еще у него были очки, которые он во время разговора то снимал, то одевал. К ним подошла другая сестра и подала доктору чашку кофе. Доктор сделал глоток, потом свободной рукой толкнул одну створку двери в конце коридора — и был таков.

Сестра поднялась из-за своего стола и, называя наши имена, вернула каждому его медицинскую карту.

— На сегодня прием окончен. Если желаете, можете прийти завтра. Время явки проставлено в ваших картах, — объявила она после раздачи.

Я заглянул в свою карту, там стояло — 8:30.

На следующий день мне повезло — меня вызвали. Доктор был уже другой. Я зашел, разделся и сел на край смотрового стола. Доктор направил на меня жаркую лампу с белым светом и осмотрел.

— Хмम्म, хмम्म, — мычал он, — о-хо-хо...

Я не шевелился.

— И как давно это у тебя?

— Года два. Чем дальше, тем хуже.

— Ай-я-яй, — качал головой и продолжал осмотр. — Так, значит, ты сейчас приляг на живот и полежи, а я скоро вернусь.

Через некоторое время кабинет наполнился людьми. Все они были доктора. По крайней мере, они выглядели и разговаривали, как доктора. Откуда взялось их столько? Я-то думал, что с докторами в лос-анджелесской окружной больнице туго.

— *Aspe vulgaris*. Самый тяжелый случай, какой мне приходилось наблюдать за всю мою практику!

— Фантастика!

— Невероятно!

— Посмотрите на лицо!

— А шея!

— Я только что осматривал пациентку с идентичным диагнозом, молодую девушку У нее поражена спина. Она плакала и говорила мне: «Как же я теперь смогу познакомиться с мужчиной? Моя спина навсегда будет изуродована шрамами. Я не хочу жить!» А теперь посмотрите на этого человека. Да если бы она увидела его, то поняла, что ей грех жаловаться на судьбу!

«Придурок ебанный, — подумал я. — Что, не понимает, что я слышу все, что он тут несет?»

Как человек становится доктором? Или им может быть любой?

— Он спит?

— Почему?

— Уж больно спокойный.

— Нет, я не думаю, что он заснул. Ты спишь, дружище?

— Да.

Они продолжили осмотр, освещая горячим белым светом пораженные участки моего тела.

— Перевернись.

Я перевернулся.

— Посмотрите, поражена даже внутренняя полость рта!

— Ну, так как будем лечить?

— Электроиглой, я думаю...

— Да, несомненно, электроиглой.

— Правильно, иглой. На том и порешили.

На следующий день я сидел в коридоре на своем железном стуле зеленого цвета и ждал, когда меня вызовут. Напротив меня расположился толстый мужчина. Что-то непонятное происходило с его носом. Он был очень красный, облупившийся, весь влажный, слишком толстый, непомерно длинный и с отвратительными наростами. Наверное, это была реакция на какое-нибудь раздражение. Я старался больше не смотреть на этот взбесившийся нос. Мне не хотелось, чтобы мужчина заметил мой взгляд. Уж я-то представлял себе его переживания. Но внешне, казалось, красноносый чувствовал себя вполне комфортно. Он развалился на своем стуле и дремал.

Его вызвали первым:

— Мистер Слиз?

Мужчина очнулся и слегка подался вперед.

— Слиз? Ричард Слиз? — повторил доктор.

— Да-да, я здесь...

Он поднялся и направился к доктору.

— Ну, как вы себя чувствуете, мистер Слиз?

— Прекрасно... Со мной все в порядке...

Они скрылись в кабинете.

Часом позже вызвали и меня. Я проследовал за доктором в другой кабинет, который был больше, чем тот, в котором меня осматривали первый раз. Мне сказали раздеться и сесть на стол. Доктор осмотрел меня.

— Да, действительно, случай исключительный. Что скажешь?

— Ага.

Он сжал фурункул на моей спине.

— Так больно?

— Ага.

— Ну, что ж... Сейчас мы попробуем одну процедуру.

Я услышал, как он включил свое оборудование. Машина зажужжала. Завоняло разогретой мазью.

— Готов? — спросил доктор.

— Ага.

Он вонзил электрическую иглу мне в спину и принялся сверлить. Боль была нестерпимой. Ею заполнилась вся комната. Я чувствовал, как кровь побежала по моей спине. Наконец он вынул иглу.

— Так, теперь следующий, — оповестил доктор и ввел иглу в фурункул.

Когда доктор бурил третий фурункул, в кабинет вошли двое мужчин и стали наблюдать за ходом процедуры. Вероятно, они тоже были доктора. Игла вновь вошла в меня.

— Я еще не видел, чтобы так вели себя под иглой, — сказал один другому.

— Ни единого звука! — отозвался второй.

— Почему бы вам, ребята, не пойти и не пощипать сестрицам задницы? — задал я им вопрос.

— Послушай, сынок, ты не смеешь разговаривать с нами в таком тоне! Но игла снова вторглась в мое тело, и я ничего не ответил.

— Вероятно, мальчик очень ожесточился...

— Да, конечно, так оно и есть... И они удалились.

— Они настоящие профессионалы, — сказал мне доктор. — Зря ты их оскорбил.

— Сверлите дальше, — предложил я.

Док принял мое предложение. Игла была уже очень горячей, но он не останавливался. Высверлив все гнойники у меня на спине, он перекинулся на грудь, потом обработал шею и под конец лицо. Я был весь в крови.

Вошла сестра и получила инструкции:

— Так, мисс Аккерман, эти пустулы нужно тщательно дренировать. Будет идти кровь, не обращайтесь внимания, продолжайте отжим. Нужен основательнейший дренаж.

— Хорошо, мистер Грунди.

— После этого проведете ультрафиолетовое облучение, по две минуты на каждую сторону...

— Хорошо, мистер Грунди.

Я прошел за мисс Аккерман в следующий кабинет. Там она снова уложила меня на стол, взяла салфетку и сжала первую пустулу.

— Больно?

— Нормально.

— Бедняжка...

— Не беспокойтесь. Мне и так неудобно, что вам приходится возиться с этим.

— Ах ты, бедняжка...

Это был первый человек, который проявил ко мне неподдельное сочувствие. Странные ощущения. Мисс Аккерман — маленькая, толстенькая медсестра лет тридцати.

— Ты ходишь в школу? — спросила она.

— Нет, меня освободили.

Мисс Аккерман делала свое дело и развлекала меня разговором.

— И чем ты занимаешь весь день?

— Лежу в кровати.

— Это ужасно.

— Нет, это прекрасно. Мне нравится.

— Так не очень больно?

— Да все нормально. Продолжайте.

— И что же прекрасного в твоём лежании весь день напролет?

— Я могу ни с кем не видеться.

— И тебе нравится это?

— О, да.

— Ну, и что дальше?

— Иногда я слушаю радио.

— А что ты слушаешь?

— Музыку. Разговоры людей.

— А о девочках ты думаешь?

— Конечно. Но это бессмысленно.

— Нет, ты не должен так думать.

— Мне больше нравится слушать пролетающие аэропланы. Они появляются каждый день в одно и то же время. Я точно засекаю время каждого. Ну, скажем, я знаю, что один из них пролетит в 11:15. В 11:10 я начинаю вслушиваться. Я пытаюсь ухватить самый первый звук. Иногда мне кажется, что я слышу его, иногда я не вполне уверен, но со временем я начинаю отчетливо слышать его еще задолго до назначенного времени. Я слышу, как звук нарастает, и в 11:15, когда аэроплан пролетает над самой головой, звук достигает своего пика.

— Ты занимаешься этим каждый день?

— Нет, только когда мне надо идти в больницу.

— Перевернись, — попросила мисс Аккерман.

Я перевернулся. И тут в соседнем кабинете закричал мужчина. Беспокойное соседство. Он орал во всю мощь.

— Что это такое с ним делают? — спросил я.

— Моют.

— И из-за этого он так вопит?

— Да.

— У меня более тяжелый случай, чем у него, — похвастался я.

— Нет, у тебя нет.

Мне нравилась мисс Аккерман. Украдкой я разглядывал ее. Ее круглое лицо нельзя было назвать прекрасным, но зато ее привычка носить свою сестринскую шапочку на бойкий манер и большие карие глаза были восхитительными. Когда она пошла выбрасывать окровавленные салфетки, я оценил ее походку. Да, конечно, это была не мисс Гридис, и я видел много женщин с фигурой получше, но от нее исходило какое-то тепло. Мисс Аккерман, в отличие от многих представительниц ее пола, заботило не только то, что она женщина.

— Когда закончим с твоим лицом, — сказала мисс Аккерман, — я положу тебя под ультрафиолет. Следующая процедура послезавтра в 8:30 утра.

После это мы уже больше не разговаривали.

Когда возня с лицом была закончена, я нацепил защитные очки, и мисс Аккерман включила машину, излучающую ультрафиолет.

Машина издавала умиротворяющий тикающий звук. Возможно, это был автоматический таймер или потрескивал нагревающийся металлический отражатель на лампе. Было уютно и покойно, но лишь только я подумал об этом, как сразу понял, что все эти процедуры бесполезны. Я представил себе, что в лучшем случае эта игла наделает на мне кучу шрамов, которые не исчезнут до конца жизни. Конечно, это было плохо, но я беспокоился совсем о другом. Доктора не знали, что со мной делать, — вот что действительно тревожило меня. Я почувствовал это по ходу их обсуждения, по тому, как они это делали. Они колебались, они были встревоженные и одновременно, какие-то отстраненные и скучающие. Что же, в конце концов, им предпринять — уже не имело никакого значения. Они просто должны были что-то сделать, потому что не сделать ничего — это было непрофессионально.

Они экспериментировали на бедных, и если это срабатывало, то метод предлагали богатым. Ну, а если не срабатывало, то в бедных нехватки не предвиделось, чтобы продолжить эксперимент.

Машина подала сигнал, что положенные две минуты истекли. Подошла мисс Аккерман, попросила меня перевернуться, снова включила машину и ушла. Это был самый добрый человек, которого я встретил за последние восемь лет.

Бурение и дренаж продолжались неделю, но результат был ничтожный. Если один фурункул исчезал, то рядом появлялся другой. Я часто и подолгу в изумлении стоял перед зеркалом, удивляясь тому, каким безобразным может быть человек. С недоверием я разглядывал свое лицо, затем поворачивался и исследовал фурункулы на спине. Я был в шоке. Неудивительно, что люди тарасились на меня, немудрено, что говорили гадости. Ох, не простой это случай — юношеское акне — воспаленные, вздутые, неумолимо огромные гнойные прыщи. Я чувствовал, что все было предрешено, меня избрали на эту роль. Родителей никогда не интересовало мое состояние. Они все еще существовали на пособие по безработице. Мать каждое утро отправлялась на поиски работы, а отец уезжал по «инженерским» делам. По субботам безработный люд получал бесплатные продукты на рынках, в основном это были консервы, и почти всегда списанные по какой-нибудь причине. Мы подъедали отбросы. Много отбросов. За консервами шли сэндвичи, картошка. Мать научилась готовить картофельные оладьи. Каждую субботу мои родители отправлялись за халявной едой, но они не ходили на наш рынок, который был ближайшим, они боялись, что их могут увидеть соседи и тогда все узнают, что и мы живем на подачках. Они топали в лавку за две мили по бульвару Вашингтона и потом еще пару кварталов по Гриншау. Это был неблизкий путь — туда и обратно. Потая, они волокли хозяйственные сумки, набитые консервированным рагу, картофелем, болонской колбасой и морковью. Автомобиль отец не брал, сэкономил бензин, чтобы по утрам выезжать на мнимую работу. У других отцы не вели себя так. Они спокойно сидели на своих верандах или играли в гольф на пустыре.

Доктор выдал мне какую-то белую жидкость, чтобы я смазывал ей прыщи на лице. Субстанция подсыхала и превращалась в белую коросту. Со стороны было похоже, что я весь облеплен пластырем. На большее эта жижа, кажется, не годилась. Однажды днем я был дома один и смазывал этой дрянью лицо и тело. Я разделся до трусов и пытался смазать труднодоступные болячки на спине, когда услышал голоса. Это был Плешивый со своим дружкой Джиммом Хэтчером. Этот Хэтчер слыл слишком красивым и чересчур хитрожопым.

— Генри! — позвал Плешивый.

Переговариваясь, они вошли на веранду и забарабанили в дверь.

— Эй, Генри, это Плешивый! Открывай!

«Вот тупица, — злился я, — неужели не понятно, что я не хочу никого видеть?»

— Генри! Эй, Генри! Это мы — Плешивый и Джим! — орал этот недоумок и ломился в парадную дверь.

Потом он сказал Джимми:

— Слушай, я его видел! Я видел, как он болтался по дому!

— Не отзывается что-то.

— Лучше нам войти. Может, с ним что-нибудь случилось.

«Ты дурак! — свирепел я. — И я водился с тобой! Я дружил с тобой, когда никто не хотел даже стоять рядом. А сейчас посмотрите-ка на него!»

Я выбежал в коридор и спрятался в чулане, оставив дверь слегка приоткрытой. Я был уверен, что они не посмеют войти в дом. Но они вошли. Я оставил заднюю дверь открытой. Я слушал, как они бродили по дому.

— Он должен быть здесь, — твердил свое Плешивый. — Я видел какое-то движение...

«Вот говнюк, что я не могу ходить по этому дому? Да я живу здесь!»

Темнота чулана надежно укрывала меня. Но я знал, что не должен позволить им найти себя здесь.

Толкнув дверь чулана, я выпрыгнул в коридор. Они оба стояли в передней комнате. Я влетел в комнату и заорал:

— УБИРАЙТЕСЬ ОТСЮДА, СУЧЬИ ВЫРОДКИ!

Они вытаращились на меня.

— ПОШЛИ ВОН! ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ ПРАВА НАХОДИТЬСЯ ЗДЕСЬ! ВЫМЕТАЙТЕСЬ ИЛИ Я УБЬЮ ВАС!

Они бросились к задней двери.

— БЫСТРЕЕ! БЫСТРЕЕ! ИЛИ ВЫ ТРУПЫ!

Я слышал, как они выскочили во двор, потом на улицу. Мне не хотелось следить за ними. Я поднялся в свою комнату и развалился на кровати. Зачем они хотели видеть меня? Что они могли сделать? Нечего было делать. И не о чем было разговаривать.

Пару дней спустя мать не отправилась на поиски работы. И мне, как раз, не надо было идти в больницу. Так что мы оба остались дома. Мне это не нравилось. Куда лучше быть одному. Я слышал, как она бродит по дому, и не выходил из своей комнаты. Нарывы болели сильнее обычного, а я проверял свое расписание полетов аэропланов. Очередной рейс ожидался в час двадцать по полудню. Я начал прислушиваться. Он опаздывал. Час двадцать по полудню уже протикало, а самолет был еще только на подходе.

Когда же он пролетел мимо, опоздание составило три минуты. Потом я услышал звонок в дверь и шаги матери, которая пошла открывать.

— Эмили, проходи. Как ты?

— Здравствуй, Кэтги. Ты-то как?

Это была моя бабушка, уже совсем старая. Я слышал их разговор, но не мог ничего разобрать. За это я был им благодарен. Они проговорили минут пять-десять, затем я услышал, как они идут по коридору к моей комнате.

— Я еще всех вас похороню, — твердила старуха. — Где этот мальчишка?

Дверь открылась, и они вошли.

— Здравствуй, Гепри, — поздоровалась бабушка. У нее в руках была здоровенная сумка.

— Бабушка пришла помочь тебе, — волновалась мать.

Бабушка поставила сумку на туалетный столик и извлекла из нее гигантское серебряное распятие.

— Бабушка хочет помочь тебе. Генри...

Старуха стала еще толще, и бородавок на ней развелось еще больше. Выглядела она несокрушимой, и действительно верилось — смерть ее не возьмет. Она была так стара, что умирать просто не имело смысла.

— Генри, — сказала мать, — повернись на живот.

Я повернулся, бабушка подошла и склонилась надо мной. Краем глаза я отмечал ее манипуляции гигантским распятием над моим телом. Года за два до этого я определился с религией и не в ее пользу. Если существование Бога — правда, то значит религия дурачила людей или же собирала вокруг себя несусветных дураков. Ну, а если же все, что касается Бога, — фикция, то тогда эти глупцы выглядели еще более безрассудными.

Но все же ко мне пришли моя бабушка и моя мать, и я решил, пусть делают, что хотят.

Распятие совершало путь святого знамения над моей спиной, усеянной фурункулами.

— Господи, — молилась моя бабушка, — изгони Дьявола из тела этого бедного мальчика! Взгляни на эти язвы! Они удручают меня, Господи! Посмотри на них! Ведь это Дьявол вселился в тело моего мальчика, Господи! Изгони Дьявола из его тела, молю тебя. Всевышний!

— Изгони Дьявола из его тела, Всевышний! — подхватила мать.

«Да мне просто нужен хороший доктор, — думал я. — Что творят эти женщины? Почему они не оставят меня в покое?»

— Господь, — снова взмолилась старуха, — почему ты позволяешь

Дьяволу пребывать в этом детском теле? Разве ты не видишь, как он веселится в нем? Узри эти язвы! О, Всемогущий, меня просто тошнит при одном взгляде на них! Они красные, огромные и переполненные!

— Изгони Дьявола из тела моего мальчика! — закричала мать.

— Мой Господь, спаси нас от Дьявола! — завопила бабушка, приложила распятие к моей спине и надавила на него.

Брызнула кровь, я всегда чувствовал, когда открывалось кровотечение — сначала тепло, а затем вдруг сразу холодно. Я перевернулся и сел на кровати.

— Что за херней вы занимаетесь?

— Я делаю дырку, чтобы Бог через нее вышвырнул из тебя Дьявола! — ответила бабушка.

— Ну, вот что, — сказал я. — Я хочу, чтобы вы обе убрались отсюда и поживее! Вам понятно?

— Да он как был, так и остался чокнутым! — изумилась бабушка.

— УБИРАЙТЕСЬ ОТСЮДА К ЧЕРТУ! — заорал я.

Они ушли, шокированные и огорченные, закрыв за собой дверь.

Я пошел в ванную, соорудил тампон из туалетной бумаги и попытался остановить кровотечение. Тампон быстро пропитался кровью. Я сделал новый и снова приложил. Затем я взял йод и попытался смазать рану, но это было нелегко. Я изрисовал всю спину, но до язвы так и не дотянулся. Разве может быть заражение спины? Кто-нибудь слышал о таком случае? Я плюнул на это дело. Или выживу, или умру. Со спиной, как и с жопой, нельзя рассчитывать на ампутацию.

Я вернулся в комнату, забрался на кровать и натянул покрывало по горло. Глядя в потолок, я повел про себя беседу.

Ну, хорошо, Бог, говорят, что Ты действительно существуешь где-то там на небесах. Ты поставил меня в эти невыносимые обстоятельства. Ты хочешь испытать меня. А не испытать ли мне Тебя? Что если я скажу, что Тебя нет? Ты послал мне испытание крайней сложности с моими родителями и в придачу еще эти прыщи. Я думаю, что пройду Твое испытание. Я круче Тебя. И если Ты спустишься ко мне сюда прямо сейчас, я плюну Тебе в лицо, если оно у Тебя есть. Кстати, Ты срешь? Священник никогда не отвечал на этот вопрос. Он твердил нам, чтобы мы не сомневались. Не сомневались в чем? Я думаю, что Ты слишком много взваливал на меня, и теперь я прошу Тебя спуститься ко мне сюда, чтобы я мог испытать тебя!

Я замер — ничего. Я ждал Бога. Ждал, ждал и, судя по всему, уснул.

Раньше мне было больно спать на спине, но когда я проснулся, то

оказалось, что я лежу на спине, и это меня удивило. Ноги были согнуты в коленях и возвышались передо мной, как гора. Я посмотрел на эту гору и увидел два глаза, уставившихся на меня. Только глаза эти были темные, хмурые и пустые... Они смотрели на меня из-под капюшона, черного капюшона с остроконечной макушкой, как у ку-клукс-клановца. Глаза продолжали таращиться на меня — темные и пустые, и я ничего не мог поделать с этим. Они повергли меня в ужас. Я думал — это Бог, но невозможно было себе представить, что у Бога такой взгляд.

Я не смог его пересмотреть. Я даже шевельнуться был не в состоянии. А глаза все смотрели на меня поверх горы из моих ног, укутанных покрывалом. Я хотел убежать. Я жаждал, чтобы эти глаза исчезли: могущественные, зловещие и грозные.

Но они протаращились на меня битый час.

Наконец исчезли.

Оставаясь в постели, я размышлял над увиденным.

Нет, не мог я поверить, что передо мной был Бог. В такой-то одежде? Нет, это, скорее всего, был дешевый трюк.

Конечно же, это была галлюцинация.

Я ломал голову над этим явлением минут десять-пятнадцать, потом встал и полез за маленькой коричневой коробочкой, которую дала мне бабушка много лет назад. Внутри этой коробочки находились малюсенькие бумажные свиточки с цитатами из Библии. Каждый свиток содержался в отдельной ячейке. Нужно было задать вопрос, затем вытянуть какой-нибудь свиток, и в нем будет ответ. Как-то уже я обращался к этой коробочке и понял, что это бесполезно, но теперь решил попробовать заново.

— Что все это значит? — спросил я коричневую коробочку. — Что это были за глаза?

Затем я достал свиток и развернул его. Это был крошечный кусок плотной бумаги.

«БОГ ОСТАВИЛ ТЕБЯ», — прочитал я, быстро свернул лоскуток и сунул его обратно в ячейку.

Я не поверил ему. Вернувшись в кровать, я вновь впал в размышления. Нет, слишком уж это было просто, слишком прямолинейно. Мне не верилось. Я подумывал над тем, чтобы подрочить, возможно, это вернуло бы меня к действительности. Я все еще находился в неверии. Наконец я не выдержал, встал, снова взял коробочку и принялся разворачивать свиток за свитком. Я искал тот, на котором было написано: «БОГ ОСТАВИЛ ТЕБЯ». Я развернул все свитки, но ни на одном из них не было такой надписи. Я перечитал их все заново — ничего подобного. Тогда я свернул их все

обратно, аккуратно разложил по своим ячейкам и закрыл коричневую коробочку.

Тем временем болезнь прогрессировала. Я продолжал ездить в лос-анджелесскую окружную больницу на трамвае № 7 и постепенно влюблялся в мисс Аккерман, процедурную сестру, которая давила мои прыщи. Несмотря на отвратительную смесь из крови и гноя, с которой ей приходилось иметь дело, она всегда была мила и добра ко мне. Ей было и невдомек, что с каждый приступом боли во мне укреплялись решимость и отвага. В моей любви к ней не было сексуального оттенка. Я просто хотел, чтобы она укутала меня в свою накрахмаленную чистоту, и мы исчезли бы из этого мира навсегда. Но мисс Аккерман никогда не пошла бы на это. Уж слишком она была реальна. Ее волновало лишь то, запомнил ли я дату моей следующей процедуры.

Аппарат ультрафиолетовой терапии щелкнул и отключился. Я уже облучился с двух сторон, поэтому снял очки и стал одеваться. Вошла мисс Аккерман.

— Еще не все, — остановила она меня, — оставь свою одежду.

«Что это она собралась со мной проделать», — подумал я.

— Присядь на край стола.

Я сел, и она принялась натирать мое лицо густой маслянистой мазью.

— Доктора прописали новую процедуру. Придется забинтовать тебе лицо, для эффективности.

— Мисс Аккерман, а что же все-таки случилось с тем мужиком, у которого здоровенный нос? Он у него так и продолжает расти?

— Мистер Слиз, что ли?

— Ну, мужик с громадным носом.

— Его звали мистер Слиз.

— Я не вижу его больше. Он что, вылечился?

— Он умер.

— Что, из-за носа?

— Самоубийство, — ответила мисс Аккерман, продолжая втирать мазь.

Из соседней палаты послышался мужской крик: «Джой, где ты? Джой, ты же сказала, что вернешься! Куда ты девалась, Джой?»

Голос был громкий, пропитанный печалью и отчаянием.

— Каждый день после полудня он начинает кричать, — прокомментировала мисс Аккерман, — а Джой все не идет.

— Ему нельзя помочь?

— Не знаю, в конце концов они все успокаиваются. Придержи пальцем салфетку на лице, я забинтую тебя. Так, правильно. Еще немного. Теперь отпускай. Отлично.

И снова крик: «Джой! Джой, ты сказала, что вернешься! Где ты, Джой?»

— Теперь придержи следующую. Так. Держи, держи. Я хочу положить бинт аккуратненько! Так. Осталось лишь закрепить повязку.

Наконец она закончила перевязку.

— Все, теперь одевайся. Увидимся послезавтра. Генри. До свидания.

— До свидания, мисс Аккерман.

Я оделся, вышел из кабинета и спустился в вестибюль. На автомате для продажи сигарет было зеркало. Я взглянул на себя — здорово. Почти вся моя голова была забинтована. Я был белоголовый. Лишь виднелись глаза, рот, уши, а на макушке торчал небольшой клочок волос. Я был замаскирован. И это меня радовало. Закурив сигарету, я окинул взглядом вестибюль. Пациенты сидели и читали свои газеты и журналы. Я почувствовал в себе нечто очень необычное и слегка зловещее. Никто из окружающих и понятия не имел, что со мной произошло: автомобильная катастрофа, жестокая драка, преднамеренное убийство, пожар. Никто и ничего.

Я покинул вестибюль, вышел из здания больницы и ступил на тротуар. До меня все еще доносились возгласы: «Джой! Джой! Где ты, Джой!»

Джой не торопилась. Забота о другом человеке не приносит выгод. Людям это не свойственно, что бы там ни говорили.

На обратном пути я сидел в хвосте трамвая, закуривал сигарету за сигаретой и пускал дым своей забинтованной головой. Люди таращились на меня, но я не обращал на это никакого внимания. В их глазах было больше страха, чем отвращения. Я надеялся, что смогу закрепиться в этом положении навсегда.

Я доехал до конечной остановки и вышел. День клонился к вечеру, а я стоял на углу бульвара Вашингтона и Вествью-авеню, наблюдая за людьми. Те немногие, что имели работу, теперь возвращались домой. И мой отец скоро отправится в обратный путь с фиктивного места своей несуществующей службы. Я не работал, не учился, ничем не занимался. Я был забинтован и стоял на углу, покуривая сигарету — сильный и опасный. Я уже понимал, что к чему. Слиз кончил себя сам. От меня они этого не дождутся. Скорее я грохну кого-нибудь из них. Четверых-пятерых я утяну за собой. Я покажу им, что значит манипулировать мной.

Ко мне приближалась женщина. У нее были превосходные ноги. Нетаясь, я посмотрел женщине прямо в глаза, затем мой взгляд скользнул вниз и зафиксировался на ногах, а когда она прошла мимо, я повернулся и оценил ее задницу. Я откровенно упивался видом этой шикарной жопы. Ее восхитительные формы навсегда отложились в моей памяти, плюс шовчики на шелковых чулках.

Я бы никогда не отважился на это без повязки на голове.

На следующий день, валяясь в постели, я томился в ожидании рейсового самолета, и тут мне на глаза попала желтая школьная тетрадь для домашней работы. Тетрадь была чистая. Я отыскал карандаш и со всей канцелярией вернулся в кровать. Развалившись, я сделал несколько набросков. Это были женщины в туфлях на высоком каблуке, они сидели, закинув ногу на ногу и задрав юбки.

Затем я взялся писать. Мой рассказ был о немецком авиаторе времен Первой мировой войны бароне фон Химмине. Он летал на красном «фоккере». Среди других летчиков барон был непопулярен. Он ни с кем не разговаривал, пил всегда в одиночку и летал один. Женщин барон игнорировал, несмотря на то, что они поголовно влюблялись в него. Он был выше всего этого и слишком занят. Все свое время барон проводил в воздушных боях с самолетами союзнических войск. На его счету уже было 110 сбитых аэропланов, а война еще только разгоралась. Его красный «фоккер», который сам барон величал «Октябрьская птица Смерти», узнавали повсюду. Даже вражеские наземные войска знали его, так как он частенько пролетал на бреющем над их позициями, вызывая шквальный огонь и, насмехаясь, сбрасывал им бутылки шампанского на маленьких парашютах. Барона фон Химмина никогда не атаковали меньше чем пять самолетов противника. Да, внешне это был неприятный человек со шрамами на лице, но стоило приглядеться к нему — и становилось ясно, что он красив, — это было в его глазах: изящный стиль, неистовая отвага и безграничное одиночество.

Страницу за страницей исписывал я, изображая воздушные схватки барона. Вот он завалил три самолета из четырех напавших на него, и полетел на аэродром. От его «фоккера» почти ничего не осталось, самолет разваливался прямо в воздухе. Барон пошел на посадку, машина ударилась о землю и высоко подпрыгнула. Тогда фон Химмин выскочил из кабины и, пока останки самолета кувыркались по полю, направился в бар. Схватив с полки бутылку, барон сел за свободный столик и, наполняя стопку за стопкой, стал опрокидывать их в себя. Никто не мог пить так, как барон. Остальные просто стояли в стороне и молча наблюдали. Однажды один летчик не выдержал.

— Что это с тобой, Химмин? — обратился он к барону. — Ты думаешь, что слишком хорош для нас?

Это был Вилли Шмидт — самый крупный и сильный парень в подразделении. Барон допил свою очередную порцию, поставил стопку, встал и медленно пошел на Вилли, который стоял у стойки бара. Другие летчики расступались перед ним.

— Черт, что это ты задумал? — спросил Вилли.

Барон продолжал медленно надвигаться, не отвечая на вопрос.

— Господи, барон, да я просто пошутил! Клянусь честью матери! Послушай меня, барон... Барон... Враги по ту сторону фронта, барон!

Барон провел прямой правой. Но никто не увидел его движения. Удар пришелся прямо в лицо Вилли и отшвырнул его за стойку бара. Как пушечное ядро, всей своей тушей он влетел в бар, разбил зеркало, и сверху его засыпало бутылками. Барон достал сигару, прикурил, вернулся к своему столу и наполнил стопку. Вилли извлекли из бара, все его лицо было в крови. После этого случая уже больше никто не приставал к барону.

Сбитые бароном самолеты сыпались с небес один за другим. Но никто не понимал его, все недоумевали, как это ему удается так мастерски владеть своим красным «фоккером». Еще многими странностями удивлял барон. Например, своей манерой боксировать. Или грандиозной походкой. Барон был нестигаем и непобедим. Но иногда удача изменяла и ему. Однажды, возвращаясь с вылета, в котором барон сбил три самолета противника, и пролетая низко над вражескими позициями, он был ранен шрапнелью. Осколком ему оторвало кисть правой руки. Но он сумел довести и посадить свой красный Фоккер. С тех пор он летал со стальным протезом на правой руке, что никак не отразилось на его мастерстве. А летчики в баре стали вести себя еще более осторожно, когда обращались к нему.

Еще много разных приключений произошло с бароном после этого ранения. Дважды он падал на необитаемые земли и каждый раз возвращался в свою эскадрилью, полуживой, пробираясь сквозь колючую проволоку под вспышками сигнальных ракет и шквальным огнем противника. Много раз его оставляли на верную смерть его же товарищи. Однажды его не было восемь дней, и все летчики собрались в баре и говорили о том, какой он был неординарный человек. И вдруг послышался шум, все оглянулись — в дверях стоял барон — восьмидневная щетина, форма изодрана и заляпана грязью, красные изможденные глаза и лишь стальной кулак мерцал в свете лампы.

— Будет лучше, если здесь найдется достаточное количество виски для меня, в противном случае я разнесу это заведение в щепки! — произнес барон.

Барон продолжал совершать свои чудеса. Уже половина тетради была заполнена приключениями барона фон Химмлина. Я чувствовал прилив бодрости, страницу за страницей выписывая своего героя. Человеку нужно, чтобы кто-нибудь был рядом. Если никого нет, его нужно создать, создать таким, каким должен быть человек. Это не фантазии и не обман. Фантазия и обман — жить без такого барона на примете.

Повязка оказалась не бесполезной. Наконец-то лос-анджелесская окружная больница отличилась. Фурункулы подсохли. Не исчезли, но слегка затянулись. Правда, появились еще несколько свежих и стали нарывать. Так что пришлось их вскрыть, обработать и забинтовать меня снова.

Мои сеансы по бурению прыщей были бесконечны. Тридцать два, тридцать три, тридцать восемь... Страха перед ними уже не было. Ни капли. Сначала теплилась злость. Но и злость прошла. Не получилось и примирения с собственной участью. Что же осталось? Только отвращение. Отвращение к самому себе, что это произошло именно со мной. Отвращение к врачам, которые не могли ничего сделать. Они были беспомощны, и я был беспомощен, с той лишь разницей, что я — жертва. Доктора хотя бы могли прийти домой и забыть обо всем, я же всегда и везде оставался при своем лице.

Но и в моей жизни произошли изменения. Мой отец нашел работу. Он выдержал экзамен в лос-анджелесском окружном музее и получил должность охранника. На экзаменах отец отличился. Он любил математику и историю. Наконец-то он заимел реальное место, куда мог уезжать каждое утро. Было всего три вакансии на должность охранника, и одну из них получил мой отец. В окружной больнице как-то прознали, что теперь не оба мои родители безработные, а значит, могут обратиться и в платную больницу И в один прекрасный день мисс Аккерман сказала:

— Генри, сегодня у тебя последняя обработка. Я буду скучать.

— Ой, не шутите так, — ответил я. — Вы будете скучать по мне так же, как я буду скучать по электрической игле!

Но в тот день она вела себя очень странно. Ее большие глаза были влажными, и я слышал, как она хлюпала носом. Одна из сестер спросила ее:

— Дженис, что с тобой?

— Ничего. Все в порядке.

Бедняжка мисс Аккерман. Мне было пятнадцать, я был покрыт фурункулами и любил ее. Мы оба были не способны что-либо предпринять.

— Ну что ж, — бубнила мисс Аккерман, — это твоя последняя обработка ультрафиолетом. Ложись на живот.

— Я теперь знаю ваше имя, — сказал я. — Дженис. Красивое имя.

Прямо как вы.

— Ой, заткнись, — отрезала она и вышла.

Мы увиделись снова через две минуты, когда машина зазвенела и отключилась. Я перевернулся, Дженис выставила время, включила аппарат и вышла из кабинета. Больше я ее никогда не видел.

Мой отец не верил платным докторам.

— Ты мочишься в их пробирку, они берут с тебя деньги и уезжают к своим женам в Беверли Хиллз, — говорил он всем.

Но однажды он все же послал меня к одному платному доктору. У него была голова точь-в-точь как баскетбольный мяч, только с двумя маленькими глазками, и изо рта страшно воняло. Мне не нравился мой отец, но и доктор был ненамного лучше. Он посоветовал мне не есть жареную пищу и пить морковный сок. Вот так вот.

Отец сообщил, что со следующего семестра я снова пойду в школу.

— Я подставляю свою жопу, предотвращая грабежи. Вчера какой-то нигер разбил стекло на стенде и украл несколько редких монет. Но я поймал ублюдка. Он пытался вырваться, и мы вместе скатились по лестнице вниз. Я держал его, пока не подросли остальные охранники. Каждый день я рискую своей жизнью. Почему ты должен целыми днями просиживать штаны, ничего не делая? Я хочу, чтобы ты был инженером. А как ты можешь стать инженером, когда я нахожу у тебя тетрадь с рисунками баб, у которых юбки задраны до самого пупка? И это все, на что ты способен? Ну, почему ты не рисуешь цветы, горы или океан? Все — ты возвращаешься в школу!

Я пил морковный сок и ждал зачисления в школу. Пропустил я только один семестр. Болезнь не излечивалась, но фурункулы были уже не такие страшные и омерзительные.

— Ты знаешь, во сколько мне обходится этот морковный сок? Один час моего рабочего дня уходит на твой чертов сок!

Я записался в публичную библиотеку Ла Сайнидж, и мне выдали читательский билет. Библиотека располагалась на Вест-Адамс, рядом со старой церковью. Это была очень маленькая библиотека всего с одной библиотекаршей. Классная женщина — лет 38 с чисто белыми волосами, затянутыми на затылке в узел. У нее был острый нос и темно-зеленые глаза за элегантным пенсне. Я подозревал, что она знает все на свете.

Я бродил по библиотеке, рассматривая корешки и снимая с полок книгу за книгой. Но все они были нудными и безжизненными. Бесконечные страницы, заполненные словами, которые ничего не говорили. А если и говорили, то так долго и тускло, что к тому времени, когда желаемое

наконец-то высказывалось, вы уже были слишком утомлены, чтобы воспринимать что-либо. Я терзал книгу за книгой. Несомненно, среди всей этой армады книг была одна-единственная моя.

Каждый день приходил я в эту библиотеку на Вест-Адамс, где была моя библиотекарьша — строгая, непогрешимая и безмолвная. Я продолжал ворошить книги на полках. И первая настоящая книга, которую я обнаружил, была книга Эптона Синклера. Его предложения были просты и сердиты. В его письме чувствовался гнев. Он рассказывал о чикагских бойнях — прямо и откровенно. За ним я откопал другого автора по имени — Льюис Синклер, книга называлась «Главная улица». Этот Синклер тоже сдирал с людей шелуху лжи и лицемерия, которой они прикрывались. Но ему, на мой взгляд, недоставало страсти.

Каждый свободный вечер я приходил в библиотеку и продолжал свои поиски.

Гуляя как-то по библиотеке и кидая скрытые взгляды на библиотекарьшу, я наткнулся на книгу с интригующим названием «Поклонение дереву и камню». Звучало здорово, потому что именно этим мы все и занимались. Наконец-то немного огня! Я открыл книгу, автор — Джозефин Лоуренс. Женщина. Нормально. Любой мог докопаться до истины, было бы желание. Я начал читать, но книга оказалась такой же, как и многие другие: холодной, невразумительной и скучной. Пришлось поставить ее на место и попутно прихватить рядом стоящий томик — снова Лоуренс, но другой — Дэвид Герберт. Я открыл книгу на первой попавшейся странице и стал читать. В ней рассказывалось о человеке, который играл на фортепиано. Поначалу все казалось сплошной липой, но я продолжал читать. Человек за фортепиано был болен. В его сознании существовали мысли — странные и мрачные. Строчки на странице располагались с нарастающим напряжением, почти как крики того мужчины в больнице, но только это звучало не как: «Джой, где ты?», а скорее: «Джой, где хоть кто-нибудь?» Таков был нерв Лоуренса, его кровавые строки. Я никогда не слышал о нем. Почему скрывали его существование? Отчего не афишировали?

Я прочитывал по книге в день. Я осилил всего Д. Г. Лоуренса в библиотеке. Моя библиотекарьша стала с любопытством поглядывать на меня, когда я подходил на контроль с книгами.

— Что сегодня? — спрашивала она.

И всегда это звучало так мило, что у меня возникало чувство, будто я уже переспал с нею. Книги Д. Г. вывели меня на других авторов. Я познакомился с Г. Д. — поэтессой. С Хаксли, самым молодым из Хакслей,

другом Лоуренса. Одна книга влекла за собой следующую. Разрастающийся снежный ком обрушился на меня и увлек за собой. Дос Пассос был неплох, но все же не то. Его трилогия о США заняла у меня не более одного дня. Драйзер не сработал. Шервуд Андерсон — да. И, наконец, Хемингуэй — захватывающий, волнующий, убивающий и возрождающий! Вот он знал, как строить строку. Это был восторг. Его слова не казались немощными и глупыми, наоборот, его слова могли встряхнуть, перевернуть, взорвать ваше сознание. Когда вы читали эти слова и отдавались их волшебному очарованию, вы могли жить без боли, без надежды, не обращая внимания на то, что происходило с вами и вокруг вас.

А происходило все то же самое...

— ВЫКЛЮЧИ СВЕТ! — орал отец.

Я читал русских — Тургенева и Горького. Но у отца было правило: после восьми вечера весь свет в доме должно выключать. Он хотел спать, чтобы завтра быть свежим и дееспособным на своей работе. Все разговоры в доме велись о «его работе». Он талдычил матери о «своей работе» с порога, когда возвращался вечером домой, вплоть до отхода ко сну. Он был переполнен решимости подниматься по служебной лестнице.

— Все! Довольно этих паршивых книжонок! Выключай свет!

Для меня же в людях, которые стояли за этими книгами и которые входили в мою жизнь из ниоткуда, было единственное спасение. Их голоса обращались ко мне и находили отклик.

— Хорошо, — отвечал я на крики отца.

Прихватив настольную лампу, я забирался под одеяло и продолжал читать свою новую книгу. Постепенно в укрытии становилось очень жарко и невыносимо душно. Я откидывал одеяло, чтобы глотнуть свежего воздуха.

— Что это? Свет? Генри, ты выключил свет?

Я быстро набрасывал одеяло обратно и выжидал, пока отец снова захрапит.

Тургенев был слишком серьезен, но в то же время он заставлял меня хохотать, потому что правдивый рассказ о первых трудностях, с которыми мы сталкиваемся, действительно может быть потешным. Когда чьи-нибудь проблемы совпадают с твоими и кажется, что друг по несчастью просто делится ими с тобой, — это здорово.

Вот так по ночам, укрывшись одеялом, в свете перегревающейся настольной лампы, потев и задыхаясь, я проглатывал сладкие строки великих книг. И это было чудесно.

А мой отец нашел себе работу, и это было его чудом...

В Челси все оставалось по-прежнему. На место одной группы выпускников приходила другая с такими же спортивными машинами и в такой же дорогой одежде. Они не конфликтовали со мной. Просто оставили одного и игнорировали. У них хватало забот со своими девчонками. Ни в школе, ни за ее пределами они не общались с бедными.

Примерно через неделю после моего возвращения в школу за ужином я обратился к отцу:

— Знаешь, ты даешь мне 50 центов на неделю. Это маловато для такой школы. Не можешь давать доллар?

— Доллар?

— Да.

Генри-старший насадил на вилку ломтик маринованной свеклы, сопроводил его в рот и принялся жевать. Проглотив, он посмотрел на меня из-под своих кучерявых бровей.

— Если я буду давать тебе доллар в неделю, это получится 52 доллара в год, что означает, что целую неделю в году я должен буду работать только на твои карманные деньги.

Я молчал и думал: «Господи, если так рассуждать — от и до, все строго по пунктам, то тогда просто ничего не купить: ни хлеба, ни дыни, ни газет, ни пудры, ни молока, ни пенки для бритья». Мне нечего было ему сказать, я ненавидел его и не хотел ничего клянчить...

Эти богатые сосунки любили лихачить на своих автомобилях. Тормоза стонали, когда они припарковывались, колеса проворачивались и шины дымились, когда они трогались с места. Вокруг их автомобилей, сверкающих на солнце, собирались девчонки. Занятия были для них шуткой, ведь все они пойдут дальше в колледжи, занятия были для них повседневным развлечением, ведь все они имели хорошие отметки, вы редко могли видеть их с книгами, зато частенько наблюдали, как дымятся шины на их автомобилях, как визжат и смеются девчонки на задних сиденьях, когда они перелетают через бордюры, выезжая на дорогу со школьной стоянки. Я наблюдал за ними, позвякивая своими 50 центами в кармане. Я и понятия не имел, как управлять автомобилем.

Тем временем бедняки, неудачники и откровенные идиоты продолжали осаждать меня. У меня было любимое место под футбольной трибуной, где я обедал. В своей коричневой сумке я всегда носил два бутерброда с

копченой колбасой. Ущербные подступали к моему укрытию.

— Эй, Хэнк, можно я пообедаю с тобой?

— Пошел ты на хуй! Дважды я не повторяю!

И так уже было достаточно личностей такого сорта, которые прилепились ко мне. Собственно, я не очень беспокоился на счет этой компании: Плешивый, Джимми Хэтчер и тщедушный долговязый еврейский мальчик — Эйб Мартенсон. Этот Мартенсон числился круглым отличником, но не было в школе большего идиота, чем он. С ним произошло нечто уникальное. Во рту у него постоянно была слюна, и вместо того, чтобы сплевывать ее на землю, он харкал себе в руку. Не знаю, зачем он это делал. Я не спрашивал его. Я не любил задавать вопросы, просто наблюдал со стороны и чувствовал отвращение. Однажды я побывал у него дома и понял, как он стал отличником. Просто мать заставляла его зубрить подряд все школьные учебники — страницу за страницей, книгу за книгой.

— Он должен сдать все экзамены, — сказала она мне. Ей и на ум не приходило, что, возможно, во всех этих книгах не было никакого толка. Или это не имело для нее принципиального значения. Не знаю, я не интересовался.

Повторялась та же история, что и в начальной школе. Вокруг меня собирались слабаки вместо сильных, уроды вместо красивых, неудачники вместо победителей. Похоже, мне предстояло путешествовать в их компании всю жизнь. Но такая перспектива тревожило меня не столь сильно, как тот факт, что эти бесцветные идиоты считали меня неотразимым. Я был подобен куче говна, которую выбирают мухи, в противовес цветку, надолго которого выпадает предпочтение пчел и бабочек. Я хотел жить один, в одиночестве я чувствовал себя лучше, чище, но мне не хватало умения, чтобы избавиться от них. Вполне возможно, что они владели мной, как хозяева — этакие отцы, только в другой форме. В любом случае, было трудно мириться с их присутствием, пока я поедал свои сэндвичи.

Но были и хорошие моменты в моей жизни. Мой друг (иногда и враг) Джини, который жил в нашем районе и был на год меня старше, водился с Гарри Гибсоном. Этот Гарри боксировал и уже провел один профессиональный бой, правда, проиграл. Однажды вечером мы стояли с Джини и двумя его старшими братьями Ларри и Дэном и курили. И тут появился этот Гарри Гибсон с двумя парами боксерских перчаток.

Гарри был задирой.

— Никто не хочет пободаться со мной? — обратился он к нам.

Ни один из нас не откликнулся. Самому старшему из трех братьев — Ларри — было 22. С виду — самый здоровый, но уж слишком робкий и слегка ненормальный. С непомерно большой головой, низкорослый, широкоплечий, вообще-то неплохо сложен, но вот беда — всего боялся.

— Не, я не хочу драться, нет, — пробормотал Ларри, и мы все посмотрели на Дэна, среднего брата.

Дэн слыл музыкальным гением, он почти победил в конкурсе на государственную стипендию, на которую смог бы продолжить образование, но «почти» не в счет. После того как старший брат отверг вызов Гарри, у среднего выбора не было, и Дэн стал натягивать перчатки.

Эта сука Гарри Гибсон блестяще двигался. Время от времени его перчатки ярко вспыхивали отраженным солнечным светом. Действия Гарри были точными, движения грациозными и не без апломба. Он гарцевал перед Дэном. А Дэн выставил вперед перчатки и ждал. Первый удар, который нанес Гарри, прозвучал, как выстрел дробовика. От такого треска всполошились цыплята за ограждением во дворе. Дэн рухнул на спину и, раскинув руки, как Христос, распластался на траве.

Ларри взглянул на него и, промямлив: «Мне надо домой», — быстро подошел к двери, отворил ее — и был таков.

Мы подошли к Дэну. Гибсон стоял над поверженным и усмехался. Джини присел и слегка приподнял голову брата.

— Дэн? Ты в порядке, Дэн?

Дэн потряс головой и медленно сел.

— Бляха-муха, у этого чувака всегда при себе смертельное оружие. Снимите с меня эти перчатки!

Джини расшнуровывал одну перчатку, я — другую. Потом Дэн поднялся и поплелся к двери, как немощный старикан.

— Пойду лягу, — сказал он и зашел в дом.

Гарри Гибсон подобрал перчатки и посмотрел на младшего брата.

— Может быть, ты попробуешь, Джини?

Джин сплюнул в траву.

— Ты что, блядь, задумал истребить всю нашу семью?

— Да я знаю, что ты классный боксер, Джини. К тому же, я буду в полсилы.

Джини кивнул в знак согласия, и я зашнуровал на нем перчатки. У меня это здорово получилось.

Они сошлись. Гибсон танцевал вокруг Джини, готовясь к атаке. Он нырнул то вправо, то влево, то насккивал, то отступал и вдруг нанес мощный прямой слева. Удар пришелся Джини точно между глаз. Джини попятился, Гибсон стал преследовать. Он настиг Джини у цыплячьей изгороди, отвлек легким обманным движением слева в лоб и затем припечатал правой в левый висок. Младший брат завалился на проволочную изгородь, соскользнул по ней к забору и, закрываясь перчатками, попятился вдоль забора. Он не отвечал на удары. Во двор вышел Дэн с куском льда, обернутым в тряпку. Он уселся на ступеньки веранды и приложил тряпку ко лбу. Джини продолжал отступать вдоль забора. Гарри загнал его в угол между забором и гаражом. Ударом левой в живот он заставил Джини согнуться, а затем выпрямил мощным апперкотом справа. Мне не нравилась эта бойня. Гибсон бил не в полсилы, как обещал. Я не стерпел.

— Вьеби этому гаду, Джини! Он трус! Бей его!

Гибсон опустил руки, посмотрел на меня, потом подошел.

— Что ты сказал, щенок?

— Я подбадривал своего кореша.

Дэн сошел с веранды и стал снимать с Джини перчатки.

— Я не ослышался? Ты назвал меня трусом?

— Ты сказал, что будешь драться в полсилы, а сам долбил на полную катушку.

— Ты хочешь сказать, что я врун?

— Ты не сдержал слова.

— Эй, идите сюда и наденьте на этого молокососа перчатки!

Братья подошли и стали натягивать на меня перчатки.

— Спокойно, Хэнк, — сказал мне Джини. — Помни, он уже вымотался.

Однажды мы с Джини бились на кулаках с 9 утра до 6 вечера. Джини значительно превосходил меня. Во всем виноваты мои короткие руки. Если

у вас короткие руки, то вы должны или иметь сокрушительный удар, или же виртуозно владеть боксерской техникой. Ни того, ни другого в достаточной степени у меня не было. На следующий день все мое тело пестрело синяками, губы опухли, и не хватало двух передних зубов. Теперь мне предстояло драться с парнем, который запросто уложил Джини, чье превосходство для меня было неоспоримо.

Гибсон заплясал вокруг меня: сначала влево, потом вправо, затем — прямой выпад. Я не заметил его удара слева. Я даже не понял, куда он попал мне, но рухнул навзничь. Удар безболезненный, но сногсшибательный. Я вскочил. Если левая способна на такое, то что ожидать от правой? Я должен был что-то предпринять.

Гарри Гибсон снова заходил на меня слева. Но вместо того, чтобы отступать вправо, на что он рассчитывал, я ринулся навстречу и закрутил мощнейший боковой слева прямо ему в голову. Он выглядел удивленным, во мне затеплилась надежда. Если я зацепил его один раз, зацеплю и второй.

Мы прыгали друг перед другом, он попер на меня и ударил. Но я пригнулся и быстро нырнул в сторону. Его правая просвистела над самой моей макушкой — он промахнулся. Я ринулся вперед, вошел в клинч и провел короткий удар по ребрам. Мы разошлись, и я почувствовал желание стать профи.

— Ты можешь его сделать, Хэнк! — орал Джини.

— Давай, сделай его! — вопил Дэн.

Я сделал стремительный выпад и попытался достать Гибсона правой. Но промахнулся и взамен получил молниеносный удар в челюсть слева. Пока я созерцал зелено-желто-красные круги перед глазами, Гибсон присовокупил прямой правой в живот. Мне показалось, что он пронзил меня до самого позвоночника. Я обхватил Гибсона и блокировал. Но я не испугался, просто мне нужно было отдышаться.

— Я убью тебя, козел! — прорычал я.

Потом мы расцепились и стали молотить друг друга с ближней дистанции. Его удары были быстрее, точнее и жестче. Но я тоже несколько раз крепко зацепил его, и это снова впрыснуло в меня порцию уверенности. Чем больше он бил меня, тем меньше я чувствовал его удары. У меня открылось второе дыхание, мне нравилось такое грубое действие. Но в этот момент Джини и Дэн вклинились между нами и растащили нас.

— В чем дело? — орал я. — Не вмешивайтесь! Сейчас я порву ему очко!

— Кончай, Генри, — оборвал меня Джини. — Посмотри на себя.

Я посмотрел. Вся рубашка была в кровавых и гнойных пятнах. Видно, несколько фурункулов лопнули под ударами Гибсона. В драке с Джини такого не было.

— Ерунда, — отмахнулся. — Это случайно. Мне не больно. Отойдите, сейчас я свалю его!

— Нет, Хэнк, у тебя может быть заражение, — упрямылся Джини.

— Ну, хорошо, черт бы вас побрал! — сдался я. — Снимайте перчатки.

Джини принялся ослаблять шнуровку. Когда он стянул с меня перчатки, я заметил, что руки у меня дрожат, особенно кисти. Я запустил их в карманы. Дэн отдал перчатки Гарри.

Гибсон посмотрел на меня и сказал:

— А ты классный парень, салага.

— Спасибо. Ладно, пока, ребята, — ответил я и пошел со двора.

Скрывшись из виду, я достал сигарету, спички и хотел прикурить, но руки просто ходили ходуном, и у меня ничего не получалось. Тогда я потряс ими, чтобы полностью расслабить, сделал несколько махов, прикурил и пошел дальше.

Вернувшись домой, я посмотрелся в зеркало. Убойное зрелище. Я чувствовал, что значительно продвинулся в нужном направлении.

Скинув с себя рубашку, я забросил ее под кровать. Мне нужно было найти способ отстирать с нее кровь. Рубашек у меня было немного, и исчезновение одной родители обнаружили бы моментально. Но я не сильно беспокоился на этот счет, ведь в кои веки день прошел для меня удачно.

Эйб Мартинсон настолько ничего не представлял собой, что только и годился, что для моего окружения. Но все же он был искренен в своем идиотизме. Можно простить идиота за то, что он честно ведет себя как идиот и никого не пытается одурачить. Хуже обстоит дело с идиотами-мошенниками. У Джимми Хэтчера были прямые черные волосы, чистая кожа, он не был так силен, как я, но старательно выпячивал грудь, одевался лучше, чем многие из нас, и умел со всеми ладить. Любил он это дело — со всеми ладить. Мать его работала прислугой в баре, а отец покончил с собой. Еще Джимми обладал красивой улыбкой, зубы у него были совершенные, и девчонки любили его даже несмотря на то, что он был беден. Я всегда видел его за разговором с какой-нибудь девчонкой. О чем он с ними беседовал? Я вообще не понимал, о чем может парень разговаривать с девчонкой. Женский пол был недостижим для меня, и я делал вид, что его вовсе не существует.

Но с Хэтчером у меня складывалась другая ситуация. Гомиком он не был, я знал это, но все же продолжал липнуть ко мне.

— Слышь, Джим, чего ты таскаешься за мной? Мне не нравятся такие, как ты.

— Ах, завязывай, Хэнк, мы же друзья.

— Да?

— Да.

Он даже додумался до того, что однажды на уроке английского языка встал перед всем классом и прочитал свое сочинение под названием: «Достоинства дружбы». И пока он читал свою писанину, постоянно поглядывал на меня. Сочинение было глупое, бесформенное и пестрело штампами, но класс аплодировал, когда он закончил декламацию. А я сидел и думал: «Вот, значит, как думают люди. Что же я могу ответить на это?» И я написал контрсочинение под названием: «Достоинства недружелюбия». Но учительница не дала мне прочитать его перед классом. Она поставила мне «D».

Джимми, Плешивый и я каждый день вместе возвращались из школы. (Эйбу Мартенсону было с нами не по пути, что и спасало нас от его компании). Однажды, как обычно, мы втроем шли домой, и вдруг Джимми предложил:

— Эй, давайте зайдем к моей подружке. Я хочу вас познакомить.

— Раз хочешь, вот и ебись сам, — сказал я.

— Нет, нет, — запротестовал Джимми, — она классная девчонка. Просто познакомлю вас и все. Я ее еб только пальцем.

Я видел его девчонку — Анну Уизертон — она действительно была красивая — длинные каштановые волосы, большие карие глаза, спокойная и с отличной фигурой. Я никогда с ней не разговаривал, но знал, что она ходит с Джимми. Богатые парни пытались отбить ее у Джимми, но она отшивала их. Первокласная девица.

— У меня есть ключи от ее дома, — уговаривал Джимми. — Мы зайдем и подождем ее. Они позже заканчивают учебу.

— Скучная перспектива, — упирался я.

— Да кончай ты, Хэнк, — вмешался Плешивый. — Что, торопишься домой, чтобы быстрее подрочить?

— В этом тоже есть своя прелесть, — ответил я.

Джимми открыл парадную дверь, и мы вошли в дом — чистое и уютное местечко. Навстречу нам выскочил маленький черно-белый бульдог и, виляя своим хвостом-обрубком, подбежал к Джимми.

— Это Бонис, — представил нам пса Джимми. — Бонис любит меня. Смотрите!

Джимми сплюнул себе на ладонь правой руки, схватил Бониса за пенис и начал подергивать его.

— Эй, ты что делаешь? — завопил Плешивый.

— Они держат его во дворе на привязи. Он никогда не пробовал сучку. Ему нужна разрядка! — объяснил Джимми, наращивая темп.

Член Бониса, отвратительно красный и тонкий, сочился мерзкой слизью. Пес начал поскуливать. Джимми, не отрываясь от дела, поглядел на нас.

— А вы знаете нашу любимую песню? Ну, нашу с Анной? Она называется «Когда багровый закат ложится на засыпающий сад».

Наконец Бонис кончил. Сперма выстрелила на ковер. Джимми встал и подошвой своего башмака размазал ее по ворсу ковра.

— На днях я выебу Анну. Это точно. Она сказала, что любит меня. Я тоже ее люблю, особенно между ножек.

— Ты животное, — сказал я. — Меня тошнит от тебя.

— Эй, Хэнк, я же знаю, что ты так не думаешь, — улыбнулся Джимми и пошел на кухню.

— У нее хорошая семья — отец, мать и брат. Брат знает, что я собираюсь дернуть Анну. Но он не может мне помешать, потому что я размажу его в говно. Он слабак. Эй, смотрите-ка сюда!

Джимми открыл холодильник и достал бутылку молока. У нас дома, по старинке, стоял ящик с искусственным льдом. Очевидно, Уизертоны были зажиточной семейкой. Джимми вывалил из ширинки член, содрал с бутылки картонную крышку, вложил головку в горлышко и поднатужился.

— Несколько капель, для вкуса. Пусть полакомятся моими ссаками, — прокомментировал он свои действия, спрятал член в штаны, закрыл бутылку, встряхнул ее хорошенько и поставил в холодильник.

— Так, — продолжал он рыться в холодильнике, — что это — желе? Значит, сегодня вечером у них на десерт будет желе. Ну, что ж, вместе с желе они отведают...

С этими словами Джимми вытянул из холодильника вазочку, и тут мы услышали звук вставляемого в замок ключа. Щелк — и дверь отворилась. Джимми мигом убрал желе в холодильник и закрыл его.

Анна вошла в дом... На кухню.

— Анна, — разулыбался Джимми, — я хочу познакомить тебя с моими лучшими друзьями, Хэнком и Плешивым.

— Привет!

— Привет!

— Привет!

— Это — Плешивый. А это — Хэнк.

— Привет.

— Привет.

— Привет.

— А я видела вас, ребята, на школьном дворе.

— Да, — сказал я, — мы там постоянно околачиваемся. И тебя мы тоже видели.

— Ага, — подтвердил Плешивый.

Джимми внимательно посмотрел на Анну и спросил:

— У тебя все нормально, детка?

— Да, Джимми, я думала о тебе.

Анна подошла к Джимми, они обнялись и стали целоваться. Они стояли прямо перед нами и целовались. Джимми глянул на нас и подмигнул правым глазом.

— Ну, тогда мы пошли, — сказал я.

— Нам пора, — добавил Плешивый.

Мы вышли на улицу и двинулись к дому Плешивого.

— Похоже, он ее действительно дернет, — сказал Плешивый.

— Похоже, — согласился я.

Однажды, в воскресенье, Джимми уговорил меня пойти с ним на пляж. Ему приспичило искупаться. Я не хотел светиться в плавках из-за фурункулов и шрамов на спине. А вообще у меня было хорошее тело. Но никто не мог оценить этого. Никто не видел моей хорошо развитой грудной клетки и великолепных ног.

В то воскресенье мне нечем было заняться — деньги кончились, в футбол на улице не играли, и я решил, что пляж принадлежит всем. Я тоже имел право посещать его, а мои фурункулы и шрамы не были противозаконны.

Мы сели на велосипеды и двинулись в путь. Нам предстояло преодолеть пятнадцать миль. Меня это не смущало. У меня были крепкие ноги.

До Калвер Сити я мчался рядом с Джимми, затем мало-помалу я стал прибавлять. Джимми засопел, пытаясь не отставать. Видно было, что он задыхается. Я достал сигарету, прикурил и протянул пачку Джимми.

— Хочешь?

— Нет... Спасибо...

— Послушай, это круче, чем стрелять в птиц из рогатки, — веселился я. — Надо бы нам почаще выезжать куда-нибудь!

Я снова поднажал, и у меня еще оставался приличный резерв силенок.

— Действительно, здорово, — продолжал я. — Слушай, даже лучше суходрочки!

— Эй, помедленнее!

Я оглянулся.

— Нет ничего лучше, чем покататься на велике с другом. Вперед, друг! — прокричал я и нажал на педали со всей мощью.

Я несея вперед, и ветер обдувал мне лицо. Приятное ощущение.

— Эй, подожди! ПОДОЖДИ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ! — орал позади Джимми.

Я рассмеялся и заработал с бешеной скоростью. Очень скоро Джим отстал на полквартала, затем на квартал, два, три. Никто не знал, насколько я был хорош, никто не догадывался о моих возможностях. Я был неведомым чудом. Солнце заливало все вокруг желтым светом, и я прорывался сквозь эту желтизну, как остроотточенный нож на колесах. Мой отец был нищим, но все женщины мира любили меня...

На полной скорости я объехал ряд автомобилей, выстроившихся перед светофором. Теперь даже машины были позади меня. Но недолго. Парень и девушка в зеленом купе нагнали меня и поехали рядом.

— Эй, пацан!

— Чего? — повернулся я на окрик парня.

Он был крепкий, лет двадцати, волосатые руки в татуировках.

— Где, по-твоему, ты едешь? — спросил волосатый. Он выпендривался перед своей девчонкой. Она была милашка, ее длинные светлые волосы развевались на ветру

— Отъебись, приятель! — сказал я.

— Что?

— Я сказал, отъебись! — повторил я и выставил средний палец. Он продолжал ехать рядом.

— Ты собираешься надрать ему задницу. Ник? — услышал я голос девчонки.

Он все ехал рядом.

— Эй, малявка, — сказал парень, — я не расслышал, что ты сказал. Не повторишь?

— Да, повтори-ка, — попросила милашка, ее длинные светлые волосы все развевались на ветру.

Это разозлило меня. Она вывела меня из себя. Я повернулся и, глядя на него, сказал:

— Вы хотите неприятностей? Остановитесь. Я устрою.

Он рванул вперед меня, остановился и открыл дверцу. Как только он вышел из машины, я свернул на боковую улицу, проскочив перед самым носом у «шеви». Водитель «шеви» бешено засигналил. Напоследок я расслышал, как рассмеялся волосатый парень.

Дождавшись, пока зеленое купе уедет, я вернулся на бульвар Вашингтона, проехал еще несколько кварталов, остановился и уселся поджидать Джимми на автобусной остановке. Джим был еще далеко. Когда он, наконец, подъехал, я притворился спящим.

— Хватит, Хэнк! Мне надоело это говно!

— О, привет, Джим. Ты уже здесь?

Я старался выбрать на пляже место побезлюдней и всячески подвигал к этому Джима. В рубашке я чувствовал себя нормально при любом скоплении народа, но стоило мне ее скинуть, как я начинал комплектовать. Я ненавидел других купальщиков за их неущербные тела. Я презирал это стадо загорающих, купающихся, жрущих, спящих, разговаривающих и играющих в мяч. Меня раздражали их бронзово-гладкие спины, чистые

лица, развевающиеся на ветру волосы, блестящие глаза, пупки, плавки и купальники.

Я растянулся на песке, думая о том, с каким удовольствием врезал бы Джимми по его толстой жопе. Что он понимает в этой жизни?

Джим лег рядом со мной.

— Ты чего завалился? Пошли купаться.

— Попозже.

Прибрежные воды кишели людьми. Что такого притягательного в пляжах? Почему людям нравится толочься на них? Неужели нет более интересного занятия? Все же какие они безмозглые твари.

— Прикинь, — придвинулся ко мне Джим, — бабы заходят в воду и первым делом ссут.

— Ага, а ты первым делом глотаешь, — бросил я, и продолжил свои размышления.

Похоже, мне так и не удастся ужиться с людьми. Наверное, придется податься в монахи. Я буду вынужден изображать веру в Бога и жить в келье, играть на органе и воздерживаться от вина. Ни одна женщина не испробует мой член. Меня будут отсылать в дальний скит на месячную медитацию, где я не смогу никого видеть и куда никто не сможет переслать мне вина. Правда, существовала одна серьезная проблема, которая ставила под сомнение осуществление пострига, — черные монашеские одеяния шили из шерстяной материи. Эта одежонка хуже, чем моя военная форма, я просто не смогу носить ее. Похоже, мне придется подумать над другим вариантом.

— Ого, — заволновался Джим.

— Что там? — поднял я голову.

— Вон, девчонки поглядывают на нас.

— Ну, и что?

— Пока ничего, просто разговаривают и смеются. Но, возможно, они собираются подвалить к нам.

— Точно?

— Да. Если они начнут приближаться, я предупрежу тебя, а ты повернись на спину.

На груди у меня было всего несколько прыщей и шрамов.

— Не забудь, — суетился Джим, — когда подам знак, перевернись на спину.

— Я уже слышал это, — сказал я и снова опустил голову на руки. Я знал, что сейчас Джим смотрит на этих девчонок и улыбается. Умел он подсекать баб.

— Мокрощелки, — выругался Джим, — да они, кажется, еще совсем бестолковые.

Зачем я пришел сюда? — думал я дальше. — Почему всегда приходится выбирать между плохим и ужасным?

— О, о, Хэнк, они идут!

Я посмотрел. Их было пятеро, и они приближались. Я перекатился на спину. Они подошли, хихикая, и остановились. Одна из них громко высказалась:

— Эй, а ребята ничего — симпатичные.

— Девчонки, вы здесь неподалеку живете? — спросил Джим.

— Ага, — раздалось в ответ, — мы гнездимся вместе с чайками!

Все захохотали.

— Ну, а мы орлы, — нашелся Джим. — Правда, я не знаю, что делать двум орлам с пятью чайками.

— Интересно, а как это происходит у птиц? — поинтересовалась цыпочка в желтом купальнике.

— Черт его знает, — притворно задумался Джим. — Может, нам следует поэкспериментировать?

— Для начала, может, присоединитесь к нашему гнездилищу? — предложила в красном купальнике.

— Конечно, — согласился Джим.

Вели беседу только три девушки. Две же просто стояли, поправляя свои купальники.

— Без меня, — отказался я.

— Что случилось с твоим приятелем? — спросила Джимми девица, которая теребила купальник на своей точеной попке.

— Он стесняется, — ответил Джим.

— А что это он? — переспросила девица, поигрывающая лялочкой лифа.

— Ну, просто застенчивый, — отбрехался Джим, встал и ушел с прекрасной пятеркой.

Я закрыл глаза и стал слушать волны. Тысячи видов рыб поедали друг друга в толщах океана. Бесконечное множество прожорливых ртов и испражняющихся анусов толклось на суше. Весь земной шар был населен ртами и жопами — жующая, срущая и ебущаяся Планета.

Я перевернулся и увидел Джимми в окружении девиц. Он стоял, выпятив грудь и выставив напоказ яйца. У него не было такой рельефной груди и таких мощных ног, как у меня. Он был тонкий, изящный, с черными волосами, маленьким своенравным ртом и великолепными

зубами, аккуратными ушами и длинной шеей. По сравнению с ним у меня не было шеи вовсе, казалось, моя голова сидит прямо на плечах. Я был сильный и кряжистый, но женщинам нравились денди. И все же, если бы не мои прыщи и рубцы, я все равно был бы сейчас рядом с ними и продемонстрировал свои достоинства. Мои гигантские яйца, словно вспышки молний, озарили бы и взбудоражили их примитивные рассудки. Я — сын нищих, с содержанием в 50 центов в неделю — поразил бы их в самую сердцевину.

Девицы соскочили с покрывала и бросились в воду вслед за Джимми. Я слышал их смех и крики — крики безумцев... Что? Нет, конечно, они были прекрасными, ведь они еще не стали взрослыми, не превратились в родителей. Они смеялись от души и искренне радовались. Они не боялись повседневных забот. В их жизни еще не присутствовал здравый смысл, в их действиях не проглядывал порядок вещей. Вот Д. Г. Лоуренс понимал это. Всем нужна любовь, но не такая, которую практикуют большинство людей и которая ничего не дает. Старик Д. Г. кое-что кумекал в этом. Его приятель Хаксли был просто интеллектуальный невротик, но какой чудесный невротик. Гораздо лучше Бернарда Шоу с его тяжеловесным умищем, который, как громоздкий киль, бороздил по дну жизни, кропотливо разрешая все новые и новые задачи, и постепенно превращающимся в непомерное бремя, мешающее живому ощущению действительности. Его блестящая речь по большому счету — беспросветная тоска, терзающая сознание и сердце. Но все же стоило почитать их обоих. Приходило понимание, что мысли и слова могут быть обворожительны, хотя, в конечном итоге, они и бесполезны.

Джим резвился в океане, брызгая на девиц. Он был их Нептуном, и они любили его — видного и многообещающего. Да, он был великолепен. Он знал секрет успеха. Я проглотил много книг, но Джим пролистал ту, о которой я и понятия не имел. Это был гениальный артист в узких плавках, подчеркивающих размеры его гениталий, с шаловливым взглядом и кругленькими ушами. Я не мог противостоять ему, так же, как и тому громиле, что прогуливался в зеленом купе со своей милашкой, чьи волосы так восхитительно развевались на ветру. Оба они имели то, чего заслуживали. А я был всего лишь пятидесятицентовым засранцем, блуждающим в полном неведении по цветущему океану жизни.

Я наблюдал, как они выходили из воды, лоснящиеся, гладкокожие, юные и желанные. Я жаждал их внимания, но только не из жалости. И еще, несмотря на их свежие безупречные тела и резвый ум, я осознавал свое преимущество перед ними, ведь они по существу еще не нюхали пороха. И

когда напасти и бедствия все же просочатся в их жизни, то, наверняка, для них это будет слишком неожиданно и чересчур тяжело. Я же был готов. Частично.

Я наблюдал, как Джим вытирался, одолжив полотенце у одной из своих русалок. Ко мне подошел малыш, мальчишка лет четырех, он захватил в свой крошечный кулачок песку и швырнул его прямо мне в лицо. Я не пошевелился. Забияка стоял, грозно хмурясь, и его испачканный в песке ротик победоносно скривился — маленький избалованный нахал. Я поманил его пальцем, чтобы он подошел поближе. Ну, давай же, давай! Засранец не двигался.

— Эй, парнишка, иди сюда. У меня есть целая коробка конфет из крысиных какашек специально для тебя.

Злыдень поморщился, повернулся и побежал. Я смотрел на его маленькую несуразную жопку. Две грушевидные ягодицы усердно толкались, словно хотели оторваться друг от друга. Рядом объявился другой враг — Джим — великий бабник. Он стоял надо мной и тоже хмурился.

— Ушли, — сообщил он.

Я посмотрел на то место, где они сидели, девиц действительно не было.

— Куда они дают? — спросил я.

— Кто ебать дает? Я взял телефончики у двух самых лучших.

— Лучших в чем?

— В ебли, дровича!

Я встал.

— За дровичу я тебя сейчас урою, сука!

Его лицо было особенно красиво на морском ветру. Я живо представил себе, как он рухнет на песок и будет корчиться от боли. Джим отпрянул.

— Спокойно, Хэнк. Ты можешь взять телефон в любое время.

— Оставь себе. У меня не такие крутые яйца, как у тебя!

— Ну, хорошо, хорошо. Мы же друзья, правда?

Мы двинулись по пляжу за своими велосипедами, которые спрятали за чьим-то домом на берегу. Мы шли по раскаленному песку, и каждый знал, чей сегодня был день. Кулаки ничего не могли изменить в этой ситуации. Конечно, с их помощью можно было добиться некоторого облегчения, но не больше. На обратном пути я уже не пытался обставить Джимми на своем велосипеде. Мне нужно было нечто радикальное, например, зеленый купе с блондинкой, чьи волосы развевались бы на ветру.

РТОК был отстойником неудачников. Как я уже говорил, этот класс был альтернативой физкультурной группе. Я мог бы пойти в физкласс, но мне не хотелось, чтобы все таращились на мои гнойники и шрамы. Личный состав РТОК состоял из чудил, не любивших спорт, и из тех бедолаг, которых запихали сюда родители. Они считали это проявлением патриотизма. Среди богатых родителей было больше патриотов, наверное, потому что они и теряли больше в случае порабощения страны. Бедных родителей-патриотов было гораздо меньше, и зачастую они проявляли его только потому, что этого от них требовали, косвенно, но требовали. Или же таким хитроумным маневром они могли приподняться в глазах общественности. Подсознательно, бедняки (особенно чернокожие) понимали, что им ничего не грозит, если страну поработят русские, немцы, китайцы или японцы. Возможно, что ситуация даже улучшится. Но так как большинство родителей челсовских учеников были при бабках, у нас в школе числился один из самых больших РТОКов в городе.

Итак, мы маршировали под палящим солнцем, учились сооружать походные туалеты, бороться со змеиными укусами, ухаживать за ранеными, накладывать жгут, колоть штыком врага. Мы изучали ручные гранаты, тайное проникновение на территорию противника, дислокацию войск, отступление, наступление, интеллектуальные и физические дисциплины. Мы ездили на стрельбище, и самые меткие получали медали. Наш корпус участвовал в военных маневрах. Мы высаживались в лесах и разыгрывали учебную военную кампанию. Мы ползали по-пластунски, путаясь в своих винтовках. Мы были очень серьезны, даже я поддался. Было в этом что-то волнующее, что заставляло кровь бегать быстрее. Мы все понимали, по крайней мере, большинство из нас, что это чушь и профанация, но что-то перемыкало у нас в мозгах, и мы рвались в бой. Командовал нами отставной армейский офицер — полковник Сассекс — дряхлый и слюнявый старик. Тонкими струйками слюни вытекали из краешков рта и сливались в большие капли под подбородком. Полковник никогда ничего не говорил. Он просто стоял в своем мундире, увешанном орденами и медалями. За это школа платила ему зарплату. Во время наших учебных маневров он приносил с собой блокнот для подсчета очков, взбирался на самое высокое место и, наблюдая за ходом сражения, делал в блокноте пометки. Но полковник никогда не говорил нам, кто победил. Каждая

сторона считала себя победившей. Скверная ситуация.

Лейтенант Герман Бичкрофт был лучше. Его отец владея пекарней и рестораном при гостинице. Но, как бы там ни было, лейтенант выделялся. Он всегда перед маневрами напутствовал нас горячей речью.

— Помните, вы должны ненавидеть противника! Они хотят изнасиловать ваших матерей и сестер! Вы хотите, чтобы эти выродки надругались над вашими матерями и сестрами?

У лейтенанта почти не было подбородка. В остальном его лицо ничем не отличалось от обыкновенного, но вот там, где под нижней челюстью должен быть подбородок, у него виднелась лишь маленькая шишечка. Мы не знали, было ли это физическое уродство или еще что. Но его огромные голубые глаза притягивали своей яростью — символы войны и предвестники победы.

— Уатлингер!

— Да, сэр!

— Ты допустишь, чтобы враги изнасиловали твою мать?

— Моя мать умерла, сэр.

— Ох, извини... Дрэйк!

— Да, сэр!

— Ты хочешь, чтобы враг изнасиловал твою мать?

— Нет, сэр!

— Молодец. Помните, это — война! Мы признаем милосердие, но для врагов у нас нет пощады! Мы должны ненавидеть противника. Убейте их! Только мертвый враг не опасен. Поражение недопустимо! Историю пишет победа! А ТЕПЕРЬ ИДИТЕ И УНИЧТОЖЬТЕ ЭТИХ ТВАРЕЙ!

Мы развернулись во фронт, выслали вперед разведдозоры и стали продираться сквозь заросли кустарника. Полковник Сассекс с блокнотом в руках наблюдал за нами с высокого холма. Это была война Синих против Зеленых. У каждого из нас на правой руке была цветная повязка. Я принадлежал к армии Синих. Продираться сквозь кустарник было чистейшим адом. Жара. Назойливая мошкара, пыль, под ногами трава и камни. Вскоре я заблудился. Наш командир отделения Козак куда-то исчез. Связи никакой не было. Похоже, они выебали нас. На очереди были наши матери. Я продолжал двигаться вперед, набивая синяки и расцарапываясь в кровь, потерянный и напуганный, но в большей степени чувствующий всю нелепость происходящего. Все эти земли и чистое небо, холмы, ручьи, акры за акрами, кому все это принадлежало? Возможно, богатому отцу одного из наших парней. Мы ничего не собирались ни отвоевывать, ни завоевывать. Это место было арендовано школой. НЕ КУРИТЬ! Я

продирался вперед. У нас не было авиации, танков — ничего. Мы были всего-навсего кучкой стрелков, брошенных на говняные учебные маневры без жратвы, без женщин, беспричинно. Я сел под дерево, прислонился к стволу спиной, бросил винтовку и стал ждать. Все потерялись, и это ничего не значило, ничего не меняло. Я сорвал свою повязку с рукава и теперь уже стал дожидаться Красного Креста. Возможно, настоящая война и была адом, но игрушечная — скукой.

Затрещали кусты, из них выпрыгнул воин и уставился на меня. На руке у него была зеленая повязка — насильник. Он наставил на меня винтовку. Но у меня не было повязки, она валялась в траве. Похоже, он хотел взять пленного. Я знал его. Это был Гарри Мишонс. У его отца была лесозаготовительная компания. Я не сдвинулся с места.

— Синий или Зеленый? — заорал он на меня.

— Я Мата Хари.

— Шпион! Я поймал шпиона!

— Эй, Гарри, кончай мозги ебать. Это детская игра. Не доставай меня своей вонючей мелодрамой.

И тут кусты снова затрещали — это был лейтенант Бичкрофт. Мишонс и Бичкрофт оказались лицом к лицу.

— Я беру тебя в плен! — крикнул Бичкрофт Гарри.

— Я беру тебя в плен! — прокричал Гарри Бичкрофту.

Сразу было видно, что оба взвинчены и озлоблены.

Бичкрофт выхватил кинжал.

— Сдавайся, или я выпущу тебе кишки!

Мишонс взялся за цевье своей винтовки.

— Давай подходи, я размозжу тебе башку!

Но тут затрещали кусты повсюду, и армии Синих и Зеленых с дикими воплями кинулись друг на друга. Сидя под деревом, я наблюдал, как они сшиблись и перемешались. Вспыхнула драка, поднялась пыль, повсюду раздавались страшные удары прикладов по челюстям.

— На, сука!

— Ой, бля!

Некоторые бойцы уже лежали. Повсюду валялись потерянные винтовки. Разум — стоп, в ход пошли кулаки. Двое парней с зелеными повязками вцепились друг в друга мертвой хваткой. Но тут появился полковник Сассекс и дунул в свой свисток с такой неистовой силой, что из него вырвался фонтан слюны. Затем он взмахнул своей щегольской тростью и ринулся в самую гущу свары, раздавая удары направо и налево. Он был хорош, а его тросточка смахивала частью на хлыст, частью на

лезвие.

— Ох, черт! Я вне игры!

— Хватит!

— Мама!

Враждующие стороны разъединились и выстроились напротив друг друга. Полковник подобрал свой блокнот. На его кителе не появилось ни одной складки, все медали были на месте, фуражка сидела точно по уставу. Бравый ветеран слегка подбросил свою элегантную трость, перехватил ее другой рукой и пошел к месту сбора. Мы последовали за ним.

Нас снова посадили в старые армейские грузовики с ветхими брезентовыми тентами. Двигатели взревели, и машины тронулись. Когда мы только ехали на войну, Синие сидели в одном грузовике, Зеленые — в другом. Теперь все перемешались, и Синие и Зеленые расположились на двух длинных деревянных скамейках друг против друга. Мы рассматривали свои сбитые и пыльные ботинки, раскачиваясь в такт пробирающегося по старой дороге грузовика. Измученные, мы были и побежденными, и победителями. Война закончилась.

В то время, когда я гнил в РТОК, другие ребята продолжали заниматься спортом. Они создавали команды, участвовали в турнирах, получали наградные значки и кадрили девчонок. Мои дни по большей части проходили в строевой подготовке под палящим солнцем. Все, что я видел, это затылок и уши впередистоящего. Я быстро начал разочаровываться в военном деле. Мои же братья по оружию рьяно начищали свои ботинки и с большим воодушевлением участвовали в учениях. Я не видел в этом никакого смысла. Просто из нас готовили свежее пушечное мясо. Но, с другой стороны, я также не мог представить себя в футбольном шлеме, наплечных щитках, бело-голубой майке с номером 69, пытающегося блокировать сразу нескольких бугаев из другой команды — вонючих животных, пропахших табаком — только для того, чтобы сынок окружного прокурора мог спокойно обойти левого защитника. Вся проблема была в том, что приходилось выбирать между одним злом и другим. Результаты выбора не имели никакого значения, все равно вас брали за жабры и ебали по полной программе, к двадцати пяти годам большинство людей уже становились полными крестинами. Целая нация болванов, помешавшихся на своих автомобилях, жратве и потомстве. И самое гнусное — на президентских выборах они голосовали за кандидата, который больше всех походил на серое большинство.

Меня брала тоска. Ни в чем не находил я интереса и, что самое гнусное, не искал способа, чтобы выбраться из этого тупика. Другие, по крайней мере, имели вкус к жизни, казалось, что они понимают нечто такое, что мне недоступно. Возможно, я был недоразвит. Вполне вероятно. Я частенько ощущал свою неполноценность. Мне хотелось просто отстраниться от всего. Но не было такого места, где я мог скрыться. Суицид? Ничем не лучше, чем любая другая работа. Я предпочел бы уснуть лет этак на пять, но разве мне бы позволили.

Итак, я был учеником средней школы Челси, состоял в РТОК, давил свои прыщи. Это обстоятельство всегда напоминало мне, каким я был недоноском.

Это был великий день. Проходил заключительный тур соревнований по мастерству владения оружием. От каждого отряда участвовало по одному человеку — победители в своих подразделениях. Каким-то образом я оказался в длинном строе финалистов. Не знаю, как так случилось, что я

победил. Собственно, я никогда не рвал жопу и не выделялся успехами.

Была суббота. Трибуны заполнили отцы и матери соревнующихся. Прозвучала сигнальная труба. Судья дал отмашку шашкой. Последовали команды. Оружие на правое плечо! Оружие на левое плечо! Винтовки замелькали, перескакивая с плеча на плечо, приклады то опускались на землю, то снова взмывали, чтобы опуститься на плечи. Трибуны пестрели девицами в голубых, зеленых, желтых, оранжевых, розовых и белых платьях. Было жарко, скучно, а действие смахивало на безумие.

— Чинаски, вы будете отстаивать честь нашего эскадрона!

— Есть, капрал Монти!

А девочки все сидели на трибунах в ожидании своего любимого, победителя и законного распорядителя. Грустно было об этом думать. Стайку голубей вспугнул поднятый ветром обрывок бумаги, и они поднялись, шумно захлопав крыльями. Я жаждал опиться пивом. Мне хотелось быть где угодно, но только не здесь.

Как только участник делал ошибку, он покидал строй. Вскоре осталось шесть, пять и вот уже трое. Я был среди них. Мне не нужна была победа, я знал, что скоро вылечу. Я хотел побыстрее выйти из игры, мне все это надоело, я устал, да еще эти мерзкие прыщи. Насрать мне было на все их награды. Но я не мог ошибиться специально. Капрал Монти очень обиделся бы.

И вот нас осталось только двое. Я и Эндрю Пост. Этот Пост слыл всеобщим любимчиком. Его отец был знаменитый адвокат по уголовным делам. Он находился сейчас на трибунах вместе со своей женой. Пост обливался потом, но действовал точно и решительно. Мы оба знали, что победит он. Я чувствовал энергию поединка, и вся она была на его стороне.

Все правильно, думал я, ему это нужно, это нужно его семье. Только в этом случае вся эта суеда имеет смысл.

Мы продолжали отрабатывать разнообразные приемы из курса владения оружием. Краем глаза я видел штангу ворот и думал о том, что если бы я хорошо постарался, то смог бы стать великим футболистом.

— Готовсь! — прогорланил командир, и я передернул затвор.

Прозвучал только один щелчок. Слева щелчка не последовало. Эндрю Пост словно окаменел. Приглушенный стон раздался со стороны трибун.

— К ружью! — последовала последняя команда, и я завершил упражнение.

Пост сделал то же самое, но затвор его винтовки был открыт.

Церемония награждения победителя проходила несколькими днями позже. К счастью для меня, в этот день полковник Сассекс вручал награды

и за другие соревнования. Я стоял в общем ряду победителей и ждал своей очереди. Прыщи донимали меня пуще прежнего, и, как назло, когда я надевал свою форму из коричневой шерстяной ткани, солнце палило особенно нещадно. Каждый волосок этой блядской рубашки давал о себе знать нестерпимым зудом. Я не был образцовым солдатом, и все знали это. Я победил совершенно случайно, потому что ничуть не переживал по этому поводу. Мне было очень неудобно перед полковником, я знал, что он обо мне думает, и наверняка он знал, что я о нем думаю: эта его исключительная преданность своему делу и безграничное мужество вовсе не казались мне чем-то необыкновенным.

Наконец Сассекс добрался до меня. Я стоял по стойке «смирно», но умудрился мельком оглядеть его. Слюна подсохла. Возможно, когда полковник хорошенько опорожнял свой мочевого пузырь, она не выделялась так интенсивно. Сассекс приколот мне медаль, затем пожал руку.

— Поздравляю, — сказал полковник и вдруг улыбнулся. Да, усмехнулся и пошел дальше.

Ах ты, старый хрыч! Я даже зауважал его...

Я шел домой, медаль лежала у меня в кармане. Я размышлял. А собственно, кто он, этот полковник Сассекс? Один из нас, простой человек, которому тоже хотелось есть, спать и срать. Всем приходится как-то приспособливаться, искать определенную форму, чтобы существовать. Будь то обличье доктора, адвоката или солдата — большой роли не играет, что именно это будет. Просто, выбрав определенную форму, приходится идти в этом обличье до конца. Сассекс свой выбор сделал. Таковы правила: или вы умудряетесь вписаться в общую схему, или подохнете на улице.

Не доходя до первого проспекта, мне попался маленький запущенный магазинчик. Я остановился перед его витриной. Много разных предметов было выставлено за стеклом, и на каждом висел пыльный ценник: несколько подсвечников, электрический тостер, настольная лампа. Стекло витрины было грязным как внутри, так и снаружи. Сквозь слой пыли и грязи я видел двух игрушечных псов, которые весело улыбались, и миниатюрное пианино. Весь товар выглядел весьма непривлекательно. В магазине не было ни одного посетителя, я не видел никого, кроме продавцов. Много раз я проходил мимо этого места, но никогда не обращал на него внимания.

Чем дольше я всматривался в этот странный мир, тем больше он нравился мне. Ничего не происходило на его территории. Это было место покоя и сна — владения смерти. Я был бы счастлив служить клерком в этом магазинчике, но только до тех пор, пока его дверь не открыл бы первый

посетитель.

Я отвернулся и пошел дальше своей дорогой. Достигнув проспекта, я ступил на проезжую часть — под моими ногами оказалась решетка канализационного люка. Она смахивала на огромный черный рот, ведущий в самое чрево земли. Я достал из кармана медаль и бросил ее в смердящую пасть. Моя награда исчезла в темноте.

Я вернулся на тротуар и напрямик направился домой. Родители были заняты уборкой. Была суббота, и значит мне надлежало подстригать газон и поливать цветы.

Я переоделся в рабочую одежду и вышел во двор. Отец наблюдал за мной из-под своих черных и суровых бровей. Я открыл двери гаража и осторожно выкатил газонокосилку задним ходом. Лопасты машины не вращались, но были отточены и ждали своего часа.

— Тебе нужно брать пример с Эйба Мартенсона, — говорила мне мать. — Он круглый отличник. Ну, почему ты не можешь получить ни одной отличной отметки?

— Генри умер, приклеив свою задницу к стулу, — подпевал отец. — Иногда мне даже не верится, что это мой сын.

— Ты не хочешь быть счастливым, Генри? — приставала мать. — Ты никогда не улыбаешься. Улыбайся, живи радостно!

— Прекрати жалеть себя, — подхватывал отец. — Будь мужчиной!

— Улыбайся, Генри!

— Кем ты собираешься стать? Как будешь добиваться этого? Тебя ничего не увлекает, ты ни к чему не стремишься!

— Почему бы тебе ни сходить к Эйбу? Поговорить с ним, поучиться у него, — твердила мать.

Я постучался в дверь Мартенсонов. Открыла мать Эйба.

— Эйб занят, он занимается.

— Я знаю, миссис Мартенсон, но мне буквально на минутку.

— Ну, хорошо. Его дверь направо по коридору.

Я вошел. Эйб сидел за столом. Перед ним лежала открытая книга, она покоилась на двух других. Я узнал книгу по расцветке обложки — Гражданское право. Ебаный ты в рот. Гражданское право в воскресенье!

Эйб повернулся и посмотрел на меня, затем сплюнул на ладонь, растер и снова уткнулся в книгу.

— Привет, — сказал он, пялясь в страницу.

— Зуб даю, что ты раз по десять читаешь одну и ту же страницу, заморыш.

— Я должен запомнить все наизусть.

— Это же мусор.

— Все равно экзамены-то надо сдавать.

— Слушай, а ты когда-нибудь думал о ебле?

— Чего? — и он снова сплюнул на ладонь.

— Я говорю, ты когда-нибудь заглядывал девчонке под платье? Знаешь, что у них там есть? Хотел попробовать всунуть ей между ног?

— Это не так важно.

— Для них это первостепенно.

— Я должен учиться.

— Ладно, мы собираемся врезать по бейсболу. Несколько парней из школы.

— В воскресенье?

— А что тут удивительного? Люди черт знает чем занимаются по выходным.

— Нет, но в бейсбол?

— Профессионалы играют по воскресеньям.

— Ну, им же платят.

— А тебе платят за то, что ты перечитываешь одну и ту же страницу миллион раз? Давай пошли, глотнешь немного свежего воздуха, может, и башка проветрится.

— Ладно, но только ненадолго.

Он встал, и мы вышли из комнаты. Мы уже подходили к двери, когда его мать остановила нас.

— Эйб, ты куда?

— Я выйду ненадолго.

— Хорошо, но только не задерживайся. Тебе надо заниматься.

— Я знаю...

— Генри, проследи, чтобы он не заигрался.

— Я позабочусь о нем, миссис Мартенсон.

Играли Плешивый, Джимми Хэтчер, еще ребята из нашей школы и несколько соседских парней. С каждой стороны было только по семь игроков, и в обороне у обеих команд оставались дыры. Но мне это нравилось. Я играл в центре и поспеивал контролировать почти все внешнее поле. Я быстро передвигался и хорошо ловил мяч. Мне также нравилось играть и во внутреннем поле и перехватывать короткие мячи, но больше я любил вытягивать мячи-свечки, которые шли выше моей головы, как это делал Джаггер Статц из «Лос-Анджелесских Ангелов». Сам он выбил за игру только 280 очков, а мячи, которые он вытянул у другой команды, принесли ему 500.

Каждое воскресенье дюжина, а может и больше девчонок из нашего квартала собирались посмотреть на игру. Я игнорировал их присутствие. Они дико орали, когда игра обострялась или происходило что-либо интригующее. Мы играли жестким мячом, и поэтому у каждого была перчатка-ловушка, даже у Мартенсона. Кстати, у него она была лучшая — почти новая.

Я выбежал в центр, и игра началась. Эйб стоял у нас на второй базе. Я захватил свой первый мяч в ловушку и заорал на Мартенсона:

— Эй, Эйб, ты все яйца чешешь? Не умирай заранее, а то в рай не

попадешь!

Я слышал, как девчонки рассмеялись.

Первый парень подавал плохо. Я тоже подавал не лучше, но зато я ловчее всех орудовал битой. Я мог махнуть так, что мяч вылетал с поля на улицу. У меня была очень низкая стойка, и когда я стоял с битой на пятачке, то смахивал на взведенную пружину.

Каждое мгновение нашей игры было для меня по-особому волнующим. То время, когда я подстригал газон вместо того, чтобы бить по мячу, те ранние школьные дни закончились. Я расцветал. Во мне было что-то особенное, я знал это и чувствовал себя превосходно.

— Эй, Эйб! — кричал я. — Кончай слюнявить ладони, шевели яйцами!

Следующий удар был сильный, и мяч пошел высоко, очень высоко. Я побежал, следя через плечо за ходом мяча. Я мчался, как спринтер, чувствуя, что смогу совершить чудо еще раз.

Блядь. Мяч угодил в крону высокого дерева на краю площадки, я увидел, как он стал падать сквозь ветви. Я приостановился и стал ждать. Хреново. Мяч отскочил влево. Я рванул влево. Но мяч ударился о другую ветку и пошел вправо. Я кинулся направо. А мяч завяз в листве, но потом соскользнул и плюхнулся прямо мне в перчатку.

Послышались девичьи вопли.

Я послал мяч нашему питчеру, а сам вернулся в центр. У них выбивал следующий парень, но наш питчер прострелил его отличным пушечным выстрелом.

Команды поменялись местами, и мне выпало первым брать биты. Подавал парень, которого я раньше никогда не видел. Он был не из Челси. Я гадал, откуда он взялся. Ну и здоровый же он был: огромная голова, огромный рот, здоровенные уши и слоновье туловище. Волосы застили ему глаза, в общем выглядел он полным идиотом. Сквозь каштановые лохмы на меня уставились зеленые зенки, похоже, он ненавидел меня. К тому же он был левшой, и левая рука у него казалась длиннее правой. Никогда раньше мне не доводилось встречаться в игре с левшой. Нужно было приспособливаться: а вдруг они все такие. И я представил себе, что достаточно перевернуть левшу вверх ногами, и он становился, как все.

Они называли его «Котенок» Флосс. Ничего себе котенок. Под 190 фунтов.

— Давай, Палач, покажи ему! — крикнула одна девчонка.

Девки прозвали меня «Палач», потому что я делал хорошую игру и не обращал на них никакого внимания.

Котенок таращился на меня всей своей зеленью, что сверкала у него между большими ушами. Я сплюнул себе под ноги, растер плевков и поднял битку.

Котенок кивнул, давая понять кэтчеру, что получил его знак. Но это была игра на публику. Затем он окинул взглядом внутренне поле. Спектакль продолжался. Бенефис для девочек. Мысли о пизде не давали ему покоя.

Вот он сделал обманный замах, но я видел, что мяч у него в левой руке. Мои глаза никогда не отрывались от мяча. Я заучил это правило: сконцентрировать все свое внимание на мяче и не отпускать его до тех пор, пока мяч не достигнет пятачка, а затем прикончить его битой.

Сквозь яркий солнечный свет я видел, как мяч вырвался из его пальцев. Смертоносное жужжащее пятно стремительно надвигалось, но оно не представляло опасности. Мяч прошел ниже моих колен — далеко от проходной зоны. Кэтчер вынужден был почти распластаться, чтобы поймать его.

— Первый мяч, — пробормотал наш судья.

Этот старый пердун жил в нашем квартале и работал ночным сторожем в универмаге. Больше всего он любил беседовать с девчонками.

— У меня есть две дочки точь-в-точь, как вы, девочки. Настоящие милашки. Они тоже наряжаются в такие тесные платья.

Ему нравилось выходить на поле и, делая вид, что разглядывает следы от мяча, демонстрировать малолеткам свои пухлые ягодички. Это все, что у него имелось — мясистая жопа, да еще один золотой зуб.

Кэтчер послал мяч обратно Котенку Флоссу.

— Эй, пиздося! — крикнул ему я.

— Это ты мне?

— Тебе, тебе, криворукий. Бросай точнее, а то мне придется вызывать окулиста.

— Следующие все твои, — ответил чудила.

— Отлично, — прокричал я, встал в стойку и впился взглядом в мяч.

Парень снова занялся показухой: перекинулся с кэтчером, пошарил взглядом по внутреннему полю. Наконец его зеленые глаза уставились на меня сквозь засаженные каштановые лохмы. Вот он замахнулся, и я уловил момент, когда мяч вылетел из его руки — темное пятнышко на фоне залитого солнечным светом неба стало нарастать, и вдруг я понял, что оно нацелено мне в челюсть. Я тут же пригнулся, почувствовав, как мяч чиркнул по волосам на макушке.

— Первый страйк, — прошамкал старый хрен.

— Что?! — заорал я.

Мяч все еще был у кэтчера. Похоже, он не меньше меня был удивлен решением судьи. Я забрал у него мяч и сунул его под нос старому мудаку.

— Что это? — спросил я.

— Мяч.

— Молодец. Запомни хорошенько, как он выглядит. Я направился к питчеру Зеленый взгляд не дрогнул под завесой грязных волос. Только рот слегка приоткрылся, словно у лягушки, заглатывающей воздух.

Я подошел к Котенку и предупредил:

— Послушай, я бью битой, а не головой. Еще раз так сделаешь, и я вколочу этот мяч тебе прямо через штаны в то место, которое ты всегда забываешь подтирать.

Затем вручил ему мяч, вернулся на свое место, встал в стойку и поднял биту.

— Один — один, — пронудил старикан.

Флосс поворошил мусор ногами и уставился на левый фланг поля. Ничего там особенного не было, кроме собаки, почесывающей свое ухо. Наконец Флосс глянул на кэтчера. Девчонки не давали покоя его яйцам, и он заботился о своем имидже. Судья, старая развалина, нагнулся так низко, что штаны на его дурацкой жопе чуть не лопнули по шву. Он тоже хотел выглядеть привлекательным. Возможно, я был один из немногих, кто находился на поле непосредственно по спортивному делу.

Время вышло, и Котенок Флосс размахнулся. Такой замах мог ввергнуть в панику кого угодно. Чтобы не сплеховать, нужно быть терпеливым и ждать мяч. И чем сильнее бросок, тем сильнее должен быть ответный удар.

Я видел, как мяч вылетел из его руки под девичий визг. Да, Флосс не растерял темперамент. Мяч был похож на огромную пчелу, которая нацелилась мне прямо в череп. Единственное, о чем я успел подумать, это как мне побыстрее оказаться на земле. Я потерял дар речи.

— Второй сирайк! — услышал я вопль старого дристуна. Он не мог даже правильно выговорить слово «страйк».

Я поднялся и стряхнул с себя мусор. Песок набился мне даже в трусы. Опять мать будет приставать ко мне: «Генри, чем ты занимаешься, что у тебя даже трусы в грязи? И не делай такое лицо. Улыбайся, будь оптимистом!»

Я снова направился к Котенку. Подошел вплотную и остановился. Все молчали. Я смотрел на него в упор. Бита была у меня в руке. Я поднял ее и припечатал торец к кончику его носа. Флосс отмахнулся. Я развернулся и

пошел на место. На полпути я приостановился и еще раз пристально посмотрел на него.

И опять я встал в стойку и поднял биту. На этот раз подача должна была быть моей. Котенок повторялся, вглядываясь в несуществующий знак кэтчера. Он тянул время, затем встряхнул головой. Нет, не решился. Зеленые глаза продолжали буравить меня из-под грязных волос.

Я еще раз, но уже со всей силы взмахнул битой.

— Выбей его, Палач! — кричала одна девчонка.

— Палач! Палач! Палач! — надрывалась другая.

Но Котенок вдруг повернулся ко мне спиной и устоял в центре поля.

— Время, — объявил я и сошел с метки.

Среди зрительниц была одна очень симпатичная девчонка в оранжевом платье. У нее были светлые волосы, ниспадающие на плечи, как желтый водопад — здорово. Наши взгляды пересеклись, когда она выкрикнула:

— Палач, пожалуйста, сделай его!

— Заткнись, — огрызнулся я и снова ступил на метку.

Наконец Котенок разродился. Я отследил его замах от и до. Напрасно я ждал очередного выебона с его стороны. Я так хотел, чтобы он повторился, и тогда я бы ринулся на него и убил бы или был убит. Но мяч летел прямо по центру проходной зоны. Лучшее, что я мог сделать, это приподняться чуть повыше, но пока я перегруппировался, мяч уже прошел мимо.

Этот ублюдок облажал меня по полной программе.

Потом Флосс пробил мне еще три прямых страйка. Клянусь, ему было, по крайней мере, года 23, и, вероятнее всего, он был полупрофи.

В конце концов одному парню из нашей команды удалось выиграть у него переход на первую базу.

Но зато я неплохо управлялся на поле. Мне удалось словить несколько мячей. Я носился от фланга к флангу, как заведенный. Я знал, чем скорее я снова окажусь под пушечным обстрелом Котенка, тем быстрее мне удастся решить эту проблему. Но Флосс больше не пытался выбить из меня мозги. Он просто уничтожал наших бэттеров одного за другим своим броском по центру. Я надеялся, что это дело времени. Главное, мне снова взять в руки биту.

Но ситуация становилась все хуже и хуже. Я нервничал. И девчонки тоже. Оказалось, что этот зеленоглазый выродок не только убойный питчер, но и виртуозный бэттер. Первым ударом он взял полный круг, вторым — двойной проход. Третий раз он заложил крутую свечу между Эйбом, который стоял на второй базе, и центром — где был я. Я бросился в атаку, девки завопили, а Эйб, задрав башку, таращился на мяч и медленно

отступал. Его слюнявый рот был открыт.

— Я возьму! — выкрикнул я и помчался к месту предполагаемого приземления.

По правилам, это был мяч Эйба, но как я мог позволить ему взять его — этому идиоту-книгочёу, которого я почти ненавидел? Мяч падал, и я неся наперерез Мартенсону. На полном ходу мы врезались друг в друга в тот самый момент, когда мяч уже почти влетел в его ловушку. Эйб отскочил и грохнулся на землю. Мяч был все еще в воздухе, и я подхватил его.

— Эй ты, тупорылый, вставай, — прикрикнул я на Эйба, все еще лежавшего на земле.

Но он не поднимался. Парень плакал, схватившись за свою левую руку.

— Я, кажется, сломал себе руку, — прохныкал он.

— Вставай, говно куриное!

В конце концов он все же поднялся и поковылял с поля, продолжая реветь и придерживая руку.

Я огляделся и выкрикнул:

— Ладно, продолжаем игру!

Но все стали расходиться, даже девчонки. Очевидно, игре был конец. Какое-то время я еще околачивался на поле, но потом тоже поплелся домой...

Перед ужином зазвонил телефон. Ответила мать. Вскоре ее голос задрожал от волнения. После того как она повесила трубку, я слышал, что она переговорила с отцом.

И вот мать вошла в мою комнату.

— Пожалуйста, спустись в гостиную, — сказала она.

Я спустился и сел на кушетку. Они расположились на стульях. Так было заведено: стулья — для своих, кушетка — для гостей.

— Звонила миссис Мартенсон. Ты сломал ее сыну руку. Это подтвердил рентген.

— Несчастный случай в игре, — сказал я.

— Она сказала, что собирается подать на нас в суд. У них будет еврейский адвокат. Они обдерут нас до нитки.

— Много они не возьмут.

Мать заплакала, как всегда, беззвучно. Слезы капали все быстрее и быстрее, пока не полились сплошным потоком. Я видел, как заблестели ее щеки в вечерних сумерках.

Наконец она вытерла глаза платком. Их светло-коричневый цвет замутился.

— Как ты сломал этому парню руку?

— Ну, была свечка. Мы оба бросились за ней.

— Что значит «свечка»?

— Это когда непонятно, на кого идет мяч. Кто возьмет его, тот и возьмет.

— Значит, ты взял эту «свечку».

— Да.

— Но как твоя «свечка» поможет нам? У жида-адвоката нет «свечки», но у него есть сломанная рука.

Я встал и отправился в свою комнату дожидаться ужина. Отец больше ничего не сказал мне. Он был смущен. С одной стороны, его терзала опасность потерять ту малость, которой он обладал, но, с другой стороны, он был очень горд тем, что его никчемный сын смог сломать чью-то руку.

Джимми Хэтчер работал в бакалейной лавке на полставки. Никто из нас не мог найти себе работу, а Джимми всегда был при должности. С его личиком кинозвезды и грандиозным телом, которое было у его матери, проблем с получением работы не возникало.

— Сможешь сегодня после ужина прийти ко мне? — спросил меня однажды Джимми.

— Зачем?

— Я натаскал из лавки пива. Выпьем.

— А где ты его держишь?

— В холодильнике.

— Покажи.

Мы находились в паре кварталов от его дома и вскоре были уже на месте. В подъезде Джимми остановился.

— Подожди-ка, мне надо проверить почту, — сказал он, достал ключ и открыл почтовый ящик.

Он был пуст. Джимми закрыл его и отошел к соседнему.

— Мой ключ подходит к ящику одной женщины. Смотри.

Джимми открыл ящик, там лежало письмо. Он достал его, вскрыл и зачитал мне:

«Дорогая Бэтти. Я знаю, что этот чек придет слишком поздно, и что ты его очень ждала. Я потерял прежнюю работу. Пришлось искать другую, это и задержало меня. Наконец я могу выслать тебе чек. Надеюсь, что у тебя все хорошо. Люблю, Дан».

Джимми вытянул чек, рассмотрел его и потом разорвал. То же самое он сделал и с письмом. Сунув обрывки в карман пальто, Джимми закрыл ящик.

— Пошли.

Мы вошли в его квартиру, прошли на кухню, и Джимми распахнул холодильник. Он был забит банками с пивом.

— И твоя мать знает?

— Конечно. Она пьет с удовольствием. Джимми закрыл холодильник.

— Джим, а правда, что твой отец вышиб себе мозги из-за твоей матери?

— Да. Он позвонил по телефону и сказал ей, что держит пистолет у виска. «Если ты не вернешься, я убью себя, — сказал он. — Ты вернешься

ко мне?» Мать сказала: «Нет». Прогредел выстрел.

— А что твоя мать сделала?

— Повесила трубку.

— Ладно, до вечера.

Я сказал родителям, что иду к Джимми делать домашнее задание. «Свое собственное задание», — подумал я при этом.

— Джимми хороший мальчик, — сказала мать.

Отец промолчал.

Джимми достал первую партию пива, и мы приступили. Вот это мне было по душе. Мать Джимми работала в баре до двух ночи, и квартира была в нашем распоряжении.

— Твоя мать очень красивая, Джим. Как так получается, что некоторые женщины просто красавицы, а другие выглядят уродами? Почему все женщины не могут иметь такое прекрасное тело?

— Откуда я знаю. Наверное, если бы все бабы были такие красивые, они просто надоели бы нам.

— Пей больше. Чего ты тормозишь?

— Ладно.

— А то я сейчас напьюсь и отпизжу тебя.

— Мы же друзья, Хэнк.

— У меня нет друзей. Выпьем!

— Да куда ты торопишься?

— Чтобы добиться эффекта, нужно все прикончить.

Мы открыли еще по банке.

— Если бы я был бабой, то носил бы самые короткие юбки, чтобы всех мужиков стояк мучил, — сказал Джимми.

— Кончай хуйню городить.

— У моей матери есть знакомый, он пил ее ссаки.

— Что?

— Да. Они бухали всю ночь, потом он лег в ванну, а она нассала ему прямо в рот. За это он отстегнул ей 25 долларов.

— Она сама тебе это рассказала?

— С тех пор, как умер отец, она ничего от меня не скрывает. Получается, что я занял его место.

— Ты что же, и...

— Да нет. Просто она мне доверяет.

— Как тому парню в ванной.

— Ага, примерно так.

— Ну, расскажи мне еще чего-нибудь.

— Хватит.

— Тогда давай выпьем. А говно твоей матери никто не ел?

— Не надо так говорить, Хэнк.

Я прикончил свою банку и зашвырнул ее в угол комнаты.

— Мне нравится у тебя. Наверное, я переберусь сюда. Я сходил на кухню и приволок еще шесть банок пива.

— Я крутой чувак, — заявил я. — Радуйся, что таскаешься со мной.

— Мы же друзья, Хэнк.

Я сунул ему под нос свежую банку.

— На, пей! — сказал я и пошел поссать.

Ванная комната отличалась своей изысканностью: полотенца яркой расцветки, темно-розовый половик, даже стульчак на унитазе был розовый. Я представил себе, как на него опускается огромная белая задница Клер. Да, ее звали Клер. Потом я оценил свой невинный член.

— Настоящий мужик, — отметил я. — Любому могу порвать жопу.

— Хэнк, мне нужна ванная, — послышался за дверью голос Джимми.

Мы поменялись местами. Я услышал, как его рвало.

— Говнюк, — сплюнул я в его сторону и вскрыл свежую банку пива.

Через некоторое время вернулся Джим, вид у него был бледный. Я сунул ему банку.

— Пей! Будь мужиком! Ты был мужиком, когда пиздил это пиво, теперь, чтобы остаться мужиком, ты должен его выпить!

— Сейчас, мне надо немного передохнуть.

— Пей!

Я плюхнулся на кушетку. Мне нравилось быть пьяным. Я понял, что полюблю пьянство навсегда. Оно отвлекало от реальности, а если мне удастся отвлекаться от этой очевидности как можно чаще, возможно, я и спасусь от нее, не позволю вползти в меня.

Я посмотрел на Джимми и рявкнул:

— Пей, щенок! — потом запустил свою опустевшую банку через всю комнату в угол.

— Давай, расскажи мне чего-нибудь еще о своей мамаше, Джим-бой. Какого она мнения о том мужике, который лакал ее ссаки в ванной?

— Она сказала: «Такие придурки рождаются каждую минуту».

— Джим?

— А?

— Пей. Будь мужиком!

Он приложился к своей банке, икнул и бросился в ванную. И снова я слушал его блевотную песню. Когда он вернулся и сел на стул, на него

противно было смотреть.

— Мне надо лечь, — пробормотал он.

— Джимми, я подожду когда твоя мать придет с работы, — заявил я.

Он встал и двинулся к спальне.

— А когда она придет, я выебу ее, Джимми, — добавил я.

Но парень меня не слышал, он исчез за дверью спальни.

Я сходил на кухню и запасся еще пивком.

Я сидел, сосал пиво и ждал Клер. Где, спрашивается, шляется эта прошмандовка? Я не мог это так просто оставить. Я чувствовал себя полновластным хозяином, у которого все всегда под контролем.

Прикончив очередную банку, я встал и посетил спальню. Джимми лежал на кровати лицом вниз, он рухнул, как был — в одежде и ботинках. Я вернулся в комнату.

Было совершенно очевидно, что у сына кишка тонка для крутого бухла. Мамаше Клер был нужен настоящий мужик, это тоже не вызывало сомнений. Я вскрыл новую банку и хорошенько приложился. На кофейном столике обнаружилась пачка сигарет, и я закурил.

Не знаю, сколько пива я выжрал, пока поджидал Клер, но в конце концов я услышал, как повернулся ключ в замке, и дверь открылась. Это была грандиозная Клер — совершенное тело и копна белокурых волос. Она была на высоких каблуках, но это мало чего добавляло. Ни один художник не смог бы отобразить ее великолепие в полной мере. Казалось, даже стены вытаращились на нее и абажур, и стулья, и старый плед. Чудо явилось нам...

— Ты кто такой, мать твою за ногу? Чего ты здесь делаешь?

— Ну, вот мы и встретились. Клер. Я — Хэнк, друг Джимми.

— Выметайся отсюда!

Я рассмеялся.

— Я переезжаю к тебе, детка, теперь только ты и я!

— Где Джимми? — закричала она и бросилась в спальню.

Вскоре она снова была в комнате.

— Ах ты, сопляк! Что вы здесь устроили?

Я достал сигарету, прикурил и усмехнулся.

— Когда ты злишься, то выглядишь еще прекрасней...

— Да ты просто безмозглый птенец, налакавшийся пива. Пошел домой.

— Садись, детка. Выпей пивка.

И Клер села, чем сильно меня удивила.

— Ты тоже учишься в Челси? — спросила она.

— Ага. Мы с Джимми приятели.

— Ты — Хэнк?

— Да.

— Он рассказывал мне о тебе.

Я протянул Клер банку пива. Рука у меня подрагивала.

— Давай выпьем, детка. Она вскрыла банку и отхлебнула.

Не отрывая взгляда от Клер, я присосался к своей банке. Она была в облегающем платье. Я все мог видеть. Женщины в ней было в изобилии — щедрые гроздья — наливные ягодицы, колосющиеся ноги, спелые груди. Да, грудь потрясающая.

Клер забросила ногу на ногу Юбка слегка задралась. Лодыжки были полные, и они золотились, обтянутые чулками телесного цвета.

— Я знакома с твоей матерью, — сообщила она.

Я осушил свою банку и поставил ее на пол возле ног. Тут же открыл новую, залпом ополовинил и попробовал посмотреть на Клер. Я никак не мог решиться, на чем мне остановить свой взгляд: на груди, на ногах или на уставшем лице.

— Я извиняюсь, что позволил твоему сыну так напиться, но я должен тебе что-то сказать.

Она отвернулась, чтобы прикурить сигарету, потом снова посмотрела на меня.

— Говори.

— Клер, я люблю тебя.

Она не рассмеялась. Лишь слегка улыбнулась самыми уголками рта.

— Бедняжка. Ты еще совсем цыпленок, который только что вылупился из яйца.

Она попала в точку, и это разозлило меня. Наверное, потому что это была правда. Мечты и пиво забродили во мне, требуя чего-то большего. Я глотнул пива, уставился на нее и сказал:

— Кончай мне лапшу вешать. Подними-ка лучше юбку. Я хочу получше разглядеть твои ляжки и задницу.

— Ты еще мальчик, — твердила она.

И тогда я ответил. Не знаю, откуда взялись эти слова, но я заявил:

— Я задолблю тебя насмерть, детка, только дай шанс.

— Серьезно?

— Ага.

— Хорошо, бери, — сказала она, раскинула ноги и задрала юбку

Трусов на ней не было.

Моему взору открылись огромные ляжки до самого их основания —

потоки притягательной плоти. На внутренней стороне левого бедра выделялась мясистая бородавка. Долго не задерживаясь на бородавке, мой взгляд скользнул выше — в джунгли спутавшихся волос, что между ног. Цвет их был не золотистый, как на голове, а темно-коричневый. Короткие, с вкраплением седых волосков, они напоминали мне цветущий кустарник с отмершими стебельками — бледными и печальными.

Я поднялся и пробормотал:

— Мне надо идти, миссис Хэтчер.

— Как? Я думала, ты настроен на жаркую вечеринку!

— Ну... Если бы не ваш сын в спальне...

— Не волнуйся на его счет, Хэнк. Он в отключке,

— Нет, миссис Хэтчер, мне действительно надо идти.

— Ясно. Убирайся отсюда, соплежуй хуев!

Я закрыл за собой дверь, пересек холл и вышел на улицу. Подумать только, некоторые накладывают на себя руки из-за этого. Неожиданно ночь показалась мне прекрасной, несмотря на то что я шел в родительский дом.

Мое будущее легко просматривалось. Я был беден, и шансов изменить статус не предвиделось. Но я не слишком убивался насчет денег. Я сам не знал, чего хотел. Нет, пожалуй, у меня было одно желание. Мне грезилось некое местечко, где можно было бы укрыться от всех и вся и пребывать в полном бездействии. Мысль о том, чтобы стать кем-либо, не только пугала меня, но и вызывала отвращение. Участь адвоката, члена муниципального совета, инженера или кого бы там ни было казалась для меня невозможной. Жениться, завести детей, завязнуть в этом омуте семейных отношений, каждый день ходить на службу и возвращаться в лоно домашнего ада или уюта. Нет, это не для меня. Делать обычные вещи, решать обыденные проблемы, участвовать в семейных торжествах, Рождественских празднествах, справлять День Независимости, День Труда, День Матери... В общем родиться, чтобы вытерпеть все это и потом умереть? Нет уж, я предпочел бы заделаться каким-нибудь посудомоем, возвращаться каждый Божий день в убогую мебелирашку и упиваться на сон грядущий.

У моего отца имелся генеральный план, который должен передаваться из поколения в поколение. Он изложил его мне.

— Каждый мужчина за свою жизнь должен приобрести дом. После смерти он достанется его сыну. Сын, прожив жизнь правильно, оставит после себя уже два дома. Следующий наследник три...

Семейная пирамида. Сражаться с житейскими бедствиями и побеждать благодаря крепкому семейному тылу. Он свято верил в это. Возьмите семью, подмешайте в нее веру в Бога, приправьте ароматом чувства Родины, добавьте десятичасовой рабочий день и получите то, что нужно — ячейку общества.

Я смотрел на своего отца: на его руки, лицо, брови и знал, что этот человек ни на что не способен. Моя мать была еще большим ничтожеством, можно сказать, ее вовсе не существовало. Я был проклят. Вглядываясь в своего родителя, я не видел ничего, кроме отвратительной беспомощности. Мало того, мне казалось, что он боится вывалиться из общей обоймы даже больше, чем все остальные. Что поделаешь, сказывалась древняя кровь крестьян и рабское воспитание. Род Чинаски-батраков разжижала лишь незначительная прослойка крестьян-служащих, которые губили свои жизни, надрывая пупок ради мелких, иллюзорных успехов. На всем генеалогическом дереве не нашлось человека, который бы заявил: «Не хочу

дом, а хочу тысячу домов и сразу!»

Мой папаша определил меня в школу для богатых отпрысков в надежде, что, глядя на их спортивные авто кремового цвета, красивых чистеньких девочек в платьицах радужных расцветок, я постоянно буду помнить и знать, к чему мне стремиться — преодолеть эту извечную границу между бедностью и богатством. Вопреки его ожиданиям, я усвоил, что бедный обычно умирает бедным, что молодые богачи, соприкоснувшись со зловонием бедности, учатся относиться к нему с легкой насмешкой. Они должны выучиться смеяться, в противном случае нищета будет ужасать, мешая пищеварению. И они преуспевают в этой науке, также сказывается многовековой опыт предков. Я же уже никогда не смогу простить девчонкам той самоотверженной готовности, с какой они подсаживались в спортивные родстеры к вечно улыбающимся юношам. Они не виноваты, конечно, даже более того, вы начинаете думать, что возможно... Но нет, не может быть никаких «возможно». Богатство означает успех, а успех и есть подлинная реальность.

Какая женщина выбрала бы жизнь с посудомоем?

В средней школе я старался много не думать о том, как повернется моя жизнь в дальнейшем. Тогда казалось предпочтительнее отстраниться от этих дум...

Но вот, наконец, настал день выпускного бала. Он проходил в спортивном зале с живой музыкой, да — был приглашен настоящий оркестр. Не знаю, почему, но я все же пошел и прошагал две с половиной мили по ночному городу. Я стоял в темноте и смотрел на бал через окно, завешенное противомоскитной сеткой. Я был изумлен. Девчонки выглядели совершенно взрослыми, статными, женственными. На них были длинные вечерние платья, и все они казались красавицами. Я с трудом узнавал в них своих одноклассниц. Парни, облаченные в смокинги, не уступали девицам в лоске. Они уверенно и смело вели своих дам в танце, утопая лицами в их волосах. И музыка звучала громко, но стройно и чисто.

И тут я скользнул взглядом по своему отражению — изуродованное прыщами и шрамами лицо, в заношенной рубашке. Я походил на животное, которое вышло из лесной чащи на свет. Зачем я притащился? Я чувствовал себя совершенно паскудно, но продолжал таращиться. Танец закончился, музыка смолкла. Пары тихо переговаривались. Они были естественны, образованны и воспитанны. Когда же они успели научиться светской беседе и танцам? Я не владел ни языком, ни ногами. Мы были не на равных. Они — пригожие девицы и симпатяги парни. А для такого уроды, как я, даже смотреть на одну из этих девиц было уже слишком, не говоря

уж о том, чтобы приблизиться к ней. Да... Эти танцы были мне недоступны.

Но, кроме этого, я осознавал — все, что я сейчас вижу, не так просто и гладко, как кажется. За все приходится платить, и взлет может быть первым шагом к падению. Оркестр снова заиграл, и пары закружились в танце. Над их головами замигали разноцветные огни — желтые, зеленые, красные и снова желтые. Глядя на танцующих, я сказал себе: когда-нибудь начнется и твой танец. Настанет день, и мы поменяемся местами.

Но как далек был еще тот желанный день, и как близки были они. И я ненавидел их. Мне была ненавистна их красота, их безоблачная юность. Наблюдая за танцем этих свежих юнцов, обреченных на счастье, под волшебный аккомпанемент цветомузыки я презирал их за то, что они имели все, чем я был обделен, и снова и снова повторял про себя: «Однажды и я буду счастлив, как любой из вас, помяните мои слова».

Они танцевали, а я, невидимый, твердил свое.

Позади меня послышался шорох, я обернулся.

— Эй! Ты чего здесь делаешь?

Это был какой-то старик с фонариком, его голова смахивала на череп лягушки.

— Смотрю, как танцуют.

Старикан держал фонарь почти под самым носом, и его большие круглые глаза мерцали, словно кошачьи в лунном свете. Но вот беззубый рот был сморщенным и беспомощным, а голова комически круглой. И эта-то безмозглая окружность, напоминающая мне тыкву, пыталась корчить из себя цербера.

— Уходи от греха!

Луч его фонарика прошелся по мне с головы до ног.

— А вы кто такой?

— Я ночной сторож. Убирайся по добру по здоровью, а не то я вызову фараонов!

— С какой стати? Это выпускной бал, а я выпускник.

Он осветил мне лицо. Оркестр играл «Поздний закат».

— Врешь! — заключил старик. — Тебе как минимум 22 года!

— Посмотрите в журнале. Выпускной класс 1939 года, Генри Чинаски.

— А чего ж ты тогда не танцуешь?

— Устал. Домой собираюсь.

— Ну, так ступай.

И я пошел. Луч фонарика скакал по дорожке, следуя за мной, пока я не покинул школьный городок. Была теплая ночь, почти жаркая. По дороге

домой мне показалось, что я видел несколько светлячков, но, возможно, и померещилось.

День аттестации. Облачившись в береты и плащи, мы собрались на церемонию вручения аттестатов. Последние три школьных года, как мне казалось, не прошли даром: мы поднаторели в орфографии и возмужали физически. Я по-прежнему оставался девственником.

— Эй, Генри, ты уже обкатал свой конец? — спрашивали меня.

— И не собираюсь, — отвечал я.

Рядом со мной сидел Джимми Хэтчер. Директор толкал речь, напоследок он решил хорошенько проехаться по нашим ушам.

— Америка — страна равных возможностей. Здесь каждый может осуществить свою мечту...

— Стать посудомойкой, — тихо продолжил я.

— Мусорщиком, — подхватил Джимми.

— Грабителем.

— Собачником.

— Санитаром в психушке.

— Америка — страна смелых! Она была построена мужественными людьми. Наше общество основано на принципах справедливости...

— Кому че, кому ни че, кому хуй через плечо, — прокомментировал Джимми.

— ...и законности. И поэтому каждый, кто готов искать свою мечту даже на вершине радуги, обязательно найдет ее...

— В большой куче говна, кишащей опарышами, — предположил я.

— ...И я без колебаний могу сказать, что этот выпуск лета 1939 года — особенный выпуск, потому как, пройдя через все годы ужасной Депрессии, он выказал намного больше мужества, таланта и любви, чем какой-либо другой выпуск, о чем я с большим удовольствием свидетельствую.

Матери, отцы и прочие родственники бурно заплодировали, к их порыву присоединились и некоторые ученики.

— Выпускники 1939 года, я горжусь вами, и я уверен в вашем будущем. Именно сейчас вы отправляетесь в самое рискованное свое путешествие. Путешествие под названием «жизнь».

Большинство из «путешественников» были уже определены в колледжи и, значит, как минимум года четыре им не грозили опасности трудовой жизни.

— И в этом походе вам всегда будут сопутствовать мои молитвы и благословение!

В первую очередь дипломы вручались отличникам. Один за другим они выходили на сцену. Вызвали и Эйба Мартенсона. И вот он получил свою корочку. Я аплодировал.

— Интересно, кем он кончит? — задался вопросом Джимми.

— Бухгалтером в подразделении автомобильного концерна, где-нибудь в окрестностях Калифорнии, — предсказал я.

— А-а... Пожизненная работа, — отозвался Джимми.

— Пожизненная супруга, — присовокупил я.

— Да, Эйб никогда не опустится...

— Но и не подыметсЯ.

— Законопослушный человек...

— Швабра.

— Трудяга.

— Слабак.

После того как все отличники получили свои аттестаты, стали вызывать остальных. Я чувствовал себя не в своей тарелке. Мне хотелось поскорее слинять оттуда.

— Генри Чинаски, — услышал я свое имя.

— Разнорабочий, — шепнул я Джимми и поднялся.

Взойдя на сцену, я получил свой диплом и пожал руку директору. Она была вялая и скользкая, словно дохлая устрица (двумя годами позже его уличат в растрате и присвоении школьных средств и имущества; после проверки состоялся суд, а за сим — тюремное заключение).

Возвращаясь на свое место, я проходил мимо группы отличников. Мартенсон как-то странно посмотрел на меня, и вдруг я заметил, что он украдкой показывает мне палец. Шок! Чего-чего, а этого я никак не ожидал.

— Мартенсон показал мне палец! — поделился я новостью с Джимми.

— Нет, не может быть!

— Сука драная! Он испортил мне праздник! Не знаю, как чувствует себя человек, когда ему действительно вставляют в жопу палец, но, похоже, это очень неприятно!

— Да у него кишка тонка залупиться на тебя!

— Подозрительно. Может быть, он подкачался и выучил пару приемов?

— Слушай, я даже не знаю, что и думать!

— Он же понимает, что я перешибу его пополам одним плевком!

— Замочи его!

— Он что же, считает, что победил? Ход его мыслей удивляет меня!

— Да разбей ему ебальник, и все дела.

— Ты думаешь, этот придурок поумнел оттого, что вызубрил всю школьную макулатуру? Я тебе отвечаю, что там ничего умного нет, потому что я сам пролистал всю эту муру.

— Джимми Хэтчер! — позвали со сцены.

— Священник, — похвастался Джим, вставая.

— Птицефермер, — поправил его я.

Когда Джимми получал свой аттестат, я аплодировал громче всех. Человек, который мог жить с такой матерью, какой была Клер, заслуживал рыцарских почестей. Джимми вернулся на свое место, и мы продолжили просмотр великолепного шоу — золотые мальчики и девочки получали путевку в жизнь.

— Слушай, они не виноваты, что родились богатеями, — сказал Джимми.

— Я их и не виню. Виноваты их ебанные родители.

— А также их предки.

— Естественно. Будь у меня новенький авто и такие же клевые телки, да ебал бы я все эти базары о социальной справедливости.

— Ага, — согласился Джим. — Большинство начинают вопить о несправедливости, только когда это касается их лично.

Золотая молодежь парадом проходила по сцене, а я сидел и решал — грохнуть мне Эйба или нет. Я представил себе этого мудака, распластавшегося на асфальте в берете и плаще — жертва моего праведного гнева, а вокруг нас вопящие девицы с восклицанием в глазах: «Боже мой, этот Чинаски просто настоящее животное!»

Но, с другой стороны, Эйб как был слюнтяем, так им и остался. Смелым он был только там, на сцене, среди отличников. Грохнуть его для меня не составит большого труда. И я решил не делать этого. Хватит с него сломанной руки, за которую его родители так и не подали на нас в суд. Но если я сейчас покалечу его, они обязательно дадут делу полный ход и обчистят моих стариков до последнего гроша. Правда, не деньги меня заботили, а моя мать, которая ни за что ни про что оказалась бы в полной жопе.

Наконец церемония закончилась. Все повскакивали со своих мест и повалили наружу. Во дворе выпускники и их родители, родственники и знакомые встретились — море объятий, лобызаний и поздравлений. Я увидел поджидающих меня родичей, подошел к ним и предусмотрительно остановился шагах в четырех.

— Пошли отсюда, — сказал я.

Мать смотрела на меня во все глаза.

— Генри, я так тобой горжусь! — выпалила она и вдруг отвернулась.

— Ой, а вон Эйб со своими родителями! — расплылась в улыбке мать. — Они такие милые люди! О, миссис Мартенсон!

Семейство остановилось. Мать бросилась к миссис Мартенсон с открытыми объятиями. Ведь это именно миссис Мартенсон решила не возбуждать дело после многочасовых телефонных переговоров с моей матерью. Они пришли к выводу, что у меня неуравновешенный характер, а мать и так сильно страдает из-за этого.

Мой отец и мистер Мартенсон пожали друг другу руки, а я подошел к Эйбу.

— Эй, пиздюк, с какой это стати ты показал мне палец?

— Что?

— Палец!

— Не понимаю, о чем ты!

— О пальце!

— Генри, я действительно не понимаю, о чем ты говоришь!

— Абрахам, нам пора идти, — позвала его мать.

Семейство Мартенсонов удалялось, а я стоял и смотрел им вслед.

— Вот у Мартенсонов парень знает, чем он будет дальше заниматься, — сказал мой отец, когда мы отправились к нашему старенькому автомобилю. — А вот что ты теперь будешь делать? Я никогда не видел тебя с учебниками!

— В них много глупостей.

— Ах, они глупые, да? А ты, значит, умный? Тебе не надо учиться! А чем ты будешь заниматься? Я затратил тысячи долларов, чтобы вырастить тебя, кормил, одевал! Я спрашиваю, что ты будешь делать, если я вышвырну тебя на улицу?

— Бабочек ловить.

Мать заплакала. Отец поволок ее к нашему «форду» десятилетней давности. А я стоял и смотрел, как мимо меня проносились другие семьи выпускников в новеньких автомобилях.

Подошли Джимми Хэтчер с матерью.

— Погоди-ка минутку, — сказала Клер сыну, — я хочу поздравить Генри.

Джимми отошел, а Клер придвинулась ко мне и заговорила тихо, чтобы он не мог слышать:

— Послушай, Генри, со временем ты захочешь получить настоящую

аттестацию. Я могу выдать тебе твой мужской диплом.

— Спасибо, Клер, скоро увидимся.

— Твои яйца взорвутся. Генри!

— Я не сомневаюсь в этом, Клер.

Она отошла к Джимми, взяла его под руку, и они пошли дальше.

Подкатила наша развалюха, остановилась возле меня. Двигатель чихнул и умер. В кабине рыдала мать, огромные слезы катились по щекам.

— Генри, садись! Прошу, залезай! Отец прав, но я все равно люблю тебя!

— Я пойду пешком.

— Нет, Генри, садись, — завывала мать. — Садись, или я умру!

Я подошел, открыл заднюю дверцу и забрался в кабину.

Двигатель снова ожил, и мы тронулись. Итак, Генри Чинаски — выпускник средней школы 1939 года — ехал в светлое будущее. На первом же светофоре машина остановилась, и двигатель заглох. Уже загорелся зеленый, а отец все никак не мог запустить его. Позади нас сигналили другие автомобили. Наконец отцу удалось завести полудохлый механизм, и мы снова двинулись вперед. Мать перестала плакать, и теперь мы ехали в полном молчании.

Времена оставались тяжелыми, и поэтому я очень удивился, когда раздался звонок из компании Мирз-Старбак, и меня уведомили, что в понедельник я должен явиться на работу. До этого я прошелся по всему городу и рассовал заявки, куда только было возможно, все равно заняться мне было нечем. Собственно, я не горел желанием начать трудовую деятельность, но уж больно мне не хотелось оставаться под одной крышей со своими родителями. В отделе кадров Мирз-Старбак валялись тысячи заявок, и я не надеялся, что мне повезет. Это была крупная торговая компания с разветвленной сетью универмагов во многих городах страны. Заполнив заявление, я прошел собеседование, которое длилось всего несколько минут. По-моему, на все вопросы я ответил правильно.

Наступил понедельник, и я отправился на работу с бутербродами в коричневом бумажном пакете. Универмаг находился всего в нескольких кварталах от моей бывшей школы. Я все еще прибывал в недоумении, почему выбор пал именно на меня.

После получения первого чека я рассчитывал снять себе комнату в центре города рядом с публичной библиотекой.

По пути за мной увязалась изголодавшаяся дворняга. Бедняга так исхудала, что ребра выпирали из-под ее облезлой шкуры, а уцелевшая шерсть свалилась и торчала клочьями. Брошенное, запуганное, избитое животное — жертва *Homo sapiens*.

Я остановился, присел и протянул руку, но пес отскочил.

— Иди сюда, приятель, я твой друг... Ну, давай, не бойся...

Он осторожно приблизился. Глаза его были полны печали.

— Что же они сделали с тобой, парень?

Пес подбирался все ближе и ближе, стелясь по тротуару и усердно виляя хвостом. Потом он просто прыгнул на меня, и я, не устояв под ударом его передних лап, распластался на асфальте. Несмотря на худобу, он был все же слишком большой и тяжелый. Оседлав меня, осмелевшая псина принялась лизать мне лицо, уши, лоб. Я еле спихнул его, вскочил и вытер лицо.

— Сидеть! Тебе надо подкрепиться!

Я достал из пакета сэндвич и отломил кусок.

— Немного тебе, остальное мне, старикан! — сказал я и положил его порцию на тротуар.

Пес подошел к угощению, понюхал и отошел. Облизываясь и оглядываясь на меня, он стал удаляться.

— Эй, приятель, погоди! Этот был с арахисовой пастой! Иди попробуй копченой колбаски! Вернись! Ко мне!

Пес с опаской подошел снова. Я отыскал сэндвич с колбасой, отломил большой кусок, соскоблил с него горчицу и бросил на тротуар.

Привереда склонился над подачкой, уткнулся в нее носом, обнюхал, повернулся и потрусил прочь. На этот раз он даже не оборачивался, все быстрее и быстрее удаляясь вдоль по улице. Неудивительно, что я постоянно пребывал в состоянии депрессии — ненадлежащее питание.

Я продолжил свой путь на работу. Это была та же самая улица, по которой я ходил в школу.

Наконец я прибыл на место, отыскал служебный вход и вошел. Из яркого солнечного света я попал во мрак. После того как мои глаза слегка привыкли к темноте, я разглядел мужчину, стоящего всего в нескольких шагах от меня. Половина его левого уха отсутствовала. Сам он был высокий и очень худой. Узкие, как игольное ушко, зрачки как-то странно располагались на его бесцветных глазах. Но что самое удивительное, этот дистрофик был перетянут ремнем, а поверх ремня свисало странное, уродливое брюхо. Видимо, жир со всего организма сконцентрировался именно на животе, обрекая другие части тела на истощение.

— Управляющий Ферис, — представился он. — А вы, я полагаю, мистер Чинаски?

— Да, сэр.

— Вы опоздали на пять минут.

— Меня задержала... Ну, я остановился, чтобы покормить бродячую собаку, — сказал я, улыбаясь.

— Это самое глупое оправдание, которое я слышу за последние тридцать пять лет моей службы здесь. Ты что, не мог придумать чего-нибудь поумнее?

— Я только начинаю, мистер Ферис.

— И скоро закончишь. Ладно, смотри, это — таймер, а вон стеллаж с регистрационными картами. Найди свою карту и отметь время прихода на работу.

Я отыскал — Генри Чинаски, служащий № 68754. Взяв карту, я уставился на таймер — что делать дальше?

Ферис встал позади меня и тоже вытаращился на автомат.

— Ты уже опоздал на шесть минут, — услышал я его голос. — Когда опоздание составляет десять минут, мы вычитаем час.

— Значит, если опаздываешь на десять минут, то лучше не торопиться?

— Не остри. Когда мне хочется посмеяться, я слушаю Джека Бенни. А если ты прогуляешь час, то просто потеряешь работу к чертовой матери.

— Извините, но я не знаю, как управляться с таймером. Как мне отметить?

Ферис выхватил карту из моих рук и указал на таймер.

— Видишь эту щель?

— Ага.

— Что?

— Я говорю, да, сэр.

— Отлично, она предназначена для первого дня недели, значит для сегодняшнего дня.

— А-а...

— В нее вставляется карта, вот таким образом, — он вставил карту в щель и затем вытянул ее обратно. — Когда карта будет там, нужно потянуть за этот рычаг, — Ферис дернул рычаг, но карты-то там не было.

— Я все понял. Давайте приступим, — потянулся я к карте.

— Нет, подожди, — не унимался он. — Когда уходишь на обед, также нужно отмечаться, но уже в этой щели.

— Да, я понял.

— А когда возвращаешься с обеда, то вставляешь карту в следующую щель. Обед тридцать минут.

— Тридцать минут. Все ясно.

— И наконец, когда рабочий день заканчивается и ты уходишь домой, или в свою гостиницу, или еще куда, не знаю, где уж ты там живешь, нужно использовать последнюю щель. Получается четыре отметки в день. И так каждый день — четыре отметки за смену — до тех пор, пока тебя не уволят, или ты сам уйдешь, или умрешь, или выйдешь на пенсию.

— Понятно.

— И еще я хочу, чтобы ты знал: из-за тебя я задержал свой инструктаж новых служащих, одним из которых на данный момент являешься и ты. Я здесь главный. Мое слово — закон. Ваши желания ничего не значат. Если мне не понравится в вас что-либо — как зашнурованы ботинки, манера укладки волос или вонь пердежа — вы возвращаетесь на улицу, ясно?

— Да, сэр!

В проходную влетела молоденькая девица в туфельках на высоком каблуке, ее длинные волосы развевались позади каштановым шлейфом. На ней было красное облегающее платье, и такого же цвета помада чрезмерно

покрывала ее пухлые чувственные губы. С театральной резвостью она схватила свою карту со стеллажа, проперфорировала ее и, сдерживая возбужденное дыхание, сунула на место. Потом бросила взгляд на Фериса.

— Привет, Эдди!

— Привет, Диана!

Скорее всего, Диана работала продавщицей. Ферис подошел к ней, и они принялись болтать. Ничего, кроме смеха расслышать мне не удалось. Наконец, они наговорились. Диана пошла к лифту, а Ферис вернулся ко мне. Моя карта все еще была у него в руке.

— Я бы хотел отметить свой приход на работу, — напомнил я.

— Я сам пробую. Не хочу, чтобы ты начинал с ошибки, — сказал Ферис, вставил мою карту в щель и остановился. Я ждал. До моего слуха доносилось тиканье часов. Наконец он дернул за рычаг, вытянул карту и положил ее на стеллаж.

— На сколько я опоздал, мистер Ферис?

— На десять минут. Иди за мной.

Я повиновался. В другом помещении нас поджидала группа новых служащих — четыре мужчины и три женщины. Все они были старые, и у всех у них была одна проблема — слюна собиралась в уголках рта, подсыхала и превращалась в белые катышки, которые незамедлительно орошались новой порцией слюны. Одни страдали от ожирения, другие походили на дистрофиков. Одних мучила трясучка, другие морщились от близорукости. У чернокожего старика в яркой цветастой рубашке на спине красовался горб. Новички улыбались и кашляли, пуская клубы сигаретного дыма.

Увидев эту картину, я понял, почему я здесь. Мирз-Старбак набирала выучных мулов. Компанию не волновала проблема текучки кадров (хотя эти новые рекруты могли сбежать только в могилу, но до этого они будут преданными и благодарными служащими). Я был избран трудиться с ними бок о бок. Дама из отдела кадров решила, что я принадлежу к этой жалкой касте неудачников.

Что бы подумали парни из моей школы, увидев меня в этой среде? Меня, самого крутого мужика выпуска 1939 года!

Я подошел и встал рядом с группой новобранцев. Ферис сел на стол лицом к нам. Сквозь потолочную фрамугу на него падал луч света. Управляющий прикурил сигарету, затянулся и широко улыбнулся всем нам.

— Добро пожаловать в Мирз-Старбак... — сказал Ферис и впал в задумчивость.

Возможно, он вспомнил те времена, когда впервые пришел в этот

магазин тридцать пять лет назад. Выпустив несколько колец, Ферис наблюдал, как они плавно поднимались в воздухе. Его укороченное ухо, подсвеченное сверху, выглядело потрясающе.

Мой сосед, сухой скрюченный мужичок, ткнул меня в бок своим острым локотком. Он был одним из тех типов, у которых очки вечно висят на самом кончике носа, и кажется, что они вот-вот свалятся. Этот урод был даже противнее меня.

— Привет, — прошептал он. — Я Мьюкс. Оделл Мьюкс.

— Здравствуй, Мьюкс, — отозвался я.

— Послушай, парень, давай после работы заглянем в бар. Может быть, подцепим каких-нибудь бабенок.

— Не могу, Мьюкс.

— Ты что, боишься их?

— Нет. Мой брат болен, я должен присматривать за ним.

— Болен?

— Безнадёжно — рак. Ему вставили трубочку в член, и он писает через нее в бутылку, которая привязана к ноге.

Тут очнулся Ферис:

— Ваша начальная ставка — сорок четыре с половиной цента в час. Договора с профсоюзами у нас нет. Руководство верит — все, что выгодно компании, выгодно ее служащим. Мы, подобно большому-семейству, должны сообща работать и приносить прибыль. Каждый из вас получит десятипроцентную скидку на все товары, которые вы будете приобретать в Мирз-Старбак...

— Вот это да! — вырвалось из Мьюкса.

— Да, мистер Мьюкс, это нормальные партнерские отношения. Вы заботитесь о нас, мы будем заботиться о вас.

Я подумал, что если бы задержался в Мирз-Старбак лет так на сорок семь, жил бы все это время с какой-нибудь чокнутой бабенкой, отхватил бы по пьянке себе половину левого уха то, возможно, унаследовал бы место Фериса после его выхода на пенсию.

Ферис перечислил все праздники и выходные, на которые мы могли рассчитывать, и завершил свой инструктаж. Нам показали наши шкафчики, выдали халаты и затем сопроводили в подвал, где располагалось складское помещение.

Рабочее место Фериса находилось тоже в подвале. Он сидел на телефоне. Каждый раз, когда раздавался звонок, он левой рукой снимал трубку и прижимал ее к своему левому покоцанному уху, а правую руку непременно запускал в левую подмышку.

— Да? Так. Понятно. Доставим немедленно! — положив трубку, вызывал: Чинаски!

— Здесь, сэр.

— Отдел дамского белья, — сообщал Ферис, доставал накладную и заполнял ее — какой товар и в каком количестве.

Он мог бы это заниматься этим, когда принимал заказ по телефону, но не делал, наверное, не хотел вынимать руку из-под мышки.

— Собери этот товар, отнеси в отдел женского белья, получи подпись и возвращайся.

Ни одного лишнего слова.

Итак, моя первая доставка была в отдел женского белья. Я собрал товар в маленькую зеленую тележку на резиновых колесах и покатил к лифту. Лифт был где-то на верхних этажах, я нажал кнопку и стал ждать. Прошло довольно много времени, пока я увидел днище опускающегося лифта. Двигался он очень медленно. Наконец кабина приземлилась, дверь открылась, и я увидел оператора — одноглазого альбиноса. О, черт!

Белобрысый осмотрел меня единственным глазом и спросил:

— Новичок?

— Ага.

— Как тебе Ферис?

— Отличный парень, — схитрил я.

Возможно, они жили вместе и по очереди пользовались газовой плитой на кухне.

— Сейчас я не могу поднять тебя.

— Почему?

— Мне надо посрать.

Альбинос ушел, а я остался стоять возле лифта в своем рабочем халате. Такое случается сплошь и рядом. Будь вы губернатор или мусорщик, канатоходец или грабитель, дантист или сборщик фруктов, будь вы там или сям, вы хотите добросовестно выполнять свою работу, вы не желаете зря занимать место, но вам приходится стоять и дожидаться какого-то засранца. Вот и я стоял в спецодежде рядом с тележкой, полной бабьего исподнего, и поджидал, пока лифтер просрется.

И тут со всей очевидностью я понял, почему пасынки богачей всегда веселы и смеются. Они знали, что это им не грозит.

Вернулся альбинос.

— Уф, здорово. Полегчал фунтов на тридцать.

— Хорошо. Теперь мы можем ехать?

Он закрыл дверь, и мы поднялись на этаж, где располагались торговые

залы.

— Удачи, — сказал альбинос, открыв дверь.

Я вытолкнул тележку и покатию ее по проходу, высматривая отдел дамского белья; мне нужна была мисс Мидуз.

Мисс Мидуз — шикарная женщина — скрестив руки на груди, трепетала от нетерпения. Она выглядела как модель. Приблизившись, я разглядел ее глаза — темно-изумрудные, бездонные, опытные. О, я должен был познакомиться с ней, с ее глазами, с ее шиком. Остановив тележку напротив кассы, я улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте, мисс Мидуз.

— Где тебя, черт возьми, носит? — ответила она вопросом.

— Так получилось.

— Ты понимаешь, что покупатели ждут? Я отвечаю за эффективную работу отдела, ясно?

Продавцы зарабатывали в час на десять центов больше, чем мы, плюс комиссионные. Поэтому они никогда не разговаривали с нами как с равными. Будь то продавец мужского или женского пола — без разницы. Любые сношения с нами они воспринимали как оскорбление.

— Я решила телефонировать мистеру Ферису.

— Мисс Мидуз, в следующий раз не подведу, — сказал я, выгрузил товар на прилавок и протянул ей накладную.

Гневным росчерком она оставила свою подпись и швырнула накладную в зеленую тележку

— Господи, ума не приложу, где они находят таких людей! Я подкатил тележку к лифту, нажал кнопку и подождал. Дверь открылась, и я въехал в лифт.

— Ну, как дела? — поинтересовался альбинос.

— Потяжелел на тридцать фунтов.

Лифтер усмехнулся, закрыл дверь, и мы стали спускаться.

Вечером, за ужином, мать не выдержала:

— Генри, я так счастлива за тебя!

Я промолчал.

— Ты что же, не рад, что получил работу? — спросил отец.

— Нет.

— Нет? Ты говоришь нет? Да ты понимаешь, сколько мужиков сейчас слоняются без дела?

— Похоже, что большинство.

— Поэтому ты должен ценить свою работу.

— Послушайте, можем мы просто поесть?

— И еду ты должен ценить. Знаешь, сколько стоят эти продукты? Я отпихнул от себя тарелку:

— Черт! Я сыт по горло! — встал и пошел в свою комнату.

— Я думаю, мне придется навестить тебя и объяснить что к чему, — сказал отец вслед.

Я приостановился:

— Буду с нетерпением ждать тебя, старик, — бросил в ответ и пошел дальше.

Я ждал, хотя отлично понимал, что он не придет. Было всего 7:30 вечера, но я выставил будильник, чтобы вовремя прибыть в Мирз-Старбак, разделся, залез в постель, выключил свет и лежал в темноте. Делать было нечего, идти некуда. Родители скоро завалятся спать и потушат свет.

Мой отец любил поговорку: «Раньше ляжешь, раньше встанешь, а кто рано встает, тому Бог дает».

Но ему Бог ничего не дал. Наверное, мне стоит попробовать все с точностью до наоборот, думал я.

Уснуть не получалось. А что если подрочить на мисс Мидуз? Нет — дешевый трюк.

Так я валялся в крошечной темноте, пребывая в полной прострации.

Первые мои три-четыре дня в Мирз-Старбак прошли однообразно. Фактически однообразие было самой надежной вещью в Мирз-Старбак. Этому способствовала жесткая кастовая система. Продавец никогда не перекинется словом с подсобным рабочим. Это меня задевало. Я толкал свою тележку и размышлял над этим фактом. Неужели продавцы были настолько интеллектуальнее подсобников? Одевались они, несомненно, лучше. И только. Меня бесила их уверенность в том, что именно должность дает им привилегированное положение. Но, возможно, если бы я был продавцом, то вел бы себя подобным образом. Поэтому я старался не замечать как подсобников, так и продавцов, вообще всех.

Итак, продолжал я свои размышления, толкая телегу, у меня есть работа. И это называется работой? Да не работа это, а сплошное унижение. Неудивительно, что люди предпочитают грабить банки. Почему, например, я не устроился верховным судьей или концертирующим пианистом? Потому что для этого нужно иметь образование, а образование стоит денег. Утешал тот факт, что я и не стремился кем-либо стать. И, несомненно, в этом преуспевал.

Подкатив тележку к лифту, я нажал кнопку, мысли текли дальше. Бабы рыщут в поисках денежных мужиков, им нужны знаменитости. А сколько шикарных женщин живет с опустившимися бездарями? Ну, мне лично женщина ни к чему. Особенно если жить с ней. Как могут мужики жить с бабами? Что это вообще такое? Я бы предпочел пещеру в Колорадо и трехгодичный запас пищи и питья. Лучше уж подтирать задницу песком. Да что угодно, но лишь бы не увязнуть с головой в этом безликом, тривиальном и трусливом существовании.

Лифт прибыл. Альбинос был на своем посту.

— Эй, я слышал, что вы с Мьюксом ходили вчера в бар!

— Да, он угостил меня пивом. Я сейчас на нуле.

— Ну, вы сняли кого-нибудь?

— Я — нет.

— Сгущайте, парни, может, в следующий раз возьмете и меня с собой?

Я бы вам показал, кого нужно цеплять.

— А ты знаешь?

— Да я тут всех знаю. Буквально на прошлой неделе я подцепил китаянку. И ты знаешь, я сам удостоверился в том, что о них говорят.

— А что о них говорят?

Лифт остановился, и двери открылись.

— Что у них пизденки расположены не вдоль, а поперек.

Ферис поджидал меня.

— Ты где пропадал?

— В «Домашнем саде».

— И что ты там делал, удобрял фуксии?

— Ага, в каждый горшок положил по какашке.

— Послушай, Чинаски...

— Ну?

— Комиковать здесь могу только я, усек?

— Усек.

— Держи, — протянул он мне накладную. — Я получил заказ из отдела мужской одежды. Соберешь товар, доставишь, получишь подпись и возвращайся.

Отделом мужской одежды заведовал Джастин Филлипс-младший. Это был благовоспитанный, утонченный молодой человек лет двадцати двух. У него была очень прямая осанка, темные волосы, темные глаза и мрачные губы. Сказывалось неудачное строение скул, но это едва бросалось в глаза. Он был бледен и носил костюмы темных тонов с восхитительными накрахмаленными сорочками. Девушки продавщицы обожали его — чувственного, интеллигентного и умного. Но и в нем была эта общая мерзость, возможно перешла от предшественников. Лишь один раз он нарушил традицию и заговорил со мной:

— Наверняка неприятно иметь такие ужасные шрамы на лице, да? Я подкатил тележку к отделу мужской одежды. Джастин Филлипс стоял, вытянувшись во весь рост, слегка откинув голову и уставившись куда-то вдаль, создавалось впечатление, будто ему подвластно видеть нечто такое, что другим не дано напрочь — это была его обычная поза — отрешенность. Возможно, я просто не мог распознать в этом хорошие манеры. Он всячески показывал, что выше той среды, в которой находился. Отличный трюк — воротить от всех морду и в то же время получать от них деньги. Может быть, именно за эту хитрость все управленцы и девушки-продавщицы так любили его. Они верили, что этот человек достоин большего, но он здесь и несмотря ни на что делает свою работу.

— Ваш заказ, мистер Филлипс, — сказал я, подкатив к прилавку.

Он проигнорировал мое появление, что, конечно, было неприятно, но, с другой стороны, я спокойно вывалил весь товар на прилавок, пока он таратился в проем между дверьми лифта.

И тут я услышал до боли знакомый золотой смех. Осмотревшись, я заметил компанию парней, с которыми учился в Челси. Они примеряли свитера, шорты и прочее барахло. Я знал их только в лицо, поскольку за четыре года совместного обучения мы ни разу не разговаривали. Верховодил у них Джимми Ньюхэл. Он был непобедимым полузащитником в нашей футбольной команде три года подряд. Его волосы восхитительно желтого цвета, казалось, всегда были залиты солнечным светом. Этакое крохотное солнце или маленький пожар в классной комнате. У него была широкая мощная шея, на которой сидела голова с совершенным лицом, будто изваянным великим скульптором. Все его элементы отвечали законам гармонии: нос, лоб, подбородок и все остальное. И его тело, под стать лицу, имело безупречные формы. Приятели Джимми не дотягивали до идеала, но были где-то близко. Компания примеряла свитера, смеялась, они развлекались в ожидании начала учебного года в Стэнфорде.

Джастин Филлипс подписал накладную, и я уже был на пути к лифту, как услышал возглас:

— ЭЙ, ЧИН! ЧИНАСКИ, А ТЕБЕ ИДЕТ ЭТОТ ХАЛАТИК!

Я приостановился и небрежно махнул им левой рукой.

— Посмотрите на самого классного парня в городе со времен Томми Дорси!

— Гейбл — туалетный ежик по сравнению с ним.

Я бросил свою телегу и подошел к ним. Не зная, что предпринять, я просто стоял и смотрел на них. Мне эти мудаки никогда не нравились. Для других, возможно, они были красавцами, но не для меня. Что-то в их телах было от женской фигуры. Мягкость присутствовала в них. Нет, ни за что не выдержать им настоящего испытания. Красивые пустышки. Они бесили меня. Нет, я ненавидел их. Они были частью кошмара, который всегда преследовал меня в той или иной форме.

— Эй, господин кладовщик, что же ты так и не сыграл за нашу команду? — спросил Джимми Ньюхэл, улыбаясь.

— Не хотел.

— Что, кишка тонка?

— Знаешь стоянку на крыше?

— Естественно.

— Увидимся там...

Они пошли на стоянку, а я снял халат и швырнул его в тележку. Джастин Филлипс-младший усмехнулся:

— Мой дорогой мальчик, ты подвергаешь свою задницу крупным неприятностям.

Джимми Ньюхэл поджидал меня в окружении своих приятелей.

— О, а вот и господин кладовщик!

— По-моему, на нем дамские панталоны?

Ньюхэл стоял в лучах солнца. Он был без рубашки и без майки. Впалый живот, выпуклая грудь. Выглядел он отлично. Какого черта нужно было мне залупаться? — думал я, чувствуя, как трясется нижняя губа. Меня охватил страх. Я смотрел на Ньюхэла, его золотые волосы пылали на солнце. Много раз я следил за ним на футбольном поле. Я видел его сквозные проходы ярдов на 50 или 60, когда сам болел за другую команду.

Теперь мы неподвижно стояли друг напротив друга. Он — голый по пояс, я в рубашке. Пауза затянулась.

Наконец Ньюхэл не выдержал:

— Ладно, сейчас я разберусь с тобой, — сказал он двинулся на меня. Но тут объявилась миниатюрная пожилая женщина в черном платье и крохотной фетровой шляпке на голове. В руках у нее было множество пакетов.

— Здравствуйте, мальчики, — сказала она, проходя мимо.

— Здравствуйте, мэм, — ответили мы хором.

— Чудесный денек выдался сегодня, — тарахтела дама, открывая дверцу автомобиля и загружая в него свои пакеты.

Разобравшись с ношей, она повернулась к Джимми:

— Ох, какая у тебя превосходная фигура, парень! Могу поспорить, что ты мог бы быть Тарзаном.

— Нет, мэм, — встрял я, — к сожалению, он обезьяна, а эти — его племя.

— Ах вот как, — улыбнулась старушка, села в автомобиль и запустила двигатель.

Мы подождали, пока она развернулась и укатила.

— Ну что ж, Чинаски, — продолжил Ньюхэл, — в школе ты был знаменит своим огромным ртом и глумливой усмешкой на дурацких губах. Сейчас я излечу тебя от этой напасти, — и ринулся на меня.

Я не был готов к отпору. Передо мной, на фоне голубого неба, мелькала фигура Ньюхэла и его кулаки. Он был проворнее обезьяны и крупнее. Я ощущал удары его кулаков, они были словно каменные. Мне казалось, что я уже не смогу нанести ни одного ответного удара. Сквозь прищуренные подбитые глаза я продолжал наблюдать, как его кулаки молотили меня. Черт бы его взял, он не выдыхался, и отступать уже было некуда. Я стал подумывать, возможно, это я слабак, может, я должен просто убежать?

Но постепенно мой страх стал ослабевать и совсем исчез. Осталось

лишь удивление его силе и выносливости. Где он научился этому? Этакая свинья? А он все долбил. Я уже ничего не мог видеть — глаза застили желтые, зеленые, лиловые вспышки и вдруг ужасный взрыв КРАСНОГО... И я понял, что падаю.

Как такое могло случиться?

Я приземлился на одно колено. Над головой послышался звук пролетающего самолета. Мне захотелось оказаться в нем. Губы и подбородок были мокрыми, это из носа бежала моя теплая кровь.

— Оставь его, Джимми. Он готов...

Я поднял голову и сфокусировал взгляд на Ньюхэле.

— Похоже, твоя мамаша неплохо отсасывает, — выговорил я.

— УБЬЮ!

Ньюхэл бросился на меня раньше, чем я успел подняться. Он схватил меня за глотку, мы повалились на асфальт и покатались, покатались и закатались под «додж». Там Ньюхэл обо что-то ударился головой. Не знаю, обо что, я услышал только звук. Все произошло так быстро, что другие ничего не поняли. Ньюхэл ослабил хватку, я вырвался и выбрался из-под машины. За мной вылез и Джимми.

— Я убью тебя, — повторил он и снова замахал кулаками.

Он молотил с прежней яростью, но удары были уже не те. Он ослабел. Теперь после его попаданий у меня перед глазами не появлялись цветные вспышки. Я видел небо, припаркованные авто, лица его друзей и его самого. Я всегда медленно раскачиваюсь. Ньюхэл пытался сохранить преимущество, но он явно выдохся. И я поднял свои короткие руки. Мои руки — мое проклятие — вшивое оружие.

Что за утомительные были времена — годы моей юности — я хотел жить на полную катушку, но не имел ни малейшей возможности.

Я нанес ему сильный удар правой в живот, он стал задыхаться. Тогда я схватил его левой за шею и еще раз приложился правой в живот, потом оттолкнул и тут же пару раз съездил по его точеной физиономии. У него глаза полезли на лоб. Раньше он не испытывал такого. Золотоволосый был в ужасе. Он не знал, что такое поражение, как его переносить и запаниковал. Я решил прикончить его не спеша.

Но тут я получил удар сзади по голове.

Кто-то здорово приложился. Я повернулся — это был его рыжеволосый друг Кол Ивэнс.

Замахнувшись на него, я заорал:

— Пошел на хуй! Я разберусь со всеми вами по очереди! Ты следующий!

Джимми долго не простоял. Я слегка потанцевал вокруг него, затем атаковал. Сначала он держал удары здорово, я даже стал подумывать, что не смогу завалить его. Но он вдруг пошатнулся, посмотрел на меня так, будто хотел сказать: «Эй, послушай, мы могли бы стать корешами, посидеть в баре и выпить по паре пива» и рухнул.

Приятели подскочили к нему и подняли на ноги. Поддерживая его под руки, они справлялись:

— Ты в порядке, Джим?

— Что этот ублюдок сделал с тобой? Скажи только слово, Джим, и мы размажем его в говно.

— Отведите меня домой, — сказал свое слово Джимми.

Я наблюдал, как они спускались по лестнице и каждый пытался поддерживать своего лидера. Один парень нес его рубашку и майку..

Я вернулся к своей телеге. Джастин Филлипс встретил меня презрительной усмешкой.

— Я не надеялся тебя снова увидеть.

— Не фамильярничай с неквалифицированной рабсилой, — ответил я и покатил телегу к лифту.

Мое лицо и одежда были в ужасном беспорядке. Я нажал кнопку лифта. Альбинос, как ни странно, не заставил себя ждать. Двери открылись.

— Нет слов, — сказал лифтер. — Я слышал, ты стал чемпионом в тяжелом весе.

Там, где годами ничего не происходит, новости распространяются очень быстро.

Полутораухий Ферис поджидал меня.

— Ты решил перебить всех наших посетителей?

— Только одного.

— Откуда нам знать, что ты не возьмешься за остальных?

— Он первый избил меня.

— Нас это не касается. Факт налицо. Ты перешел все границы.

— Как насчет моего чека?

— Вышлем по почте.

— Отлично. До встречи...

— Подожди. Верни ключ от шкафчика.

Я достал цепочку, на которой болтался единственный ключ, отцепил его и отдал Ферису.

Дверь служебного хода была стальная, тяжелая и неуклюжая. Я отворил ее и, стоя в потоках дневного света, махнул на прощание своему

первому управляющему рукой. Он не ответил, просто смотрел на меня. Я вышел, и дверь захлопнулась. Как бы там ни было, но мне понравился этот человек.

— Значит, ты не смог продержаться на работе и неделю?

Мы ели тефтели со спагетти. Мои проблемы всегда обсуждались за ужином. Ужин — самое несчастливое время суток. Я не ответил на поставленный отцом вопрос.

— Так что случилось? Почему они дали тебе под зад?

Я молчал.

— Генри, отвечай, когда с тобой отец разговаривает! — не выдержала мать.

— Да он просто не выдержал, вот и все!

— Посмотри на его лицо, — обратилась к отцу мать, — оно все в ушибах и ссадинах. Генри, твой начальник не бил тебя?

— Нет, мама...

— Ну, почему ты не ешь, Генри? У тебя никогда не бывает аппетита.

— Он не может есть, — начал отец, — он не может работать, он ничего не может, и ни одна баба ему не даст!

— Незачем говорить о таких вещах за столом, папочка, — пожурела его мать.

— Так это правда! — воскликнул отец, накручивая спагетти на вилку

Он соорудил огромный шар, запихнул его в рот и принялся жевать. Чавкая, он подцепил тефтельку, запустил ее следом и в завершение присовокупил кусок французской булки.

Я вспомнил Ивана из «Братьев Карамазовых»: «Кто не хотел убить своего отца?» — вопрошал парень.

Отец старательно перемалывал это месиво пищи, и одна макаронина свисала с его губ. Наконец он заметил беглянку и с шумом всосал ее в общий котел.

Прожевав, отец засыпал в чашку кофе две чайные ложки сахара с горкой, размешал и сделал гигантский глоток, который тут же выплюнул мимо своей тарелки прямо на скатерть.

— Да это крутой кипяток!

— Аккуратней, папочка! Не нужно так спешить, дорогой, — сказала на это мать.

По настоянию родителей я стал околачиваться на бирже труда, но это было тупое и бесполезное занятие. Нужно было иметь знакомства, чтобы устроиться хотя бы помощником официанта. А так можно

было рассчитывать только на посудомойку, город кишел посудомойщиками. И я просиживал вместе с этим скопищем невестребованной рабсилы в Першинг-сквере полуденные часы. Здесь же располагались евангелисты, у одних были барабаны, у других гитары, по кустам и уборным шастали гомики.

— У педиков всегда есть деньги, — рассказывал мне один бродяга, совсем юнец. — Я у одного прожил две недели. Пил, жрал все, что хотел, он даже купил мне кое-какие шмотки, но по ночам высасывал, сука, из меня все силы. Я скоро вставать с кровати не мог. Однажды ночью сбежал, пока он спал. Погано было. Один раз он попробовал меня поцеловать в губы, я так въебал ему, что он летел через всю комнату. «Еще раз сделаешь такое, убью!» — сказал я ему.

Еще было хорошее местечко — кафетерий Клифтона. Если денег не хватало, они брали сколько было. А если вовсе не было, то можно было поесть и даром. Многие бродяги приходили туда и хорошо питались. Держал это заведение какой-то богатый старик, очень неординарная личность. Но я не мог заставить себя прийти туда и нажраться до отвала на дармовщину. Я брал кофе, кусок яблочного пирога и давал им пятак. Иногда я разрешал себе съесть пару горячих сосисок. Там было тихо, прохладно и чисто. Приятно было посидеть возле декоративного водопада — возникала иллюзия, что жизнь прекрасна. Можно было пробыть там весь день, попивая чашку кофе за три цента, и никто не попросит вас удалиться, как бы скверно вы ни выглядели. Выставлялось только одно условие — бродяг просили не приносить и не распивать спиртное. Такое место было островком надежды для тех, у которых ее совсем не оставалось.

Между тем в Першинг-сквере люди днями напролет спорили на тему: есть Бог или Его нет. Большинство выдвигали довольно слабые аргументы, но время от времени сходились по-настоящему подкованные Верующий и Атеист, и на это стоило посмотреть и послушать.

Когда у меня заводилось несколько монет, я шел в бар, который располагался под большим кинотеатром. Мне было 18, но меня обслуживали. Выглядел я неопределенно, иногда на 25, а порой и на 30. Бар держал китаец, он никогда ни с кем не разговаривал. Все, что от меня требовалось, это расплатиться за первое пиво, потом платил какой-нибудь озабоченный гомик. Чтобы не было противно, приходилось переключаться на виски. Я раскручивал его на виски, но когда он подступал уж совсем близко, меня тошнило, я отталкивал его и уходил. Со временем пидоры раскусили меня, и местечко потеряло свою привлекательность.

Посещения библиотеки наводили на меня тоску. Я быстро пресытился

чтением книг и вскоре просто хватал первый попавшейся под руку том, желательно потолще, и шел по залу, высматривая девиц. Всегда находились одна или две симпатичные, молодые. Я садился за три-четыре стула от нее и прикидывался, будто читаю, стараясь выглядеть настоящим интеллектуалом. Я надеялся, что какая-нибудь да клюнет на меня. Я знал, что безобразен, но думал, что если я буду выглядеть достаточно интеллигентным, то и у меня появится шанс. Но, увы, это никогда не срабатывало. Девушки сосредоточенно делали записи в свои блокноты, потом вставали и уходили, тогда как я наблюдал за мерными и магическими движениями их тел под чистенькими платьями. Интересно, что бы Максим Горький предпринял в таких обстоятельствах?

Дома разыгрывался один и тот же сценарий. Вопросы не задавались, пока мы не усаживались за ужин.

— Ты нашел работу? — спрашивал отец, отведав первое блюдо.

— Нет.

— А пытался?

— Много раз. В некоторые места заходил по два-три раза.

— Не верю.

Но это было правдой. Как было правдой и то, что многие компании давали объявления в газеты, но свободных рабочих мест не имели. Так они поддерживали на плаву свои отделы кадров. А еще убивали время и надежды многих отчаявшихся людей.

— Ничего, ты найдешь работу завтра, Генри, — заканчивала разговор мать...

Гитлер разворачивал военные действия в Европе, создавая рабочие места для своих безработных. Я искал работу все лето, но так и не нашел. Джимми Хэтчер получил место на авиационном заводе. В тот день я был вместе с ним, и мы одной ручкой заполнили анкеты. Мы заполнили их идентично, кроме одной графы — место рождения. Я поставил — Германия; Джимми — Рэдинг, Пенсильвания.

— Джимми получил работу на авиационном заводе, — выговаривала мне мать, — а ведь он заканчивал ту же самую школу, что и ты, и лет ему столько же. Почему же тебе отказали?

— Зачем им человек, у которого на лице написано, что он не любит работать, — вмешался отец. — Все, на что он способен, это просиживать в спальне свою чугунную задницу и слушать симфонии по радио!

— Ну, мальчик любит музыку. Это уже что-то.

— Но что он может с этим «что-то» сделать? Это БЕСПОЛЕЗНО!

— Ну, а что тут можно сделать? — не выдержал я.

— Ты должен пойти на радиостанцию и сказать, что обожаешь такого рода музыку и можешь работать ведущим радиопередачи.

— О Боже, если бы было все так просто!

— А откуда ты знаешь? Ты что, пробовал?

— Да я знаю, что это невозможно.

Отец потянул в рот большой кусок свиной отбивной. Сальный край торчал между губ, пока он пытался прожевать мясо. Казалось, что у него три губы. Когда с отбивной было покончено, отец обратился к матери:

— Вот видишь, твой мальчик просто не хочет работать.

Мать посмотрела на меня и задала свой постоянный вопрос:

— Генри, ты почему не ешь?

В конце концов было решено, что я должен пойти в городской колледж. Тем более, что обучение было бесплатным, а подержанные учебники можно было приобрести в букинистическом магазине. Отец стыдился, что я был безработным, а посещение колледжа придавало бы ему респектабельности. Эли Ла Кросс (Плешивый) уже проучился там семестр, он-то и проконсультировал меня.

— На каком факультет меньше всего мозгоебки? — спросил я.

— На журналистике. Они там ничего не делают.

— Отлично. Буду журналистом.

Я пробежал расписание занятий.

— А что это за координационный день?

— Ой, это чушь несусветная. Можешь пропустить.

— Спасибо, что предупредил. Давай тогда заглянем в тот бар, что напротив колледжа и примем по паре пива.

— Вот это правильно!

— Надо думать.

После координационного дня был день выбора учебных дисциплин. Я прибыл в колледж на трамваях с пересадкой: «W» до Вермонта, а там на «V» до Монрои. Народ носился по университетскому городку с брошюрами и бумагами. Я понятия не имел, что мне делать, куда все бегут. Я разнервничался.

— Извините меня... — обратился я к девушке, но она лишь мельком глянула на меня и уликнула.

Тогда я схватил пробегавшего парня за пояс и остановил его.

— Ты что делаешь? Совсем уже...

— Заткнись. Я хочу узнать, куда это все несутся? Мне-то что делать?

— Так вам же вчера все объяснили! Для чего тогда координационный день?

— Ох, черт...

Я отпустил его. Парень исчез, оставив меня в полном неведении. Я-то представлял себе, что приду в колледж, скажу, что хочу изучать Журналистику, и мне выдадут расписание занятий. Но ничего подобного. И я снова почувствовал себя первоклассником, который ничего не знает и с ужасом смотрит на коварных старшеклассников. Я сел на скамейку и стал разглядывать снующих взад и вперед людишек. «А что если устроить фикцию? — пришла мне в голову забавная мысль. — Буду говорить родителям, что занятия в колледже идут полным ходом, а сам целыми днями буду валяться на газоне».

Но тут я узнал в пробегающем мимо студенте Плешивого. Я вскочил и схватил его сзади за воротник.

— Эй, эй, Хэнк! Ты чего делаешь?

— Сейчас увидишь, придурок!

— Да что случилось? В чем дело?

— Как мне теперь получить это ебучее расписание? Что делать?

— Я думал, ты знаешь?

— Откуда? Что я, родился с этим знанием?

Я потащил его к скамейке, удерживая за ворот рубашки.

— Давай выкладывай все по порядку, коротко и ясно. Что нужно

сделать и как. Справишься, будешь пока жить!

И Плешивый все разъяснил. У меня был персональный координационный день. Напоследок, все еще держа его за воротник, я заявил.

— Сейчас я отпускаю тебя. Но наступит день, когда ты заплатишь мне за всю эту мозгоебку. Не знаю когда, но это обязательно случится.

Я отпустил его, и он смешался с потоком студентов. Получалось, что мне уже не имело смысла спешить и беспокоиться. Все равно теперь на мою долю оставались наихудшие классы, наипротивнейшие учителя и неудобнейшие часы. Я не спеша брел по университетскому городку и подписывал класс за классом. Выходило, что я был самый незаинтересованный студент во всем колледже. Меня посетило чувство превосходства.

Но ненадолго, до моего первого урока Английского, назначенного на 7 утра. На часах было 7:30, я был с бодуна, стоял у двери класса и прислушивался. Родители выдали мне деньги на учебники, а я их пропил. Ночью улизнул через окно своей комнаты и просидел до закрытия в ближайшем баре. От выпитого пива меня трясло. Я еще не проспался. Решившись, я открыл дверь и вошел. Мистер Гамильтон, наш преподаватель Английского, стоял перед классом и пел. Громко работал граммофон, и класс пел вместе с мистером Гамильтоном песню Гилберта и Салливана.

Теперь я правитель Королевской Флотилии...

И все послания вывожу круглым почерком...

Теперь я правитель Королевской Флотилии...

Придвиньтесь ближе к своим конторкам

и никогда не выходите в море...

Все могут быть правителями

Королевской Флотилии...

Я прошел в конец классной комнаты и отыскал свободное место. Гамильтон выключил граммофон. В черно-белом крапчатом костюме с ярко-оранжевой манишкой на груди он смахивал на Эдди Нельсона. Повернувшись к классу лицом, он взглянул на свои часы и обратился ко мне:

— Надо понимать, вы мистер Чинаски?

Я отвесил поклон.

— Вы опоздали на тридцать минут.

— Да.

— Позволили бы вы себе такое опоздание, скажем, на свадьбу или

похороны?

— Нет.

— Почему же нет, поясните, будьте любезны?

— Ну, если бы это были мои похороны, я бы просто обязан был находиться на месте. Если же это была моя свадьба, то можно считать ее моими похоронами.

Я стал скор на язык.

— Милостивый государь, — отозвался мистер Гамильтон, — мы слушали песню Гилберта и Салливана в порядке изучения правильности произношения. Встаньте, пожалуйста.

Я поднялся.

— Будьте добры, спойте: Придвиньтесь ближе к своим конторкам и никогда не выходите в море... Все могут быть правителями Королевской Флотилии...

Я смутился.

— Ну же, не стесняйтесь!

Я быстро повторил текст и сел.

— Мистер Чинаски, я едва мог расслышать вас. Не могли бы вы спеть с большим энтузиазмом?

Я снова поднялся, наполнил легкие воздухом под завязку и заорал:

— ЕСЛИ ХОЧИТЕ СТАТЬ ПРАВИТЕЛЕМ КАРАЛЕВСКОЙ ФЛАТИЛИИ, ПРИДВИНЬТЕСЯ БЛИЖИ К СВАИМ КАНТОР-КАМ И НИ ХАДИТЕ В МОРЕ!

У меня получилось задом наперед.

— Садитесь, пожалуйста, мистер Чинаски, — сказал мистер Гамильтон.

Я сел. Во всем этом был повинен Плешивый.

Занятия физкультурой у всех факультетов проходил в одно и то же время. Шкафчик Плешивого находился в одном ряду с моим. Я появился в раздевалке раньше всех. Дело в том, что у нас с Плешивым была одинаковая проблема — шерстяные брюки. Мы ненавидели шерсть, потому что она терзала наши ноги, но наши родители просто обожали наряжать нас в шерстяные брюки. Я нашел решение проблемы и по секрету поделился с Плешивым. Все, что от нас требовалось, это поддевать под брюки пижаму.

Я открыл свой шкафчик, быстро снял брюки и пижаму, которую потом затолкал вглубь верхнего отдела. Затем, когда в раздевалке стали появляться и другие ребята, я спокойно начал переодеваться в спортивную форму.

Из-за этих пижам мы с Плешивым попадали в курьезные истории. Но то, что произошло с Плешивым, достойно особого внимания.

Однажды вечером он гулял со своей подружкой, и они зашли потанцевать. В перерыве между танцами подружка спросила:

— Что это у тебя?

— Где?

— Вон что-то торчит из-под брючины.

— Что?

— Боже! Ты что, надеваешь под брюки пижаму?!

— Я? Ах, это... Да, я, должно быть, позабыл снять...

— Я ухожу!

На этом их отношения оборвались.

В раздевалке было уже полно народу, когда появился Плешивый и открыл свой шкаф.

— Как дела, чувак? — спросил я его.

— О, Хэнк, привет...

— Сегодня в семь утра у меня был Английский. Достойное начало дня. Только оно должно называться Музыкальная Аттестация.

— Ах да — Гамильтон. Я слышал про него. Хи-хи-хи...

Ему было смешно. Я подошел к смехачу.

Плешивый уже расстегнул брюки, и я одним рывком спустил их до колен, обнажив белые в зеленую полоску пижаму. Он попытался натянуть брюки, но не хватило силенок.

— ЭЙ, РЕБЯТА, СМОТРИТЕ! БЛЯХА-МУХА, СРЕДИ НАС ПАРЕНЬ В ПИЖАМЕ!

Плешивый отчаянно боролся. Его лицо сделалось пунцовым. Вокруг нас стали собираться студенты. И я сделал еще хуже, я спустил с него пижаму.

— А ЗАГЛЯНИТЕ СЮДА! КРОМЕ ТОГО, ЧТО ЭТОТ ПРИДУРОК ЛЫСЫЙ, У НЕГО ЕЩЕ И ЧЛЕН РАЗМЕРОМ С ПРЫЩ! ЧТО ЖЕ ОН БУДЕТ ДЕЛАТЬ, КОГДА БАБА РАЗДВИНЕТ ПЕРЕД НИМ НОГИ?

Переодевавшийся по соседству крупный парень сказал:

— Чинаски, а ты вправду козел!

— Да, — подтвердили двое других парней.

— Точно, дерьмо! — присоединились еще голоса.

Плешивый натянул брюки. Я позволил ему. Потому что он разревелся.

— А Чинаски тоже одевает пижаму! — завопил он, оглядывая собравшихся. — Он сам научил меня! Посмотрите в его шкафчике, посмотрите! — с этими воплями он подскочил к моему шкафчику, распахнул дверцу и выбросил всю одежду. Пижамы среди нее не было.

— Он спрятал ее! Я знаю, он где-то спрятал ее!

Я поднял с пола одежду, повесил ее в шкаф и пошел на переключку. Встав во второй ряд, я сделал несколько низких приседаний. Рядом со мной встал другой здоровяк. Я слышал его имя — Шалом Студальски.

— Чинаски, — сказал он мне, — ты козел.

— Не заводи меня, мужик. Я чересчур нервный.

— А если я хочу завести тебя?

— Смотри, не пожалей потом, толстяк.

— Знаешь местечко между корпусом биологии и теннисными кортами?

— Ну, видел.

— Встретимся там после физкультуры.

— Обязательно.

В назначенном месте я не появился. Сразу после физкультуры рванул на трамвае в Першинг-сквер, задвинув оставшиеся занятия. Я уселся на скамейку и стал ждать. Прошло довольно много времени. Наконец, нашлись Истинный верующий и Прожженный атеист и затеяли спор. Оппоненты оказались слабоваты. Я пытался выступить как Агностик. Но моя агностика не спасла спор. Я покинул парк и спустился по 7-й на Бродвей. Это был центр города. Делать там тоже было нечего. Люди толпились у перекрестка, поджидая, когда сменится сигнал светофора, и они смогут перейти на другую сторону улицы. Вскоре я почувствовал зуд в

ногах. Моя пижама осталась в верхнем отделении шкафа. Денек выдался на редкость вшивый от начала до конца. Я вскочил в трамвай «W» на ходу, уселся на заднее сиденье и покати́л домой.

Только одного студента я встретил в городском колледже, который мне понравился. Это был Роберт Беккер. Он хотел стать писателем.

— Я изучу все, что касается писательства. Знаешь, это — как разобрать досконально, до последнего винтика, автомобиль, а потом заново его собрать.

— Звучит сурово, — сморщился я.

— Я справлюсь.

Беккер был где-то на дюйм пониже меня, но зато коренастей, крепче сложен, с мощными плечами и сильными ручищами.

— В детстве я сильно болел, — рассказывал он мне. — Вообще не мог двигаться. Целый год я валялся в кровати и мял в руках теннисные мячи. Только благодаря настырности я поднялся.

Беккер работал ночным посыльным. Ночью зарабатывал себе на жизнь, днем учился в колледже.

— Как ты нашел работу?

— По знакомству.

— Могу поспорить, что я тебя уделаю.

— Возможно, а возможно — и нет. Меня только писательство увлекает.

Мы сидели в беседке с видом на один из университетских газонов. Двое парней пристально разглядывали меня. Потом один заговорил:

— Эй, — обратился он ко мне, — можно спросить тебя кое о чем?

— Попробуй.

— Я помню тебя по начальной школе. Тогда ты был слабаком. А сейчас смотрю, ты крутой мужик. Что случилось с тобой?

— Не знаю.

— Стал циником?

— Возможно.

— И ты счастлив?

— Да.

— Тогда ты не циник, потому что циники не могут быть счастливыми!

Парни исполнили между собой водевильное рукопожатие с реверансом и, гогоча, убежали.

— Они тебя обидели, — сказал Беккер.

— Нет, слишком сильно старались, чтобы обидеть.

— А если серьезно, ты циник?

— Я неудачник. Был бы циником, чувствовал бы себя лучше.

Мы покинули беседку. Занятия кончились, и Беккер решил оставить книги в своем шкафу. Мы пошли в раздевалку, там он протянул мне пять-шесть отпечатанных листков.

— Прочитай. Это мой рассказ.

Мы перешли к моему шкафчику, и я передал Беккеру бумажный пакет.

— Врежь...

В пакете была бутылка портвейна.

Беккер отхлебнул и передал мне.

— Ты что, всегда держишь в шкафу пузырь?

— По возможности.

— Послушай, сегодня у меня свободная ночь. Не хочешь познакомиться с моими друзьями?

— Я не нахожу в людях ничего хорошего.

— Ну, люди разные бывают.

— Да? И где это? У тебя?

— Нет. Сейчас я черкну тебе, — и он написал мне адрес на клочке бумаги.

— Слышь, Беккер, а чем эти люди занимаются?

— Пьют.

Я положил клочок в карман.

Вечером после ужина я прочитал рассказ Беккера. Он был хорош, и во мне зашевелилась ревность. Речь там шла о том, как он ночью на своем велосипеде доставлял телеграмму одной красивой женщине. Описание было живым и чистым, с оттенком мягкой благопристойности. Чувствовалось влияние Томаса Вулфа, но Беккер так не стенал и не наигрывал, как это делал Вулф. Эмоции присутствовали, но они были выписаны не неоновыми буквицами. Да, Беккер умел писать, и лучше меня.

Родители купили мне печатную машинку, и я настучал несколько рассказов, но они получились слишком горькими и очень небрежными. Нет, нельзя сказать, что они уж совсем были плохи, но все же складывалось впечатление, будто мои истории какие-то скудные, в них не было собственных живительных сил. Моя писанина была мрачнее Беккеровой и на порядок чуднее, но это не срабатывало. Ну, пара-тройка из написанных историй все же действовала на меня, да и то получалось так, что они лишь заводили в какие-то дебри вместо того, чтобы быть в них проводником. Беккер, несомненно, писал лучше. Может быть, мне заняться рисованием?

Я дождался, пока родители уснут. Отец всегда громко храпел. Услыдав

сотрясение воздуха, я открыл окно и спустился в кусты. По ним я выбрался в соседний переулок и растворился в темноте улицы. По Лонгвуд я добрался до 21-й, свернул направо и по Вествью добрался до конечной остановки трамвая «W». Опустив жетон в кассу, я прошел на заднее сиденье и там закурил сигарету. Если друзья Беккера окажутся под стать его рассказу, то ночь предвещала быть просто замечательной.

К тому времени, когда я нашел означенное место на Векон-стрит, Беккер был уже там. Его друзья расположились на кухне. Беккер проводил меня к ним и представил. Были: Гарри, Лана, Проглот, Вонючка, Выпь, Эллис, Собачья Пасть и наконец Потрошитель. Они все сидели вокруг большого кухонного стола. Среди собравшихся только Беккер и Гарри имели работу. Лана, единственная присутствующая женщина, была женой Гарри, а Проглот их сын. Он тоже сидел вместе со всеми на высоком детском стульчике. Когда нас познакомили, Лана посмотрела мне прямо в глаза и улыбнулась. Все они были молоды, стройны и дымили самокрутками.

— Беккер рассказывал нам о тебе, — поведал Гарри. — Говорил, что ты писатель.

— У меня есть печатная машинка.

— А ты про нас чего-нибудь напечатаешь?

— Сначала хотелось бы выпить.

— Отлично. Мы как раз устраиваем конкурс на лучшего алкаша, — оживился Вонючка. — У тебя есть какие-нибудь деньги?

— Два доллара...

— Значит сегодня ставка — два доллара. Выкладывайте! — скомандовал Гарри.

Набралось восемнадцать долларов. Кучка выглядела очень соблазнительно. Тут же появилась бутылка и стаканчики.

— Беккер говорил, ты крепкий парень. Это правда?

— Ага.

— Сейчас посмотрим.

Свет на кухне был очень яркий, а виски крепкий — темно-коричневый напиток. Гарри наполнил наши стаканчики. Красота. Мой рот, моя глотка изнывали от нетерпения. «О, Джони! О, Джони, как ты умеешь любить!» — пел женский голос по радио.

— До дна! — выкрикнул Гарри.

Быть такого не могло, чтобы я проиграл. Я пил бы днями напролет, но мне всегда не хватало денег.

У Проглота тоже был свой крохотный стаканчик. И он пил вместе с

нами. Все считали, что это очень забавно, но я не видел ничего смешного в том, что малыш пьет крепкий виски. Но разве я мог возражать.

Гарри разлил по второму кругу.

— Ты прочитал мой рассказ, Хэнк? — спросил Беккер.

— Ага.

— Ну, и как тебе?

— Хорошо. Ты уже созрел. Все, что тебе нужно, — удача.

— До дна! — скомандовал Гарри.

Со второй проблем не было, мы все опрокинули свои порции, включая и Лану.

Гарри посмотрел на меня.

— Не пора попугать унитаза, Хэнк?

— Нет.

— Ладно, если сам не доползешь, у нас есть Собачья Пасть.

Собачья Пасть был больше меня раза в два. Уж так паскудно устроен мир. Куда бы вы ни посмотрели, всегда найдется кто-нибудь, кто готов вцепиться вам в глотку. Посмотрев на громилу, я спросил его:

— Как дела, приятель? — и подмигнул.

— Иди ты в жопу, дятел, — ответил он. — Сиди и пей.

Гарри наполнил всем под завязку. Он обошел только Проглота. Я оценил это.

Итак, с очередным раундом все справились достойно. Но тут Лана заявила, что выбывает из игры.

— Кто-то же должен убрать за вами это дерьмо. Гарри рано утром идти на работу, — мотивировала она свою отставку.

Стаканы были уже наполнены для следующего раунда, когда дверь с грохотом распахнулась, и в комнату влетел молодец лет 22.

— Блядь, Гарри, спрячь меня! — выпалил он. — Я только что грабанул бензозаправку!

— Моя машина в гараже, — не задумываясь, ответил Гарри. — Ляг на пол в салоне и замри!

Мы выпили и снова налили. Рядом с восемнадцатью долларами в центре стола появилась новая бутылка. Мы все еще были в строю, кроме Ланы. «Похоже, потребуется немало виски, чтобы закончить пари», — подумал я и справился у Гарри:

— А нам хватит выпивки?

— Покажи ему, Лана...

Лана открыла дверцы верхнего шкафа, и я увидел целую батарею из бутылок виски, все одной марки. Похоже, они захватили целый грузовик,

наверное, так оно и было. Члены банды были все передо мной: Гарри, Лана, Вонючка, Выпь, Эллис, Собачья Пасть и Потрошитель, возможно, и Беккер был с ними и, конечно же, тот молодец, что сейчас лежит в машине Гарри на полу в салоне. Я возгордился тем, что пью с такой активной прослойкой населения Лос-Анджелеса. Этот Беккер не только владел пером, но и знал настоящих людей. И тогда я решил, что свой первый роман посвящу Роберту Беккеру. Мой роман будет лучше, чем книга «О времени и реке».

Гарри все наливал, а мы все выпивали. Кухня наполнилась голубым дымом от выкуренных сигарет.

Следующим выбыл Эллис. У него была слишком волосатая грудь, но, похоже, на яйцах волос совсем не водилось.

За ним Собачья Пасть. Великан неожиданно вскочил и бросился в сортир блевать. Слушая его рев, понесло и Гарри. Он склонился над раковиной.

Оставались я, Беккер, Вонючка и Потрошитель.

Беккер отключился первым. Сложил руки на стол, уронил на них голову — и был таков.

— Ночь еще совсем юная, — сказал я. — Обычно я пью, пока солнце не покажется.

— Ага, — отозвался Потрошитель, — и какаешь в ночной горшок.

— Точно, какашками с твою голову.

Потрошитель вырос над столом.

— Ты сука! Я тебе сейчас очко порву!

Он хотел съездить мне по уху прямо через стол, но промахнулся и опрокинул бутылку. Лана взяла тряпку, а Гарри полез за новой бутылкой.

— Сядь, Потрох, или потеряешь свою ставку, — сказал Гарри, наполняя наши стаканчики.

Мы опрокинули налитое. Потрошитель снова поднялся, отошел к задней двери, открыл ее и посмотрел в ночь.

— Эй, Потрох, ты куда там вылупился? — спросил его Вонючка.

— Смотрю, есть ли полная луна.

— Ну и как, есть?

Вместо ответа мы слышали, как он вывалился из двери, скатился по ступенькам в кусты и затих. Мы решили не тревожить его. Теперь нас осталось двое: я и Вонючка.

— Никто еще не мог перепить Вонючку, — предупредил Гарри.

Лана уложила Проглота и вернулась на кухню.

— Черт, по всему дому трупы валяются, — сообщила она.

— Наливай, — сказал я Гарри.

Гарри наполнил стакан Вонючки, потом мой. Я знал, что спокойно управлюсь с этой порцией. Пить — единственное, что я мог и умел делать, причем с легкостью. Я схватил свой стакан и залпом опрокинул его. Вонючка вытаращился на меня.

— Я сейчас вернусь, — выдавил он. — Мне надо отлить.

Мы сидели и ждали.

— Он хороший парень, — сказал я Гарри. — Почему вы зовете его Вонючкой? Откуда взялось такое прозвище?

— Не знаю, — сказал Гарри. — Кто-то просто ляпнул, и пошло-поехало.

— А этот парень в твоей машине?

— Он не появится до утра.

Мы сидели и ждали.

— Пойдем-ка посмотрим, — предложил Гарри.

Мы открыли дверь в ванную комнату — Вонючки не было. Мы вошли и увидели его. Экс-чемпион завалился в ванну, лишь ботинки торчали над краем. Вонючка отключился. Мы вернулись на кухню.

— Деньги твои, — сказал Гарри.

— Давай я заплачу за часть выпитого, — предложил я.

— Забудь.

— Ты серьезно?

— Абсолютно.

Я собрал выигрыш и положил в карман. На столе оставалась невыпитая стопка Вонючки.

— Жаль, добро пропадает, — сказал я.

— Ты что, хочешь еще выпить? — спросила Лана.

— А почему нет. На посошок, — и я прикончил остатки одним глотком. — Ладно, ребята, еще увидимся. Здорово посидели.

— Спокойной ночи, Хэнк...

Я вышел через заднюю дверь, перешагнул через тело Потрошителя и выбрался в проулок. Через несколько шагов я наткнулся на зеленый «шеви-седан». Я хотел его обойти, но меня качнуло и повело. Чтобы удержаться на ногах, я схватился за ручку задней дверцы. Дверь оказалась не запертой и распахнулась. Я грохнулся на тротуар и сильно ободрал левый локоть. Луна была полной. Все выпитое разом ударило мне в голову. Я чувствовал, что не могу подняться. Но раз меня считали крутым парнем, я должен был это сделать. Приподнявшись, я ухватился за открытую дверцу, затем дотянулся до внутренней ручки и влез на заднее сиденье. Но тут меня начало рвать.

Это были настоящие потоки, я заблевал весь салон. Опорожнившись и немного передохнув, я смог выбраться из «шеви». Меня почти не качало. Я достал носовой платок, стряхнул блевотину со штанов и ботинок. Закрыв дверцу машины, я побрел дальше. Мне предстояло отыскать остановку трамвая «W».

Я отыскал ее, дождался трамвая, доехал до Вествью-стрит, спустился на 21-ю, повернул на юг и добрался до Лонгвуд-авеню 2122. Свернув в соседний проулок, я отыскал нужный куст, пробрался к открытому окну, влез в свою комнату, разделся и рухнул на кровать. Должно быть, я употребил больше кварты виски. Отец продолжал храпеть, но теперь это звучало еще громче и отвратительней, чем когда я уходил. И все же я уснул.

Как обычно, на урок мистера Гамильтона по английскому языку я опоздал. На часах было 7:30 утра. Я стоял у двери и слушал. В классе звучал Гилберт и Салливан, и снова о сборах в море и Королевской флотилии. Гамильтон не мог жить без них. В средней школе учитель английской литературы признавал только По, одного По и никого кроме Эдгара Аллана По.

Я открыл дверь и вошел. Гамильтон убрал с пластинки звукозаписывающий аппарат и объявил классу:

— Когда мистер Чинаски появляется, значит на часах семь тридцать. Мистер Чинаски всегда вовремя. Одна беда — время неверное.

Затем он выдержал паузу, обводя взглядом лица своих студентов, и очень величественно продолжил:

— Мистер Чинаски, появляетесь ли вы в семь тридцать, или не появляетесь вовсе, роли не играет. За первый семестр по английскому языку и литературе вы получаете Ди.

— Ди? — сверкнул я своей знаменитой усмешкой. — А почему не Эф?

— Потому что Эф иногда приравнивают к фекалиям, а я не думаю, что вы такое уж эф...

Класс взорвался от хохота и разразился аплодисментами, они свистели и топали ногами. Я развернулся и вышел из класса, прикрыв за собой дверь. Класс продолжал бесноваться, пока я шел по коридору к выходу.

Гитлер вел победоносную войну в Европе. Большинство студентов не интересовались политикой, зато преподаватели — поголовно. Почти все они были левыми и антифашистами. Кажется, среди наших преподавателей взгляды правых разделял только мистер Глесглоу — инструктор по экономике — и то он очень осторожничал и скрывал это.

Среди интеллигенции было популярным и престижным отправляться на войну с Германией из идейных соображений — дабы остановить распространение фашизма. Что до меня, то я не желал воевать за ту жизнь, которую имел, а тем более за ту, которая меня ожидала в будущем. Я не считал, что обладал Свободой. У меня вообще ничего не было. И я даже подозревал, что при Гитлере у меня под рукой всегда была бы смачная жопа и денжат побольше, чем карманный доллар в неделю. Так что, насколько я мог рассуждать здраво, биться мне было не за что. К тому же я родился в Германии, и проявление лояльности к этому государству с моей стороны было естественным. Меня возмущало, когда я видел, как всех немцев, всю нацию поголовно, старались представить монстрами и идиотами. В кинотеатрах пленку с хрониками крутили на повышенной скорости, чтобы Гитлер и Муссолини выглядели истериками и сумасшедшими. И еще, поскольку все преподаватели были настроены против Германии, я лично не мог просто так взять и согласиться с ними. По причине полного отчуждения и природного упрямства, я решил противопоставить себя их точке зрения. «Майн Кампф» я никогда не читал и не имел никакого желания. Гитлер для меня был просто еще один диктатор с той лишь разницей, что вместо лекций за обеденным столом он скорее всего вышиб бы из меня мозги и публично вырвал с корнем яйца, если бы я не пошел воевать.

Порой, когда преподаватели часами живописали нам ужасы нацизма (слово «нацизм» ведено было писать с маленькой буквы даже в начале предложения) и фашизма, я вскакивал и выдавал что-нибудь наподобие:

— Вопрос выживания человеческой расы целиком и полностью зависит от того, сможет ли она создать строгую селекционную систему!

Я имел в виду: тотальный контроль сношений — кто и с кем. Правда, только я знал весь глубокий смысл своих слов. Зато оскорблялись все.

Понятия не имею, где я нахватался такой дряни:

— Одной из неудач Демократии является то, что большинство голосов

обеспечивает нам общего лидера, который потом и приводит общество к тотальной апатии и предсказуемости!

Я исключал всякие прямые ссылки на евреев и черных, которые ничего плохого мне не делали. Все мои беды исходили от белых соплеменников. Так что я не был истинным нацистом по темпераменту или по собственному выбору; этому способствовали наши учителя своей заурядностью, стандартным мышлением и предубеждением ко всему немецкому. Я где-то читал, что если человек по-настоящему не верит или до конца не осознает то, за что ратует, у него получается это гораздо убедительней. Мое фиגлярство давало мне значительное преимущество перед учителями.

«Обучить гужевую лошадь скачкам можно, но вы не получите от нее потомства, которое наследует новые качества и разовьет их, став еще быстрее и выносливее. Новая Господствующая Раса будет развиваться только при условии сохранения чистоты крови!»

«Нет хороших или плохих войн. Единственная плохая вещь в войне — это поражение. Все войны проходили под флагом борьбы за так называемое Правое Дело с обеих сторон. Но только победившее «дело» становилось исторической Истиной. Не важно, кто прав, кто виноват, а важно, у кого способнее полководцы и сильнее армия!»

Я влюбился в эту роль и играл ее вдохновенно.

Естественно, я понимал, что мое поведение все меньше и меньше оставляет мне шансов на отношения с девушками. Но они и так никогда не превышали нуля. Дикие речи и агрессивное поведение создавали вокруг меня полный вакуум, и одиночество, в котором я пребывал в университетском городке, было тому подтверждением. Но вскоре оказалось, что это не совсем так. Были и такие, кто прислушивался к моей ахинеи. Однажды я шел на занятия по Современной истории и услышал, что за мной по пятам кто-то идет. Я терпеть не мог, когда за спиной у меня кто-то был, тем более близко. Не останавливаясь, я обернулся. Меня преследовал президент студенческой организации Бойд Тэйлор. Он был очень популярен среди студентов, единственный человек в истории колледжа, который избирался президентом дважды.

— Эй, Чинаски, я хочу поговорить с тобой.

Меня никогда не интересовал Бойд — типичный представитель респектабельной американской молодежи с гарантированным будущим. Всегда одет должным образом, раскован, уравновешен, зализан, каждый волосок в его черных усиках подогнан к волоску. Что так привлекало в нем студенческую организацию, я понятия не имел. Он пристроился рядом.

— Не боишься подмочить репутацию, Бойд, если тебя увидят в моей компании?

— Я позабочусь о своей репутации.

— Ну хорошо. В чем дело?

— Чинаски, это останется между нами, договорились?

— Договорились.

— Знаешь, я не верю в то, что ты говоришь и что делаешь.

— Ну и?

— Но я хочу, чтобы ты знал, если вы победите и у нас, и в Европе, я с удовольствием приму вашу сторону.

Все, что я мог, это рассмеяться ему в лицо.

Он еще долго смотрел мне вслед. Никогда не доверяйте человеку с холеными усиками...

Были у меня и немногие последователи. Выходя из класса Современной истории, я наткнулся на Плешивого. Он стоял с парнем высотой в пять футов и в три фута шириной. Необычно круглая голова с еле заметными ушами вырастала у этого парня прямо из могучих плеч. Волосы коротко стрижены. Глаза как горошины. И тонкие мокрые губы.

«Ебанный в рот, — подумал я, — убийца!»

— ПРИВЕТ, ХЭНК! — заголосил Плешивой.

— Я думал, мы в разводе, Ла Кросс.

— Брось! Нас ждут великие дела!

Господи! И Плешивой туда же!

Почему идея Господствующей Расы привлекает только умственных и физических уродов?

— Познакомься, это Игорь Смирнов, — представил Плешивой громилу.

Мы сошлись в рукопожатии. Смирнов крепко стиснул мою руку. В нем чувствовалась недюжинная сила.

— Отпусти, — предложил я, — или мне придется сломать твою отсутствующую шею!

Игорь отпустил.

— Я не верю мужикам, если у них слабое рукопожатие. Ты что, не можешь как следует пожать руку?

— Я ослаб за сегодня. На завтрак хлеб подгорел, а в обед я пролил свое шоколадное молоко.

— Что это он несет? — спросил Игорь у Плешивого.

— Не обращай внимания. Это у него такой стиль.

Игорь снова посмотрел на меня.

— Мой дед был белогвардейцем в России. Во время революции красные убили его. Я должен отомстить этим ублюдкам.

— Понимаю.

— Эй, Фэнстер! — крикнул Плешивый проходившему мимо студенту.

Фэнстера звали Боб, он подошел. Мы все обменялись рукопожатиями. Я снова не усердствовал. Я вообще не любил тискать руки. Боб сообщил, что где-то в Гленделе состоится сбор членов партии «Америка для Американцев». Он являлся представителем от нашего колледжа. Когда Боб ушел, Плешивый прошептал мне на ухо:

— Они — Нацисты!

Мы договорились встретиться у дома Плешивого. Игорь приехал на машине, с собой у него был галлон рома. Мы забрались на заднее сиденье. Игорь рванул, и мы пустили бутылку по кругу. Русский вел машину, как танк, прямо на красный свет. Люди сигналили и давили на тормоза, а потомок белогвардейца наводил на них черный пистолет — муляж.

— Слышь, Игорь, покажи Хэнку свой пистолет, — попросил Плешивый.

Игорь передал мне подделку. Я осмотрел.

— Класс! — сказал Плешивый. — Он вырезал его из дерева и покрыл черной мастикой. Выглядит как настоящий, правда?

— Да, — согласился я. — Он даже дырку просверлил в стволе. Здорово, — сказал я Игорю, возвращая его игрушку.

Отхлебнув рому, я отдал бутылку Плешивому. Он посмотрел на меня и гаркнул:

— Хайль Гитлер!

Мы прибыли последними. Это был большой красивый дом. У входа нас встретил улыбчивый жирный парень по имени Ларри Кирли. Похоже, единственное, чем ему доводилось заниматься в своей жизни, это пожирать жареные каштаны. Впрочем, родители его производили приятное впечатление. Мы проследовали за Ларри по всему огромному дому, затем стали спускаться по темной лестнице. Я ничего не видел, кроме плеч и головы Кирли. Что и говорить, парень был откормлен на славу, да и выглядел умнее, чем Плешивый, Игорь, да и я. Может, здесь я почерпну что-нибудь полезное?

Мы оказались в подвале. Там уже был Фэнстер — он кивнул нам — и еще семь неизвестных мне личностей. Ларри прошел к столу, который стоял на возвышающейся платформе, а мы расселись на свободные стулья. Ларри встал у стола; за его спиной, на стене, висел огромный американский флаг. Ларри вытянулся и произнес:

— Сейчас мы поклянемся в верности на флаге Соединенных Штатов Америки!

«Бог ты мой, — подумалось мне, — я не туда попал!»

Мы встали и поклялись, но после слов: «Клянусь в верности...» я остановился. Не хотел я никому клясться.

Мы сели, и Ларри стал вещать. Он объяснил, что поскольку это было наше первое собрание, то председательствовать будет он. После двух-трех встреч, когда мы узнаем друг друга поближе, то можно будет переизбрать председателя, если мы захотим. Ну, а пока...

— Здесь в Америке мы имеем два явления, угрожающих нашей свободе. Это — коммунистический бич и засилье черных. Чаше всего они действуют рука об руку. Мы, истинные американцы, будем собираться здесь, чтобы противостоять бичу коммунизма и «черной» опасности. Дело дошло до того, что ни одна приличная белая девушка не может пройти по улице, чтобы к ней ни пристал черный самец!

— Мы будем убивать их! — вскочил Игорь.

— Коммунисты хотят поделить наши капиталы, которые зачинали наши предки и которые преумножают наши отцы. Они хотят раздать наши деньги черным, гомосексуалистам, бродягам, убийцам и попрошайкам, которые шныряют по нашим улицам!

— Мы перебьем их!

— Их нужно остановить.

— Мы будем вооружаться!

— Да, мы будем вооружаться! Мы будем собираться здесь и разработаем генеральный план спасения Америки!

Заговорщики воодушевились. Двое или трое прокричали «Хайль Гитлер!». Наконец настало время всем познакомиться поближе.

Ларри выставил холодное пиво, мы стояли маленькими группами и трепались. Ничего значительного сказано не было, за исключением того, что мы пришли к общему соглашению о необходимости практических занятий в военном деле, дабы свободно владеть оружием, когда наступит решающий момент.

На обратном пути мы заехали к Игорю, его родителей дома не было. Он достал сковородку, бросил на нее четыре куска масла и поставил на плиту. Затем вылил ром в большую кружку и тоже стал подогревать.

— Вот что пьют настоящие мужики, — сказал он и посмотрел на Плешивого. — Ты мужик, Плешивой?

Плешивой был уже пьян. Он стоял по стойке смирно, руки по швам.

— ДА, Я МУЖИК! — прокричал бедолага и заплакал. Слезы текли

градом, а он все твердил:

— Я МУЖИК! ХАЙЛЬ ГИТЛЕР!

Игорь взглянул на меня.

— А ты?

— Не знаю. Ром готов?

— Не нравишься ты мне. Я не верю, что ты из наших. Может, ты шпион? Вражеский агент?

— Нет.

— Значит, ты наш?

— Черт его знает. Только в одном я уверен на все сто.

— В чем?

— В том, что ты мне тоже не нравишься. По-моему, ром готов?

— Видишь? — сказал Плешивый Игорю. — Я же говорил тебе, что он кремень!

— Посмотрим, выдержит этот кремень до конца ночи, — ответил Игорь и вылил растопившееся масло в закипевший ром.

Выключив огонь, он тщательно размешал варево. Да, он не нравился мне, но в то же время он отличался от других, и это меня интриговало. Тем временем Игорь достал три чашки — огромные, голубые, с русскими надписями — и разлил по ним свой маслянистый ром.

— Ну, что ж, — сказал он, поднимая чашку, — выпьем!

— Давно пора, — отозвался я, взял свою и заглотил содержимое — пойло было очень горячим и вонючим.

Я посмотрел на Игоря. Он поглощал свое варево мелкими глотками, и золотистые капельки масла собирались в уголках его дурацкого рта. Глаза-горошинки над краями кружки косились на Плешивого. А тот стоял и таранился на оставшуюся чашку, предназначенную для него. Я уже давно знал, что Плешивый не питает настоящей любви к выпивке.

— Пей! — гаркнул Игорь, расправившись со своей порцией.

— Да-да, Игорь, я сейчас... — промямлил Плешивый и поднял голубую чашку.

Для него это было трудное испытание — слишком горячее и чересчур противное. Половина напитка прошла мимо рта и по подбородку стекала на рубашку, а пустая кружка выскочила из рук и грохнулась на пол.

Придвинувшись вплотную, Игорь сказал бедолаге:

— Ты не мужик!

— Я МУЖИК, ИГОРЬ! МУЖИК!

— ВРЕШЬ! — заорал Игорь и влепил пощечину.

Плешивый отвернулся, но Игорь ударом по другой щеке вернул его

голову на место. Плешивый вытянулся по стойке смирно и прошептал:

— Я... мужик...

Игорь не отступал от него.

— Я сделаю из тебя мужика!

— Ладно, — вмешался я, — оставь его в покое.

Игорь вышел из комнаты, а я налил себе еще умасленного рому — гадость совершеннейшая, но альтернативы не было.

Вернулся Игорь, в руках у него поблескивал настоящий, шестизарядный револьвер.

— Сейчас будем играть в русскую рулетку, — объявил потомок белоэмигранта.

— Пошел ты, — сказал я.

— Я буду играть, Игорь, — завопил Плешивый. — Я играю! Я мужик!

— Хорошо, — усмехнулся Игорь, — здесь один патрон, — он крутанул барабан и протянул револьвер Плешивому.

— Я мужчина... я настоящий мужчина, — бормотал пьяный Ла Кросс, взял револьвер и приставил дуло к виску. — Я докажу.

Он снова заплакал.

— Я сделаю... я мужик... — твердил Плешивый, но дуло соскользнуло с его виска, и тогда он спустил курок. Послышался щелчок.

Игорь забрал у него револьвер, снова прокрутил барабан и передал оружие мне.

— Сначала ты, — предложил я.

Игорь опять прокрутил барабан, вскинул револьвер вверх и посмотрел в патронник на свет. Затем он приставил дуло к виску и спустил курок. Щелчок.

— Лажа, — сказал я. — Ты проверил, где был патрон.

Игорь в очередной раз прокрутил барабан и протянул револьвер мне.

— Твоя очередь.

— Убери эту дрянь, — отмахнулся я и пошел к плите, чтобы еще плеснуть себе рому.

Не успел я сделать и шаг, как сзади раздался выстрел. Я обернулся. В полу возле моей ноги чернела дырка.

— Игорь, еще раз направишь на меня эту штуку, я тебя кончу.

— Да?

— Да.

Улыбаясь, он начал медленно поднимать револьвер. Я ждал. Но он не стал продолжать. Было уже поздно, и Игорь повез нас домой. Но по пути мы завернули в Вестлейк-парк, подкатили к озеру и взяли напрокат лодку

Нам вздумалось прикончить оставшийся ром на воде. Когда бутылка опустела, Игорь достал револьвер и прострелил дно в нескольких местах. Мы были ярдах в сорока от берега и терпели бедствие. Пришлось добираться вплавь...

Когда я, наконец, добрался до дома, была глубокая ночь. Воспользовавшись окном, я пробрался в свою комнату, разделся и лег в постель. По всему дому раздавался храп отца.

Я возвращался домой налегке по Вествью-хилл. Книг с собой я никогда не носил, экзамены сдавал, только слушая лекции и анализируя ответы других. Зубрежкой перед экзаменами я не занимался. На твердую «С» я всегда мог рассчитывать.

Спускаясь с холма, я прошел сквозь гигантскую паутину. Я всегда это делал. Потом, сдирая с себя липкие волокна, искал паука.

Когда находил — жирную черную тварь — добивал каблуком. Наверняка все пауки в округе меня ненавидели. Когда я спущусь в ад, буду растерзан ими.

Вся моя нелепая жизнь в этом районе состояла из борьбы с паутиной, черными пауками и своим отцом. Меня угнетала эта вечно мрачная атмосфера проклятия. Даже погода казалась оскорбительной и злобной. Или всю неделю от начала до конца стояло невыносимое пекло, или лил проливной дождь пять-шесть дней кряду. Вода заливала газоны и врывалась в дома. Тот, кто разрабатывал дренажную систему и, вероятно, неплохо заработал на этом, просто не знал о таком норовистом характере местной природы.

Мои личные дела оставались все так же плохи и беспросветны, что и раньше. Можно сказать, они были такими со дня рождения. С одной лишь разницей — теперь я мог время от времени выпивать, хотя и не столько, сколько хотелось бы. Выпивка помогала мне хотя бы на время избавиться от чувства вечной растерянности и абсолютной ненужности. Все, к чему бы я ни прикасался, казалось мне пошлым и пустым. Ничего не интересовало, совершенно. Люди выглядели ограниченными в своей осторожности и щепетильной сосредоточенности на повседневных делах. И мне предстоит жить с этими уебищами всю оставшуюся жизнь, думал я. Господи, какое скопище ног, рук, подмышек, ртов, хуев, пизд и жоп. Они срут, ссут, болтают, и все они не стоят кучи лошадиного навоза. Девушки выглядели привлекательными, но только на расстоянии. Солнце просвечивало сквозь их легкие платья и радужно сияло в волосах. Но стоило только приблизиться к ним и прислушаться к их мыслям, лавиной сыплющимся из незакрывающихся ртов, как мне хотелось немедленно вырыть себе нору где-нибудь под холмом и спрятаться там с автоматом. Для меня не было сомнений в том, что я не способен на счастливый брак, что у меня никогда не будет детей. Да о чем говорить, если я даже не мог

заполучить работу посудомойщика.

Может быть мне заделаться грабителем банков? Такая же мура, только с выстрелами, дымом и погонями. Но человек должен делать выбор, и на это у него всего один патрон. Почему бы не мойщиком окон?

Я закурил сигарету и пошел дальше вниз по склону холма. Неужели я был единственным человеком, которого терзало его беспросветное будущее?

И тут я увидел еще одного черного паука. Его паутина находилась прямо на уровне моего лица. Я взял сигарету и поднес огонек к жирной заднице. Огромная сеть задергалась, сотрясая ветви кустарника, на которых она была сплетена. Паук выпрыгнул из паутины и упал на тротуар. Трусливые убийцы, да вас тут целая банда! И я похоронил его под своим башмаком. Стоящий денек — удалось уничтожить двух пауков. Я нарушил естественный баланс в природе — теперь нас всех сожрут жуки и мухи.

Когда я подходил к подножию холма, чуть впереди меня в огромном кусте что-то зашевелилось. Король-паук поджидал меня. Я двинулся ему навстречу.

Из куста выпрыгнула моя мать и заголосила:

— Генри, Генри, не ходи домой, отец убьет тебя!

— С чего бы это? Я и сам могу оторвать ему голову.

— Нет, он в бешенстве, Генри! Не ходи домой, он убьет тебя! Я уже несколько часов караулю тебя!

Коричневые глаза матери, широко распахнутые от страха, были прекрасны.

— А что он делает дома так рано?

— У него разболелась голова, и он отпросился с обеда!

— А ты разве не работаешь? Я думал, что у тебя новая работа.

Недавно она получила работу домохозяйки.

— Он пришел и забрал меня. Он в бешенстве! Хочет убить тебя!

— Не беспокойся, мам. Если он полезет на меня, я надеру ему задницу, как мальчишке, обещаю тебе.

— Генри, он нашел твои рассказы и прочитал их!

— Его никто не просил делать этого.

— Он нашел их в комоде! Он стал читать и прочитал все!

У меня было написано десять или двенадцать рассказов. Дайте человеку пишущую машинку, и он станет писателем. Я спрятал свои произведения под бумажную обивку в ящике для нижнего белья.

— Ну что ж, — сказал я, — старик повсюду сует свой нос, пора прищемить ему кончик.

— Он обещал убить тебя! Он сказал, что его сын не может писать такую гадость и что ты не можешь жить с ним под одной крышей!

Я взял ее за руки и сказал:

— Мам, пойдем домой, а там видно будет, что он сделает...

— Генри, он выбросил на газон всю твою одежду, даже грязную! И печатную машинку выбросил, и чемодан, и твои рассказы!

— Рассказы?

— Да, в первую очередь...

— Я убью его!

Я отстранил мать с дороги и пошел через 21-ю к Лонгвуд-авеню. Мать семенила сзади.

— Генри, Генри, не ходи туда.

Бедная женщина схватила меня сзади за рубашку.

— Генри, умоляю, сними себе где-нибудь комнату! У меня есть десять долларов! Возьми деньги и уходи!

Я остановился. Мать протянула мне десятку.

— Перестань, мам. Сейчас я с ним разберусь.

— Генри, возьми деньги! Ради меня. Ну, сделай это ради своей матери!

Я не выдержал.

— Ну, хорошо... — взял деньги и положил в карман. — Спасибо, мам, это приличная сумма.

— Пустяки, — сказа она, — я люблю тебя, Генри, но ты должен уйти, — и побежала впереди меня.

Когда я подошел к дому, то увидел интересную картину: все мои вещи были разбросаны по газону — одежда грязная и чистая, открытый чемодан с носками, трусами, пижамой и старым халатом — куча хлама на газоне и на тротуаре. Ветер разнес повсюду страницы моей рукописи, они были даже в сточной канаве.

Мать забежала на веранду и вошла в дом, я крикнул ей вслед, чтобы отец мог слышать:

— СКАЖИ, ПУСТЬ ОН ВЫЙДЕТ, И Я ОТОРВУ ЕМУ ЕГО БЕЗМОЗГЛУЮ ГОЛОВУ!

Первым делом я занялся своей рукописью. Это был удар ниже пояса. Единственная вещь, которую он не имел права трогать. Собрав все страницы и в сточной канаве, и на газоне, и на улице, я почувствовал облегчение. Я поместил стопку в чемодан и сверху придавил ботинками, теперь нужно было спасать машинку. Она вылетела из своего чехла, но вроде бы не сломалась. Убрав машинку в чехол, я осмотрел разбросанное повсюду шмотье. Оставив всю грязную одежду и пижаму на газоне, я

закрыв чехол, взял его в одну руку, сумку — в другую и пошел прочь. Из-за занавесок за мной следили два лица. Но как только я поднялся по Лонгвуд, пересек 21-ю и вышел на Вествью-хилл, то мигом забыл обо всем. Я не чувствовал себя как-то иначе, чем обычно. Не было ни особого воодушевления, ни необычной подавленности; все происшедшее казалось логическим продолжением. Я собирался дождаться трамвая «W», купить билет и отправиться куда-нибудь в центр.

Я снял комнату на Темпел-стрит в филиппинском районе — \$3,50 в неделю, вверх по лестнице на третий этаж. Заплатил хозяйке — блондинке средних лет — за неделю вперед. Ванна и туалет были внизу в холле, но зато в комнате была раковина, в которую можно было писать.

В первую же ночь, буквально в нескольких шагах от своего нового жилища, я обнаружил бар. Это мне понравилось. Нужно было всего-навсего забраться по лестнице, и ты — дома. Бар был полон маленькими смуглыми людишками, но они не мешали мне. Раньше я много слышал о филиппинцах — что они любили белых девок, особенно блондинок, что носили с собой стилеты, что все были одного размера и поэтому собирались по семь человек, покупали один шикарный костюм со всеми причиндалами и одевали его по очереди по одному вечеру в неделю. Джордж Рафт сказал где-то, что филиппинцы — законодатели моды. Они первыми придумали стоять на углах улиц и крутить на пальце золотую цепочку, тонкую золотую цепочку длиной в семь-восемь дюймов — длина вращающейся цепочки на пальце мужчины указывала на длину его пениса.

Бармен был филиппинец.

— Первый раз? — спросил он меня.

— Я живу в верхнем этаже. Студент.

— Кредита нет.

Я выложил несколько монет.

— Дай мне Истсайд.

Он вернулся с бутылкой пива.

— Где я могу снять девочку? — спросил я.

— Я ничего не знаю, — ответил бармен, забрал пару монет и отошел к кассе.

В ту первую ночь я просидел в баре до закрытия. Никто не мешал мне. Несколько блондинок и вправду ушли с филиппинцами. Мужчины пили мало. Они сидели маленькими группами, склонившись головами к центру стола, тихо разговаривали и время от времени смеялись, тоже очень скромно. Они мне нравились. Когда бар закрывался и я поднялся, чтобы уйти, бармен сказал мне: «Благодарю вас». В американских барах такого не услышишь, во всяком случае, меня не благодарили.

Мне нравилось мое новое положение. Все, что мне было нужно — это деньги.

Я решил не бросать колледж. По крайней мере, было чем заняться в течение дня. Мой друг Беккер куда-то исчез, и в колледже не осталось никого, кто бы интересовал меня, разве что преподаватель антропологии, известный коммунист. Он не слишком докучал нас антропологией. Это был крупный мужчина, внешне привлекательный и непредсказуемый.

— Я расскажу вам, как надо готовить настоящий стэйк, — расхаживал он перед классом. — Ставите сковороду на плиту, и пока она раскалится, выпиваете порцию виски. Затем покрываете дно сковороды тонким слоем соли, укладываете на него филе и поджариваете, но недолго. Переворачиваете, поджариваете другую сторону, потом выпиваете еще стопку и тут же закусываете стэйком.

Однажды, когда я лежал на полянке в университетском городке, он проходил мимо, остановился и развалился рядом.

— Чинаски, а ведь ты не веришь в весь этот нацистский театр, который устраиваешь повсюду?

— Я и не спорю. А вы верите в свою галиматью?

— Конечно, верю.

— Желаю семь футов под килем.

— Знаешь, Чинаски, ты всего лишь недожаренный шницель, — сказал коммунист, встал, стряхнул траву со штанов и ушел...

Я прожил в своей комнатке на Темпел-стрит всего пару дней, когда Джимми Хэтчер разыскал меня. Он пришел ночью и приволок с собой двух приятелей — рабочих с авиационного завода. Одного звали Делмор, другого — Быстроногий.

— А с чего это его так прозвали — «Быстроногий»?

— Дай ему денег, узнаешь.

— Пусть пососет... Как ты нашел меня?

— Твои предки наняли частного сыщика, и он выследил, где ты обитаешь.

— Блядь, они знают, как вытравить радость из человеческой жизни.

— А может быть, они беспокоились?

— Если бы они беспокоились, то послали бы денег.

— Они боятся, что ты пропьешь их.

— И правильно делают...

Все зашли ко мне и расселись, кто на кровать, кто на пол. С собой у них была четверть виски и несколько бумажных стаканчиков. Джимми налил всем.

— Классное у тебя здесь место.

— Еще бы. Если высунуться в окно, видно здание муниципалитета.

Быстроногий сидел на ковре. Вдруг он вытянул из кармана колоду карт и посмотрел на меня.

— Ты играешь?

— Каждый день. У тебя крапленые?

— Ты че, охуел?

— Не выражайся, а не то твой скальп будет сушиться у меня на антресолях.

— Да честно, эти карты — чистые!

— Я играю только в покер и очко. Какой потолок?

— Два бакса.

— Сдаем по очереди, — сказал я, бросил на кон четверть доллара, взял колоду и сдал на обычный покер.

Я не любил эти сумасбродные карты, слишком много в них зависело от слепой удачи. Пока я сдавал, Джимми разлил по второй.

— На что ты живешь, Хэнк?

— Пишу курсовики для тупиц.

— Потрясающе.

— Есть немного.

— Эй, парни, — закричал Джим, — я же говорил вам, что он был у нас гений!

— Угу, — промычал Делмор.

Он сидел справа от меня и светил свои карты.

— Четвертак, — заявил он.

Мы все пополнили банк.

— Три карты, — потребовал Делмор.

— Одну, — попросил Джим.

— Три, — сказал Быстроногий.

— На своих, — объявил я.

Когда все поменяли карты, я объявил:

— Поднимаю до потолка.

Делмор и Джимми сбросили карты. Быстроногий посмотрел на меня и спросил:

— А что еще, кроме муниципалитета, ты видишь, когда высовываешь голову в окно?

— Ты играй, — сказал я в ответ. — Я не намерен беседовать о пейзажах.

— Ладно, сбрасываю.

Я сгреб банк и стал собирать сброшенные карты, мои так и лежали не раскрытыми.

— Сколько у тебя было? — спросил Быстроногий.

— Плати и узнаешь, или простишься навеки, — сказал я, смахнул свои карты со стола и смешал с остальными. Тасуя колоду, я чувствовал себя, как великий Гейбл перед Божьей карой во время землетрясения в Сан-Франциско.

Колода перешла в другие руки, но удача оставалась со мной. Выяснилось, что на авиационном заводе был день зарплаты. Нельзя приходить к бедному человеку с картами и большой суммой денег. Бедняк рискует лишь потерять свою малость, но если повезет, может и выиграть все, что вы принесли с собой. Деньги и бедняков следует всегда держать как можно дальше друг от друга.

Я чувствовал, что это моя ночь. Первым проигрался Делмор, выпил и ушел.

— Эй, парни, — сказал я оставшимся, — у меня есть идея. Карты — много возни. Давайте метать монеты: ставка — десять баксов; орел-решка, кто окажется не в паре — выиграл.

— О'кей, — сказал Джимми.

— О'кей, — поддержал Быстроногий.

Виски закончился. Мы переключились на бормотуху.

— Значит так, — командовал я, — монеты подбрасываем высоко! Ловим и держим в кулаке. Когда я скажу: «кон» — сверяем результат.

Мы высоко подбросили монетки и поймали их.

— Кон! — объявил я.

Сверили, я был не в паре. Черт! Двадцать баксов, как с куста.

Десятки перекочевали в мой карман.

— Метаем! — продолжил я.

— Кон!

И снова моя взяла.

— Метаем!

— Кон!

Повезло Быстроногому.

Но следующий был опять я. Затем выиграл Джимми.

— Стоп! — сказал я. — Мне надо поссать! Я отошел к раковине и отлил. Вина в бутылке уже не оставалось, и я открыл дверцу стенного шкафа.

— У меня тут еще один пузырь припрятан, — обрадовал я игроков. Вытащив из карманов выигранные купюры, я бросил их в шкаф, подхватил бутылку, вскрыл и наполнил стаканы.

— Блядь, — удивился Быстроногий, глядя в свой бумажник, — я почти

пустой.

— Я тоже, — отозвался Джимми.

— Интересно, у кого все деньги? — спросил я.

По части выпить они были слабаки. Виски с вином действовали на них смертельно. Обоих штормило.

Быстроногий завалился на комод и уронил пепельницу. Она раскололась пополам.

— Подними, — сказал я Быстроногому

— Нужно больно в говне ковыряться, — отмахнулся он.

— Я сказал, подними!

— Я не буду поднимать твое дерьмо.

Джимми встал и поднял осколки.

— Убирайтесь отсюда, — велел я.

— Когда захочу, тогда и уйду, — заявил Быстроногий.

— Ладно, но если ты еще раз откроешь свой рот и скажешь хоть одно слово, твоя морда станет похожей на жопу бегемота.

— Все, Быстроногий, пошли, — вмешался Джимми.

Я открыл дверь, и они, пошатываясь, вышли в коридор. Я проводил их до лестницы. На площадке мы остановились.

— Хэнк, — сказал Джимми, — увидимся как-нибудь. Не сердись.

— Все нормально, Джим...

— Послушай-ка, ты... — открыл свою пасть Быстроногий.

Я заткнул его прямым с правой в зубы. Он рухнул и покатился вниз по ступенькам. Быстроногий был примерно моего роста — шесть и одна восьмая фута. Шуму он наделал на весь блок. В вестибюле хозяйка беседовала с двумя филиппинцами, они лишь посмотрели на скатившегося сверху парня и продолжили разговор. Тот лежал лицом вниз и не шевелился.

— Ты убил его! — заорал Джимми и бросился вниз.

Он подскочил к приятелю и перевернул его. Нос и рот у Быстроногого были в крови. Джимми посмотрел на меня и сказал:

— Ты не прав, Хэнк...

— Да, и что ты сделаешь?

— Я думаю, — ответил Джимми, — мы скоро навестим тебя снова и...

— Подожди-ка минутку, — прервал его я, вернулся в комнату и плеснул себе вина.

Мне не нравились бумажные стаканчики Джимми, я по привычке пользовался своей банкой из-под студня с грязной этикеткой. Прихватив банку, я вернулся на лестницу.

Быстроногий уже очнулся. Джимми помог ему подняться на ноги и теперь поддерживал, забросив одну его руку себе на шею.

— Ну, что вы хотите мне сказать? — спросил я сверху.

— Ты безобразный человек, Хэнк. Тебя надо проучить, — сказал Джимми.

— Ты хочешь сказать, что я некрасивый?

— Я говорю, что ты поступаешь безобразно...

— Слушай, забирай своего друга и вали отсюда, пока я не спустился и не добил его!

Быстроногий поднял окровавленную голову. На нем была разноцветная гавайская рубашка, только теперь на ней преобладал красный цвет. Он посмотрел на меня и заговорил, очень тихо, но я расслышал.

— Тебе конец, — прошептал он.

— Да, — подтвердил Джимми, — мы тебя достанем.

— ВЫ ЭТО СЕРЬЕЗНО, КОЗЛЫ? — заорал я. — ТОГДА Я К ВАШИМ УСЛУГАМ! В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ ВЫ МОЖЕТЕ НАЙТИ МЕНЯ В КОМНАТЕ НОМЕР ПЯТЬ! Я БУДУ ЖДАТЬ! ПЯТАЯ КОМНАТА, ЗАПОМНИЛИ? И ДВЕРЬ БУДЕТ ОТКРЫТА!

Я поднял банку, полную вина, осушил ее и швырнул в неприятеля. Бросок получился сильный, но неточный. Банка ударилась о стену, отприкошетила и покатилась по вестибюлю, прямо между хозяйкой и ее филиппинскими приятелями.

Джимми медленно повернул Быстроного и повлек к выходу. Это было нудное и мучительное путешествие. До меня доносился полуплач-полустон Быстроногого:

— Я убью его... Я убью его...

Наконец Джимми открыл дверь, и они вышли.

Белокурая хозяйка и два филиппинца все еще были в вестибюле и разглядывали меня. Я стоял босой, небритый, нестриженный и нерасчесанный. Расческу я брал в руки один раз в день — утром, и больше уже не заботился о своей прическе. Все учителя физкультуры всегда донимали меня из-за моей осанки.

— Расправь плечи! Что ты уставился в землю? Что там интересного?

Я никогда не заботился о внешнем виде. Моя, некогда белая, футболка была заляпана вином, кровью, блевотиной, пестрела дырами, прожженными сигаретами и сигарами. К тому же она была мне мала, выставляя на обозрение живот до пупка. А брюки были узкие и не доставали до щиколоток.

Троица разглядывала меня, а я их.

— Эй, ребята, поднимайтесь ко мне, выпьем по чуть-чуть!

Двое маленьких человечков усмехнулись в ответ. Хозяйка, похожая на увядшую Кэрол Ломбард, выглядела бесстрастной. Все называли ее мисс Канзас. Могла ли она полюбить меня? Мисс Канзас носила розовые туфли на высоком каблуке и черное в блестках платье, которое излучало целый рой крохотных искорок света. Искорки металась по всему вестибюлю, шастали по моим босым ногам. Величественные груди мисс Канзас простые смертные не достойны были даже видеть — они предназначались для королей, диктаторов, правителей и филиппинцев.

— У кого-нибудь есть закурить? — спросил я сверху. — У меня кончились сигареты.

Темнокожий малый, стоящий по одну сторону с божественной мисс Канзас, сделал легкое движение рукой в сторону кармана на своем пиджаке, и в пространстве вестибюля возникла яркая пачка Кэмел. Так же искусно он перехватил ее в другую руку. Неуловимый щелчок пальцем по дну пачки выбил из нее сигаретку — стройную, желанную, единственную и доступную.

— О, черт! Ну, спасибо!

Я устремился вниз по лестнице и промахнулся мимо ступеньки, но ухватившись за перила, мне удалось устоять. Сосредоточившись, я осторожно спустился в вестибюль. Неужели я уже напился? Подойдя к маленькому парню, держащему пачку, я слегка поклонился, вытянул сигарету, подбросил ее, подхватил другой рукой и сунул в рот. Филиппинец остался безучастен, усмешка слетела с его лица, еще когда я спускался по лестнице. Прикрывая ладонью пламя спички, он дал мне прикурить.

Я затянулся, выпустил дым и спросил:

— Послушайте, давайте все вместе подыдемся ко мне и пропустим по паре стаканчиков?

— Нет, — сказал парень, который угостил меня сигаретой.

— Почему нет? Поймаем по моему приемнику Бетховена или Баха! Я же учусь, вы знаете. Я студент...

— Нет, — повторил другой коротышка.

Я крепко затянулся и глянул на Кэрол Ломбард-мисс Канзас и снова обратился к двум друзьям:

— Она ваша. Я не хочу ее. Просто посидим, выпьем вина в старой доброй комнате номер пять.

Ответа не последовало. Я продолжал стоять, слегка покачиваясь на каблуках, видно, внутри меня виски и вино вступили в противоборство. Сигарета свободно свисала с моих губ, пока я выпускал дым тоненькой

струйкой.

Я помнил о стилетах. За недолгое время моего проживания в филиппинском районе я уже дважды видел Закон Стилета в действии. Однажды ночью я выглянул из окна на звук сирены — прямо под моим окном на тротуаре Темпел-стрит, под темным уличным фонарем, в лунном свете лежало тело. Другая ночь — другое тело. Ночи Его Величества Стилета. Первый был белый, второй — филиппинец. Кровь из-под обоих тел — живая, теплая — стекала по тротуару в сточную канаву, а утром я видел бессмысленные темные пятна... много крови может выйти из одного человека.

— Ладно, друзья-товарищи, — сказал я, — не больно-то и надо. Я выпью один... — повернулся и стал подниматься по лестнице.

— Мистер Чинаски, — послышался голос мисс Канзас.

Я обернулся и посмотрел на хозяйку, прикрываемую с флангов моими маленькими друзьями.

— Ложитесь спать. Если вы снова будете нарушать общественный порядок, я позвоню в полицию.

Я отвернулся и продолжил свое восхождение.

Нигде нет подлинной жизни, ни в этом местечке, ни в этом городе, во всем этом тоскливом существовании...

Дверь в мою комнату была открыта. Я вошел. В бутылке вина оставалось на треть.

Может быть, в шкафу есть еще бутылочка?

Я заглянул в шкаф. Бутылки не было, но повсюду валялись смятые купюры. Среди грязной пары дырявых носков затесалась двадцатка; на воротнике мятой рубашки висела десятка, еще две покоились на старой куртке. Весь пол был усыпан деньгами.

Я собрал выигрыш, положил в карман своих узких брюк, вышел из комнаты, запер дверь и направился в бар.

Через пару дней заявился Беккер. Адрес могли дать мои родители или он вычислил его в службе занятости колледжа, где в разделе «неквалифицированная работа» рядом со своими координатами я написал: «Сделаю что угодно, честными и иными путями». Никто не откликнулся.

Беккер сел на стул, и я налил ему вина. Он был в форме морского пехотинца.

— Я вижу, они тебя тоже обработали, — сказал я.

— Я потерял работу на Вестерн-Юнион. Больше ничего не оставалось.

— Так ты не патриот? — удивился я.

— Да какого черта.

— Почему морская пехота?

— Я слышан про их лагерь для новобранцев. Хочу попробовать, выдержу или нет.

— Выдержишь.

— Посмотрим. Говорят, там собираются настоящие психи. Они почти каждую ночь выясняют отношения между собой. Их никто не останавливает, и они бьются чуть ли не насмерть.

— Мне это нравится.

— Присоединяйся.

— Не получится. Ломает рано вставать и все делать по распорядку.

— А как ты собираешься жить?

— Не знаю. Когда деньги закончатся, пойду к бродягам.

— Есть же еще чудаки.

— Они повсюду.

Я налил Беккеру еще вина.

— Правда, есть одна проблема, — поделился он, — не будет времени, чтобы писать.

— Ты все еще хочешь стать писателем?

— Конечно. А ты?

— Хотел бы, но это невозможно.

— Хочешь сказать, что ты не слишком хорош для этого?

— Нет, они слишком плохи для этого.

— Кто они, кого ты имеешь в виду?

— Ты читаешь журналы? А эти сборники — «Лучшие американские рассказы года»? Выходит целый ворох всего.

— Да, я читал...

— А Нью-Йоркер читал? А Хэрперё А Атлантик?

— Ну да...

— Сейчас 1940 год, а они публикуют вещи XIX века — тяжелые, вымученные, напыщенные. Читаешь, и башка начинает трещать или засыпаешь.

— И это несправедливо?

— Это профанация, обман и крысиная возня.

— Похоже на вопли отвергнутого.

— Я знаю, что не пройду. Зачем попусту тратиться на конверты и марки? Я лучше выпью вина.

— А я пробуюсь, — заявил Беккер. — Однажды ты увидишь мои книги на библиотечных полках.

— Давай не будем говорить о писательстве.

— Я читал твои вещи, — продолжал Беккер. — Ты слишком ожесточен и всех ненавидишь.

— Эй, хватит об этом.

— Вот возьми Томаса Вулфа...

— Да к черту этого Вулфа! Он похож на старуху, которая целый день триндит по телефону!

— Хорошо! Назови ты.

— Джеймс Тэрбер.

— О, все эти завихрения верхушки среднего класса...

— Он знает, что все мы сумасшедшие...

— Томас Вулф реально смотрит на вещи...

— Знаешь, только законченные мудаки говорят о литературе...

— Ты считаешь, что я законченный мудака?

— Похоже... — я снова наполнил наши стаканы вином. — Ты дурак, что напаял на себя эту форму.

— Сначала ты называешь меня мудаком, теперь дураком, я думал — мы друзья.

— Да, мы друзья. Просто я не считаю, что отправляясь на войну, ты идешь защищать себя.

— А я сколько тебя вижу, ты всегда пьешь. Это ты так себя защищаешь?

— На сегодня это лучший способ, который я знаю. Без выпивки я бы давно перерезал себе глотку.

— Чушь собачья.

— Если срabатывает, значит не чушь. У проповедников из Першинг-

сквера есть Бог. А у меня кровь Бога моего!

Я поднял свой стакан и осушил.

— Да ты просто прячешься от действительности, — сказал на это Беккер.

— А что в этом плохого?

— Ты никогда не станешь писателем, если будешь отстраняться от действительности.

— О чем ты говоришь! Как раз этим и занимаются настоящие писатели!

Беккер встал.

— Знаешь, когда разговариваешь со мной, не повышай голоса.

— А ты что хочешь, чтобы у меня повышался хуй?

— А разве он у тебя есть!

Я ответил неожиданным ударом правой и попал ему по уху. Стакан вылетел из его рук в одну сторону, а сам он полетел в другую. Беккер был здоровый мужик, намного сильнее меня. Он ухватился за край стола и повернулся ко мне, но мой прямой правый снова настиг его, теперь уже по лицу. Беккер отлетел к окну, которое было открыто, я побоялся бить его, потому что он мог вывалиться на улицу.

Беккер выправился и встряхнул головой.

— Перекур, — сказал я. — Давай выпьем. Насилие вызывает во мне тошноту.

— Ладно, — согласился Беккер, отошел от окна и подобрал свой стакан.

Я свинтил крышку с новой бутылки вина: у дешевого пойла не бывает пробок. Беккер подставил свой стакан. Я наполнил ему и себе. Мы выпили.

— Неприятная ситуация, — сказал я.

— Отнюдь, — отозвался Беккер, поставил стакан и сунул мне с правой в живот. Я сложился пополам и наткнулся мордой на его колено. Из носа побежала кровь, я рухнул на колени.

— Налей мне выпить, приятель, — попросил я, — и будем считать, что инцидент исчерпан.

— Встань, — сказал Беккер. — Это была только первая глава.

Я поднялся и двинулся на Беккера. Он ударил, но я успел поставить блок и тут же выстрелил прямым коротким с правой прямо ему в нос. Беккер отступил. Теперь у нас у обоих были окровавленные носы.

Я бросился в атаку. Мы слепо обменивались ударами. Несколько раз я крепко зацепил его, несколько раз он меня. Наконец ему удалось согнуть меня ударом в живот, но я снизу провел апперкот. Это был прекрасный

удар, настоящая удача. Беккер попятился и упал на комод, ударившись затылком о зеркало. Зеркало — вдребезги. Беккер был оглушен, я схватил его за грудки и съездил по уху. Он упал на половик и встал на четвереньки. Я отошел и налил себе вина.

— Беккер, я уже второй раз за неделю устраиваю здесь побоище. Ты появился не вовремя, — сказал я и выпил.

Он встал на ноги, осмотрелся и снова пошел на меня.

— Беккер, послушай...

Он отвлек меня легким ударом правой и неожиданно резко припечатал левой по зубам. Битва продолжалась. Не заботясь об обороне, мы просто молотили друг друга. Удары, удары, удары... Беккер швырнул меня на стул, и тот развалился подо мной. Но я успел подняться и встретить Беккера серией ударов, он споткнулся, и я крепко зацепил его правой. Будущий морской пехотинец попятился и врезался в стену, комната задрожала. Отскочив от стены, как мячик, он оказался прямо передо мной, и я заполучил сильный удар в лоб — перед глазами поплыли круги: зеленые, желтые, красные... Беккер не мешкал и молотил меня по ребрам и морде. Я собрался и ударил, но промахнулся.

«Ебанный в рот, — думал я, — неужели никто не слышит этот грохот? Почему никто не остановит нас? Почему не вызывают полицию?»

Беккер снова атаковал. Я пропустил мощнейший боковой в голову, и мне хватило...

Когда я очнулся, в комнате было темно. Я лежал под кроватью весь заблеванный, только голова торчала наружу. Должно быть, я сам забрался сюда от страха. Я выбрался из своего убежища и осмотрелся.

Разбитое зеркало, поломанный стул, опрокинутый стол, мокрый от вина и блевотины половик. Я подошел к столу, перевернул его и поставил, но он упал — подломились две ножки. Я закрепил их, как мог, и попытался поставить снова, но постояв несколько секунд, стол рухнул. Я отступился. В углу обнаружилась бутылка, в ней оставалось немного вина. Я выпил и еще раз пошарил по комнате, нашел сигареты, но выпивки не было. Я накинул цепочку на двери, закурил, подошел к окну и выглянул на улицу. Стояла прекрасная тихая ночь.

И тут в дверь постучали.

— Мистер Чинаски? — послышался голос мисс Канзас.

Она была не одна. Я уловил шепот за дверью. Хозяйка пришла со своими маленькими темнокожими друзьями.

— Мистер Чинаски?

— Да?

- Мне нужно войти в вашу комнату.
- Зачем?
- Я хочу поменять простыни.
- Я болен. Я не могу вас впустить.
- Всего на несколько минут. Я просто сменю постель.
- Нет, я сейчас не могу. Приходите утром.

Они пошептались, и я услышал удаляющиеся по коридору шаги. Я сел на кровать. Мне требовалось выпить, срочно. Была субботняя ночь, и весь город развлекался по барам.

Может, все же удастся проскочить?

Я подошел к двери и, не снимая цепочки, приоткрыл. Возле лестницы я увидел филиппинца, одного из приятелей мисс Канзас. Он стоял на коленях, в руке у него был молоток. Увидев меня, филиппинец улыбнулся и вогнал в пол гвоздь. Хитрец хотел уверить меня, что приколачивает половик на лестнице. Я закрыл дверь.

Жажда возрастала, мне необходимо было утолить ее. Я заходил по комнате. Почему все в этом мире имеют возможность выпить, но только не я? Сколько мне еще торчать в этой убищной комнате? Я снова приоткрыл дверь. Та же самая картина. Филиппинец посмотрел на меня, улыбнулся и забил гвоздь. Я захлопнул дверь, взял чемодан и принялся упаковывать свои вещи.

У меня все еще оставались деньги с выигрыша, но их бы не хватило, чтобы расплатиться за учиненный в комнате погром. Да я и не хотел отдуваться в одиночку. В этом была не только моя вина. Они могли бы остановить драку. И зеркало разбил Беккер...

Вещи были упакованы. Я взял чемодан в одну руку, печатную машинку в другую. Готов. Постояв некоторое время перед дверью, я откинул цепочку, резко отворил дверь и ринулся к лестнице.

— Эй! Ты куда? — изумился коротышка, он все еще стоял на коленях.

Я хотел пробежать мимо, но он поднял на меня свой молоток. Тогда я со всего маху ударил его печатной машинкой по голове. Раздался страшный грохот. Я скатился по лестнице в вестибюль и выскочил на улицу.

Возможно, я убил этого парня.

Я побежал по Темцел-стрит и увидел такси. Машина была свободной. Я запрыгнул на заднее сиденье.

— Банкер-хилл, — прохрипел я. — Быстро!

В окне одного из доходных домов висело объявление о сдаче жилья. Я попросил таксиста остановить машину, рассчитался, вышел, поднялся на крыльцо и позвонил. Один глаз у меня заплыл и был совершенно черный, над другим сочилась рассеченная бровь, нос распух, губы вздулись. Левое ухо побагровело, и каждое прикосновение к нему отдавалось по всему телу, будто бы его пронзал электрический разряд.

Дверь открыл старик в нижней рубашке, весь перед которой был заляпан соусом чили. Лицо не брито, седые волосы не причесаны. Он попыхивал обслюнявленной и довольно вонючей сигаретой.

— Вы хозяин? — спросил я.

— Ну.

— Мне нужна комната.

— А ты работаешь?

— Я писатель.

— Что-то не похож ты на писателя.

— А как должен выглядеть писатель?

Он помолчал и ответил:

— Два с полтиной в неделю.

— Можно посмотреть?

Старик отрыгнул и сказал:

— Иди за мной...

Мы шли по длинному коридору. Половика на полу не было. Половицы скрипели и прогибались под нами. Из одной комнаты слышался мужской голос:

— Соси, тварь, тебе говорят!

— Три доллара, — отвечал женский голос.

— Три доллара? Да я тебе сейчас кишки наружу выпущу!

Посыпались удары. Женщина завизжала. Мы прошли мимо.

— Комната находится в заднем флигеле, — пояснял старик, — но ты можешь пользоваться ванной комнатой в доме.

В заднем дворе стояла лачуга с четырьмя дверьми. Хозяин подошел к двери с номером 3 и открыл ее. Мы вошли. Щелкнул выключатель. Комнату освещала маленькая лампочка без плафона. Я увидел раскладушку с одеялом, маленький комод и крошечную тумбочку. На тумбочке стояла плитка.

— У тебя здесь будет плитка, — похвастался старик.

— Это здорово.

— Два пятьдесят вперед.

Я расплатился.

— Расписку получишь утром.

— Хорошо.

— Как твое имя?

— Чинаски.

— А я Коннорс.

Он снял ключ с кольца и отдал мне.

— У нас тут тихое место. Я хочу, чтобы ты помнил об этом.

— Конечно.

Я закрыл за стариком дверь и присел на раскладушку. На самом деле в комнате было довольно чисто. Ну что ж — неплохо. Я встал, вышел из комнаты, запер дверь и через задний двор выбрался на аллею.

Не надо было мне говорить старику свое настоящее имя, думал я. А вдруг я зашиб насмерть того филиппинца на Темпел-стрит.

Чтобы попасть на улицу, нужно было спуститься по длинной деревянной лестнице, которая проходила вдоль отвесной скалы. Довольно романтическое местечко. Я спустился, прошелся до ближайшей винной лавки и купил две бутылки вина. Чтобы утолить голод, я взял большой пакет картофельных чипсов.

Вернувшись в свою комнату, я разделся, забрался на раскладушку, закурил и налил вина. Чувствовал я себя хорошо. Кругом было тихо. Даже из соседних комнат не доносилось ни звука. Захотелось отлить. Я надел штаны, вышел во двор и поссал за флигелем. Отсюда мне был виден почти весь город. Лос-Анджелес — хорошее место, здесь обитает много бедных людей и не составляет большого труда затеряться среди них. Я вернулся на свою раскладушку и налил еще вина. Пока у человека есть вино и сигареты, он может многое вынести. Я осушил стакан и снова наполнил.

Может быть, мне удастся зарабатывать на жизнь своими пусть небольшими, но знаниями, так сказать, умственным трудом? Восьмичасовой рабочий день — это невыносимо, к тому же очень многие претендовали на неквалифицированную работу. И еще эта война, все говорили о войне в Европе. Меня не интересовала судьба мира, только своя личная. Что за блядство! Сначала родители контролируют каждый ваш шаг, затем, когда вы уже готовы вырваться из-под их опеки, другие хватают вас за горло, запикивают в военную форму и отправляют на бойню.

Вино было замечательное, и я выпил еще.

Война. Я девственник. Ну разве это вообразимо: жертвовать своей задницей ради каких-то безумцев, даже не познав женщину? У меня и личного автомобиля еще не было! Что я должен был защищать? Других? Которые со мной рядом и срать бы не сели? Никакие жертвы не предотвратят новые войны.

Я хотел жить. Я мог бы, например, пить на спор или играть в карты. Наверняка осилил бы несколько ограблений. Я хотел только одного, чтобы меня оставили в покое.

Прикончив первую бутылку, я взялся за вторую.

Опростав половину, я отставил бутылку и лег. Моя первая ночь на новом месте удалась. Я уснул.

Разбудил меня звук вставляемого в замок ключа. Я поднялся и сел на раскладушке. Дверь открылась, и в темноту комнаты шагнул человек.

— ПОШЕЛ ОТСЮДА! — заорал я.

Он мигом выскочил. Я встал и захлопнул дверь, со двора доносились удаляющиеся шаги.

Такое частенько бывает. Люди снимают комнату, потом перестают платить, а ключи оставляют, чтобы тайком приходить и ночевать, если комната еще не занята, или обнести нового жильца. Но этот больше не вернется. Он понял, что здесь ему не светит.

Я залез на раскладушку и как следует выпил.

Что-то я слегка нервничал. Подумав, я решил обзавестись ножом.

Пропустив еще пару стаканчиков, я снова уснул.

Однажды, после урока английской литературы, миссис Куртис попросила меня остаться.

Она была примечательна своими длинными ногами и милой шепелявостью. Этот странный тандем — ноги и шепелявость — заводил меня. Ей было 32, образованная, стильная, но, как все прочие, помешанная на сраном либерализме. В ее болтовне не было ничего оригинального, ничего действенного, сплошные перепевки идей почитаемого Франклина Рузвельта. Мне Фрэнки нравился из-за его программы помощи бедным во времена Депрессии. Вообще он отличался оригинальностью. Я не верю в искренность его заботы о бедных, но актер он был великолепный — замечательный голос. К тому же он подыскал себе талантливому составителя речей. Правда, Рузвельт требовал, чтобы мы отправлялись на войну. Естественно, это обеспечивало ему место в книге мировой истории. Воюющие президенты обладают большей властью, а позже большим числом страниц. Миссис Куртис была всего-навсего тенью старика Фрэнки, но с гораздо лучшими ногами. Бедняга Фрэнки вообще не имел ног, зато у него были великолепные мозги. В какой-нибудь другой стране он мог бы стать полновластным диктатором.

Когда последний студент покинул класс, я подошел к столу миссис Куртис. Она приветливо улыбнулась. Много времени я потратил, разглядывая ее ноги, и она знала об этом. Она понимала, чего я хотел, и сознавала, что ей абсолютно нечему меня учить. Я запомнил лишь единственную вещь из всего сказанного ею. Наверняка это была не ее собственная мысль, но она мне понравилась: «Невозможно переоценить глупость толпы».

— Мистер Чинаски, — обратилась она ко мне, — некоторые студенты в этом классе считают, что они очень сообразительные.

— Вот как?

— Мистер Фелтон — самый находчивый студент.

— Согласен.

— Что вас беспокоит?

— Не понял?

— Ну, я чувствую, что есть нечто... что вам доставляет проблемы.

— Возможно.

— Это ваш последний семестр, не так ли?

— Откуда вы узнали?

Она была права, я собирался распрощаться с этими волнующими ножками. Я понял, что университетский городок это всего-навсего спасительный островок. Некоторые уроды оставались на нем навсегда. Жизнь в колледже была стерильной. Здесь никогда не говорили, что ожидает нас в реальном мире. Они пичкали нас теорией, которая была совершенно бесполезна на улицах. Университетское образование могло лишь сделать личность непригодной для настоящей жизни. Книги только ослабляли нас. Когда человек оказывался в гуще жизни, ему требовались совсем другие знания, в отличие от тех, которыми были напичканы университетские библиотеки. Я решил бросить колледж, найти Вонючку и его шайку или встретить кого другого, с кем мы могли бы подломить винную лавку или, что еще лучше — банк.

— Я знаю, что вы собираетесь уходить, — сказала она нежно.

— Начало-лучшее слово.

— Скоро начнется война. Вы читали «Моряк вдали от Бремена» ?

— Эти Нью-Йоркерские штучки меня не привлекают.

— Вы должны читать такие вещи, чтобы понимать, что происходит сегодня в мире.

— Я так не думаю.

— Вы просто восстаете против всего. Как вы собираетесь жить дальше?

— Не знаю. Я уже устал.

Миссис Куртис на долгое время устала в свой стол. Наконец она снова посмотрела на меня.

— Так или иначе, но мы ввяжемся в эту войну. Вы пойдете?

— Мне все равно. Могу пойти, а нет, так — нет.

— Из вас получился бы хороший моряк.

Я улыбнулся и подумал о возможности стать моряком, но быстро забраковал эту идею.

— Если вы продолжите обучение, — сказала она, — возможно, и получите то, что хотите.

Она смотрела мне в глаза, и я понял, что значили ее слова, и она, конечно же, догадалась о том, что я все просек.

— Нет, — ответил я. — Все решено.

Я направился к двери, взявшись за ручку, обернулся и слегка кивнул ей на прощание — всего-навсего легкий поспешный кивок. В одиночестве я бродил под деревьями университетского городка. Везде мелькали парочки — девочки и мальчики. Миссис Куртис сидела в одиночестве за своим

столом, и я одинокий бродил по парку. Какой бы это был триумф — целовать ее нежные губы, раздвигая прекрасные ноги и надвигаясь, как Гитлер, поглотивший Европу и поглядывающий на Лондон.

Проветрившись, я направился в спортзал. Нужно было освободить шкафчик. Тренировок у меня больше не будет. Люди постоянно говорят о хорошем запахе свежего пота. Они усердно двигаются для того, чтобы вспотеть. И никто никогда не говорит о хорошем запахе свежего пивного говна. Но нет ничего более стоящего, чем хорошенько просратья поутру, после двадцати, а то и двадцати пяти бутылок пива, выпитых за ночь. Будоражающий дух настоящего пивного говна, который держится добрых полтора часа, заставляет понять, что вы действительно живы.

Я открыл шкаф, вытащил спортивный костюм, кеды, две пустые бутылки из-под вина и бросил все это в мусорную корзину. Удачи тому, кто унаследует мой шкафчик. Возможно, он подыметесь до мэра города Боуса в Айдахо. Подумав, я отправил в корзину и кодовый замок. Мне никогда не нравился его шифр: 1,2,1,1,2. Слишком бесхитростная комбинация. Напоминала номер родительского дома — 2122. Моя жизнь была сведена к минимуму, словно в РТОКе — раз, два, три, четыре; раз, два, три, четыре. Возможно, наступит день, и я подымусь до 5.

Покинув спортзал, я пошел через поле, где парни играли в футбол.

— Эй, Хэнк! — слышалось с трибун.

Я поднял голову. Это был Плешивый. Он сидел вместе с Монти Баллардом. Про этого Балларда ничего не скажешь, кроме одного — он никогда не открывал рта, если его о чем-либо не спрашивали. У меня вопросов к нему не было. Парень просто смотрел на жизнь из-под своих грязно-желтых волос и хотел стать биологом.

Я махнул им и пошел дальше.

— Поднимайся к нам, Хэнк! — орал Плешивый. — Есть дело!

Я поднялся.

— Ну, чего?

— Сядь и посмотри на этого кабана в спортивке.

Я сел. На поле только один парень был в спортивной форме и шипованных беговых бутсах — небольшого роста, но широкий, даже слишком. Неохватные бицепсы, мощные плечи, толстая шея и тяжелые, короткие ноги. Волосы черные, а лицо почти плоское: маленький ротик, нос-пуговка и глубоко посаженные глаза.

— Эй, да я слышал про этого парня — Кинг Конг-младший, так, кажется, его зовут, — сказал я.

— Смотри, смотри, — настаивал Плешивый.

В каждой команде было по четыре человека. Полузащитник ввел мяч в игру. Кинг Конг играл у голевой линии в защите. Двое парней из противоборствующей команды пошли в атаку: один бежал впереди, другой немного сзади. Кинг Конг-младший бросился наперерез парню, который шел первым, мощным ударом всей своей туши сбил его с ног и побежал дальше. Парню, нападающему по заднему флангу, некому было передать пас, и он оказался вне игры.

— Ты видел? — заорал Плешивый.

— Кинг Конг...

— Эта скотина играет не по правилам! Просто сбивает нападающих с ног.

— Нападающего нельзя блокировать, пока он не коснулся мяча, — уточнил я.

— Надо сказать ему, — предложил Плешивый.

— Может, ты скажешь? — спросил я у Балларда.

— Нет, — отказался тот.

Теперь команда Кинг Конга разыгрывала мяч, и он мог калечить противника законно. Первой его жертвой стал самый маленький игрок. Он перебросил парня через себя с такой яростной мощью, что тот еле поднялся.

— Этот Кинг Конг просто ненормальный, — сказал я. — Как он только сдал вступительные экзамены?

— Так по футболу же нет экзамена, — посетовал Плешивый. Команда Кинг Конга выстроилась в линию. Против монстра противоположная команда могла выставить только Джои Стейпена. Он был высокий, больше шести футов, тощий, но выносливый. Команды сошлись, и Стейпен и Кинг Конг атаковали друг друга. Джои выстоял. Но во время следующей атаки Кинг Конгу все же почти удалось опрокинуть Стейпена.

— Блядь, — выругался Плешивый. — Джои сдает.

Конг рассвирепел и ударил Джои еще сильнее, опрокинул его и протаранил ярдов пять-шесть, упираясь плечом в спину Стейпена.

— На это противно смотреть! Этот парень настоящий садист! — возмутился я.

— Он садист? — справился Плешивый у Балларда.

— Садист, ебать его в сраку, — подтвердил будущий биолог.

В это время Конг покалечил малыша. Он догнал его и просто обрушился сверху всей своей тушей. Парень некоторое время лежал без движения, потом сел, обхватив голову руками. Похоже, он уже был не игрок.

— Ладно, пойду заменю его, — сказал я, вставая.
— Сделай эту безмозглую тварь! — пожелал Плешивый.
— Не сомневайся, — ответил я и спустился на поле. — Эй, ребята, нужна замена?

Малыш встал на ноги и поплелся с поля. Проходя мимо меня, он приостановился:

— Не ввязывайся. Этот урод решил сегодня убить кого-нибудь.
— Да это просто жесткий футбол, — усмехнулся я в ответ.
Мяч был наш, я подошел к Джои и двум другим уцелевшим.
— Какой план? — спросил я.
— Остаться в живых, — ответил Джои Стейпен.
— А какой счет?
— Они выигрывают, — отмахнулся Ленни Хилл, центральный.

Мы разошлись по своим местам. Стейпен встал сзади и ждал паса. Я посмотрел на Конга. Раньше я не встречался с ним в университетском городке. От него несло, как от сортира. И еще он был похож на зародыша.

— Время! — выкрикнул я, и Ленни пошел к мячу.
— Меня зовут Хэнк, — представился я Конгу, — Генри Чинаски.
Журналистика.

Конг не реагировал. Просто стоял и таращился на меня. Кожа у него бледная, безжизненная. В глазах не отмечалось ни блеска, ни какого-либо движения.

— Как тебя зовут? — спросил я.
Все тот же мертвый взгляд.
— Эй, в чем дело? В зубах плацента застряла?

Конг медленно поднял правую руку и наставил указательный палец на меня. Ничего не сказав, он опустил руку.

— Ну, и что это значит? Хочешь отсосать у меня?
— Давайте играть, — ответил напарник Кинг Конга.

Ленни выбил мяч. Не успел я сориентироваться, как Конг оказался рядом и со всего лету врезался в меня. Я упал на спину, а он пролетел надо мной, раскинув руки, как птица крылья. Поднявшись, я почувствовал головокружение. Сначала Беккер нокаутировал меня, теперь эта зверская вонючая обезьяна. Ну и воняло же от него, как от дьявола.

Стейпен оказался вне игры. Мы сошлись для сговора.
— Есть идея, — сказал я.
— Какая? — вяло поинтересовался Джои.
— Я поведу мяч, а вы будете блокировать.
— Нет, давай как раньше, — ответил Джои.

Мы разошлись. Ленни передал мяч назад Стейпену. Конг снова кинулся на меня. Я выставил вперед плечо и бросился навстречу. Он был непробиваемый. Я отскочил от него, как мячик, и, не успев выпрямиться, получил удар в живот. Я упал, моментально поднялся, но борьбу не продолжил. У меня сбилось дыхание.

Стейпен сделал проход в среднюю зону, и теперь мы разыгрывали третью подачу. Как только мяч был выброшен, мы с Конгом ринулись друг на друга. В последний момент я сгруппировался, подпрыгнул и всем весом своего тела обрушился на него сверху. Мы оба рухнули на землю. Я поднялся первым. Когда поднялся Конг, одна сторона его лица была красная, а из уголка рта сочилась кровь. Мы потрусили на свои позиции.

Четвертая подача. Стейпен выбил мяч ногой. Конг отскочил назад, прикрывая своего защитника, который перехватил мяч. Они бросились в атаку. Конг шел впереди, прокладывая дорогу своему нападающему. Я бросился за ним. Конг ждал, что я повторю свой высокий блок, но на этот раз я поднырнул под него и схватил за ноги. Со всего маху он врезался лицом в землю. Удар оглушил его, он лежал, раскинув руки, и не шевелился. Я прыгнул на него сверху, схватил за шею и прижал к земле.

— Эй, Конг, как ты себя чувствуешь?

К нам подбежали другие игроки.

— Мне кажется, он ушибся, — объявил я. — Помогите-ка мне убрать его с поля.

Стейпен взял с одной стороны, я — с другой. Мы подняли тушу и поволокли за линию. Возле самой линии я притворно споткнулся и пнул Конга по жопе.

— Ой, — сказал Конг, — оставьте меня в покое...

— Мы помогаем тебе, дружище.

Затащив Конга за боковую линию, мы усадили его на траву. Конг вытер кровь с подбородка, затем стал поглаживать опухшую лодыжку, кожа на которой была содрана. Я склонился над ним:

— Эй, Конг, давай закончим игру. Мы проигрываем 42:7, нам нужен шанс отыграться.

— У меня сейчас начинаются занятия.

— Я не знал, что здесь обучают отстрелу собак.

— Каких собак? У меня урок английской литературы.

— Уважительная причина. Хочешь, я провожу тебя в спортзал и суну под холодный душ?

— Нет. Отстань от меня.

Конг встал. Ему прилично досталось. На лице кровь и грязь, могучие

плечи просели. Он сделал несколько нетвердых шагов и остановился:

— Эй, Куинн, — обратился Конг к своему приятелю, — помоги мне...

Куинн взял Конга под руку, и они медленно пошли через поле к спортзалу.

— Эй, Конг! — заорал я им вслед. — Если доберешься до занятий, передай от меня привет Билли Сарояну.

Остальные игроки собрались вокруг меня, включая и Плешивого с Баллардом, которые спустились с трибун. Только что я совершил героический поступок, а вокруг не оказалось ни одной прекрасной девушки!

— У кого-нибудь есть курить? — спросил я.

— У меня Честерфилд, — откликнулся Плешивой.

— Ты все куришь бабские сигаретки? — спросил я, вытягивая одну из пачки.

— Я тоже угощусь, — сказал Стейпен.

Мы стояли и курили.

— Может, продолжим игру? Народу у нас хватает, — предложил кто-то.

— На хуй, — сплюнул я. — Ненавижу спорт.

— Да уж, — сказал Стейпен, — Конга ты здорово уложил.

— Это точно, — поддержал Плешивой. — Я все видел. Одного только не понял.

— Чего это? — удивился Стейпен.

— Кто из них был садист.

— Ладно, — сказал я, — мне пора идти. Сегодня вечером в Кэгни классный фильм. Я иду со своей пиздой, — и двинулся через поле.

— Ты имеешь в виду свою правую ладошку? — крикнул мне вслед Плешивой.

— И правую, и левую, — бросил я через плечо.

Покинув поле, я обогнул здание химического факультета и вышел на главный двор. Повсюду на скамейках, поддеревьями, на лужайках сидели парни и девичьи со своими книжками в разноцветных обложках-зеленых, голубых, коричневых. Студенты переговаривались друг с другом и задорно смеялись. Я перешел на другую сторону университетского городка, где была трамвайная остановка. Сел в трамвай «V», купил билет, прошел в конец вагона и сел, как всегда, на заднее сиденье.

Предвидя свое будущее, я частенько посещал район притонов и ночлежек, дабы быть готовым. Меня воротило от того, что я там наблюдал. В обитателях «дна», и в мужчинах, и в женщинах, не было ни отваги, ни куражу. Они жаждали того же, что и все остальные. Встречались там и явные психи, которые беспрепятственно разгуливали по улицам. Примечательная вещь — на пиках нищеты и богатства сумасшедшим часто позволено обретаться совершенно свободно. Я и сам был не совсем нормален. С раннего детства я ощущал в себе что-то странное. Мне казалось, что я обречен быть убийцей, банковским грабителем, святым, насильником, монахом, отшельником. Мне нужно было какое-нибудь изолированное место, где бы я мог уединиться. Эта помойка вызывала отвращение. Тусклая жизнь нормального, среднего человека хуже, чем смерть. И казалось, что не существует никакой возможной альтернативы. Образование — просто обман. То нехитрое обучение, которое я позволил себе, сделало меня более подозрительным. Кто такие доктора, юристы, ученые? Это люди, которые добровольно лишили себя свободы думать и поступать как личности. Я вернулся в свою лачугу и откупорил бутылку.

Я сидел, пил и думал о самоубийстве. Но я чувствовал странную любовь к своему телу, к своей жизни. Покрытые рубцами и шрамами, они все же были моими. Я посматривал в зеркало и ухмылялся: если уж уходить, так с музыкой — прихватить с собой восемь или десять, или двадцать...

Был субботний декабрьский вечер. Я сидел в комнате и пил более обыкновенного, зажигая сигарету за сигаретой и думая о девушках, о городе, о работе, о грядущем. Мне было совсем не по душе то, что я видел впереди. Я не был ни мизантропом, ни женоненавистником, но мне нравилось одиночество. Хорошо сидеть себе где-нибудь в закутке, курить и попивать. Я всегда был лучшей компанией самому себе.

Тут я услышал радио в соседней комнате. Парень врубил его на полную громкость. Лилась отвратительная слащавая песенка о любви.

— Эй, приятель! — заорал я. — Сделай потише!

Никакого ответа.

Я заколотил по стене.

— Я СКАЗАЛ, СДЕЛАЙ ПОТИШЕ ЭТУ ХУЙНЮ!

Громкость не изменилась.

Я вышел в коридор и подошел к соседней двери. Я был в трусах. От моего удара ногой дверь с треском распахнулась. На кровати старый толстый мужик ебал немолодую жирную бабенку. Горел огарок свечи. Мужик был сверху. Он остановился, повернул голову и посмотрел на меня. Тут же из-под него выглянула и она. Гнездышко было очень мило украшено шторами и небольшим гобеленом.

— Ох, извините...

Я закрыл дверь и ретировался в свою комнату. Я чувствовал себя ужасно. Бедные имеют право ебаться так, как им заблагорассудится. Секс, выпивка и, может быть, любовь — это все, что они имеют.

Я откинулся на своей раскладушке и налил вина. Дверь оставалась открытой. Сквозь нее вместе с лунным светом в комнату проникали звуки города: игровые автоматы, автомобили, проклятия, лай собак, радио... Мы все варимся в одном большом чане с дерьмом. И нет избавления. Мы вместе сходим с круга.

Небольшая кошечка приостановилась у двери и заглянула в комнату. Глаза ее, освещенные луной, горели, как огонь. Чудесные глаза.

— Заходи, киса...

Я протянул руку, как если бы в ней был корм.

— Кис-кис-кис...

Кошка отвернулась и ушла.

Радио в соседней комнате смолкло.

Я допил вино и вышел в коридор, по-прежнему в трусах. Я подтянул их, поправил яйца и подошел к соседской двери. Замок был сломан, и дверь была чем-то подперта, вероятно, стулом.

Я негромко постучал.

Никакого ответа.

Я постучал еще раз.

Что-то зашевелилось. Затем дверь открылась.

Мужичок устало смотрел на меня. На его лице крупными складками висела печаль. От него только и остались-то что брови, усы да два печальных глаза.

— Извините, — сказал я, — ради Бога простите меня за то, что я наделал. Не заглянете ко мне со своей девушкой на пару стаканчиков?

— Нет.

— Может, принести вам чего-нибудь выпить?

— Не надо, — сказал он, — оставьте, пожалуйста, нас в покое. И закрыл дверь.

Я проснулся в наитяжелейшем похмелье. Обычно я спал до полудня. В

этот день не спалось. Я оделся, дошел до ванной в главном здании и совершил там свой утренний туалет. Потом я поднялся по аллее на скалу, а оттуда по лестнице спустился на улицу. Воскресенье — наихудший из всех проклятущих дней. Я шел по Мэйн-стрит мимо баров. Ночные бабочки сидели около входов, задрав высоко юбки и покачивая туфлями на высоких каблуках.

— Эй, милый, заходи!

Мэйн-стрит, Пятая-Ист, Банкер-Хилл — клоаки Америки. Идти было некуда. Я зашел в зал игровых автоматов. Поглазел на игры. Желания играть не было. И тут за пинбол-автоматом я увидел морского пехотинца. Его руки так охватывали бока автомата, будто он пытался членом заслать шар в цель. Я подошел к нему и сграбастал за воротник и ремень.

— Беккер, я требую матч-реванш! Я отпустил его, и он повернулся.

— Нет, не получится, — сказал он.

— Два из трех!

— Да брось ты. Пойдем, я куплю тебе выпить. Мы вышли из зала и пошли вниз по Мэйн-стрит. Бабочка из одного бара закричала:

— Эй, морпех, давай сюда! Беккер остановился.

— Я зайду, — сказал он.

— Не надо, — сказал я, — это же наёбка.

— Я только что получил жалованье.

— Ты чего, не знаешь? Этим девкам наливают чай, а твое пойло разбавляют. Цены — двойные, и ты никогда потом не увидишь ее.

— Я зайду.

Беккер вошел в бар. Один из наилучших неопубликованных авторов Америки, экипированный на убийство и на смерть. Я последовал за ним. Он подошел к одной из девиц и заговорил с ней. Она подтянула юбку, качнула высоким каблуком и засмеялась. Они прошли в кабину в углу зала. Бармен вышел из-за стойки принять заказ. Другая девица в баре посмотрела на меня.

— Эй, дорогуша, не хочешь поиграть?

— Ну, только если это — моя игра.

— Ты что, испугался или больной?

— И то, и другое, — ответил я.

Между нами сидел парень, его голова покоилась на стойке рядом с пустым бумажником. Когда он проснется и начнет жаловаться, бармен или просто вышвырнет его, или сдаст полиции.

Обслужив Беккера с девицей, бармен возвратился за стойку и подошел ко мне.

- Слушаю?
- Ничего не надо.
- Да? А чего ты тогда пришел?
- Я жду моего друга, — кивнул я в сторону кабины.
- Если ты сидишь здесь, значит должен пить.
- Ладно. Воды тогда.

Бармен отошел и вернулся со стаканом воды.

- Четвертак.

Я заплатил.

Девушка в баре заметила:

- Он больной и испуганный.

Бармен ничего не ответил. Беккер махнул ему, и тот опять отправился принимать заказ.

Девушка посмотрела на меня.

- А что это ты не в форме?
- Мне не нравится одеваться, как все.
- А каких-нибудь других причин нет?
- Другие причины — это мое собственное дело.
- Да пошел ты! — сказала она. Бармен возвратился.
- Тебе нужна еще порция.
- Неси, — сказал я и заслал ему по стойке еще четвертак.

Потом мы с Беккером фланировали по Мэйн-стрит.

- Ну как прошло? — спросил я.
- За стол плюс два напитка — тридцать два бакса.
- Ё-мое! Я мог бы жить две недели на эти деньги.
- Она дрочила у меня под столом.
- А что она говорила?
- Ничего. Только дрочила.
- Я бы лучше сам себе подрочил и сохранил тридцать два доллара.
- Она была так красива...
- Боже правый! Я иду в ногу с полным идиотом.
- Когда-нибудь я опишу все это. На библиотечных полках появится:

Беккер. «Путаны тоже люди, им нужна помощь».

- Ты слишком много болтаешь о писательстве, — сказал я.

Около автовокзала мы зашли в еще один бар. Место было тихое. Владелец бара и пять-шесть пассажиров, все мужчины. Мы с Беккером сели.

- Я плачу, — сказал Беккер.
- Пива.

Беккер заказал две бутылки Истсайда и посмотрел на меня.

— Давай с нами в морпех, будь мужчиной.

— Я не испытываю никакого вожделения стать мужчиной.

— А мне казалось, что ты всегда сам лезешь в драку.

— Это только для развлечения.

— Давай! Будет о чем написать.

— Беккер, писать всегда есть о чем.

— Ну, и что ты собираешься делать? Я указал на бутылку и поднял ее.

— А на что ты будешь жить?

— Мне кажется, этот вопрос я слышу всю мою жизнь.

— Ну, не знаю как ты, а я собираюсь испытать все! Война, женщины, путешествия, женитьба, дети, разные работы. Первый свой автомобиль я соберу из запчастей! Я хочу знать все о вещах, о том, что заставляет их работать! Я хотел бы быть корреспондентом в Вашингтоне. Я хочу быть там, где случаются большие события.

— Вашингтон — дерьмо, Беккер.

— А женщины? Брак? Дети?

— Дерьмо.

— Да? Ну хорошо, а ты чего хочешь?

— Спрятаться.

— Бедный ебанатик. Тебе надо еще пива.

— Правильно.

Добавили.

Мне казалось, что Беккер не совсем в себе с его надеждами стать морским пехотинцем, писателем, получить все от этой жизни. Возможно, он станет хорошим писателем. Энтузиазм распирал его. Похоже, он на самом деле любил многие вещи: орлиный полет, океан, полную луну, Бальзака, мосты, спектакли, Пулитцеровскую премию, фортепиано и эту проклятую Библию.

В баре было радио. Звучала популярная песня. Неожиданно песня прервалась. Диктор объявил:

«Мы получили экстренное сообщение. Японцы нанесли бомбовый удар по бухте Перл-Харбор. Повторяю: японцы только что нанесли бомбовый удар по бухте Перл-Харбор. Всему военному персоналу приказано срочно возвратиться на свои базы!»

Мы посмотрели друг на друга, едва в состоянии оценить только что услышанное.

— Ну, — сказал Беккер тихо, — вот и все.

— Допивай пиво, — сказал я ему. Беккер ударил по стойке.

— Господи, а что если какой-нибудь сукин сын направит автомат на меня и нажмет спусковой крючок?

— Все может быть.

— Хэнк...

— Что?

— Поехали прокатимся на автобусе со мной до базы?

— Нет, я не могу.

Толстомясый бармен лет 45 с мутными глазами подошел к нам. Он посмотрел на Беккера.

— Ну что, морпех, пришла пора возвращаться на базу, да? Это меня задело.

— Эй ты, жиртрест, дай человеку спокойно допить свое пиво, понятно?

— Конечно, конечно... Хочешь на дорожку еще, моряк? Как насчет стаканчика хорошего виски?

— Нет, — отказался Беккер, — не надо, спасибо.

— Бери, бери, — сказал я Беккеру. — Он рассчитывает, что ты умрешь, защищая его бар.

— Ладно, — согласился Беккер, — я выпью. Бармен посмотрел на своего защитника.

— У вас скверный друг...

— Дай ему виски, — прервал я его.

Посетители яростно обсуждали случившееся в Перл-Харборе. До этого они не проронили ни слова, но теперь оживились. Племя было в опасности.

Беккер взял свой двойной виски и выпил его залпом.

— Я никогда не говорил тебе, — неожиданно признался Беккер. — Я — сирота.

— Черт!

— Ну, так ты проводишь меня до автовокзала?

— Конечно.

Мы встали и направились к двери.

Бармен нервно потирал руки о смятый фартук.

— Удачи тебе, морпех! — закричал он.

Беккер вышел. Я остановился у двери и глянул на бармена.

— Первая Мировая Война, да?

— Да-а, — сказал он счастливо.

Я нагнал Беккера. Мы почти бегом прискакали к автовокзалу. Начали прибывать и другие военнослужащие в форме. Все были возбуждены.

Мимо пробежал моряк.

— Я ПЕРЕБЬЮ ВСЕХ ЭТИХ ЯПОШЕК! — вопил он.

Беккер стоял в очереди за билетом. Я поджидал его в стороне. Один из военнослужащих был с подругой. Девушка говорила что-то, плакала, висла на нем и целовала. У бедного Беккера был только я. Ожидание было долгим. Ко мне подошел моряк, который собирался стереть япошек с лица земли.

— Эй, парень, а ты что — не собираешься помогать нам? Что ты там встал? Почему не подходишь и не записываешься?

От него несло виски. Большой нос был усеян веснушками.

— Ты прозеваешь свой автобус, — сказал я ему.

Он направился к месту отправления автобуса и загорланил:

— Ебал я этих сраных япошек!

Наконец Беккер получил билет. Я проводил его до автобуса. Он встал в очередь на посадку.

— Ну что, напутствие? — спросил он.

— Нет.

Очередь двигалась медленно. Девушка все плакала и что-то торопливо говорила своему солдатику.

Беккер был у дверей. Я ткнул его в плечо.

— Ты лучший из всех, кого я знал.

— Спасибо, Хэнк...

— Счастливо...

Я брел обратно по Мэйн-стрит. На улице было на редкость полно машин. Нетерпеливые водители орали друг на друга на перекрестках. Америка была в состоянии войны. Я посмотрел в бумажник:

доллар и 67 центов мелочи.

У баров стало значительно меньше путан. Я зашел в зал игровых автоматов. Там никого не было. Только хозяин в своей кабинке. Темно и воняло мочой.

Я прошелся по проходу вдоль разбитых автоматов и остановился у боксерского, моего любимого. Два небольших железных человечка с кнопками на подбородках стояли в стеклянной клетке. Две рукоятки с курками, похожие на пистолетные, управляли бойцами. Когда вы нажимали на курок, боец наносил противнику яростный апперкот. Рукояткой можно было перемещать бойца из стороны в сторону. Если вы попадали в кнопку на подбородке противника, тот с грохотом валился на спину. Помнится, когда я был пацаном, и Макс Шмеллинг нокаутировал Джо Луиса, я выскочил на улицу и заорал:

— Эй, Макс Шмеллинг нокаутировал Джо Луиса!

Но никто из моих приятелей не ответил мне, никто не сказал ни слова. Все, понутив головы, отходили прочь.

Чтобы сразиться на ринге, нужен был второй, но я не собирался играть с извращением, который владел заведением. Тут я заметил мальчугана-мексиканца, восьми-девяти лет. Он шел по проходу вдоль автоматов. Симпатичный смышленный мексиканский мальчик.

— Эй, дружок.

— Да, мистер.

— Хочешь сыграть в бокс со мной?

— Бесплатно?

— Конечно. Я плачу. Выбирай себе бойца.

Он стал кружить вокруг автомата, сверля взглядом стекло. Он выглядел очень серьезным. Затем мальчуган сказал:

— Я возьму парня в красных трусах. Он выглядит лучше.

— Хорошо.

Парнишка взялся за рукоятку и испытал своего бойца. Потом он посмотрел на меня.

— Мистер, а вы знаете, что там уже война?

— Да.

Мы постояли.

— Вы должны опустить монету, — сообщил мальчуган.

— А ты что делаешь здесь? — спросил я его. — Почему ты не в школе?

— Сегодня же воскресенье.

Я опустил десятицентовик в автомат, и мы начали. Пацан сделал плохой выбор. Левая рука его бойца была сломана и не могла достать до подбородка моего боксера. В распоряжении парня была одна правая. Я решил потянуть время. Мой боец был в синих трусах. Я двигал его туда-сюда, делая внезапные выпады. Мексикашка был великолепен, он продолжал сражаться. Он отказался от удара слева и работал только правой. Наконец я бросил синие трусы в яростную атаку, работая обоими курками на рукоятках. Пацан защищался только правой. Вдруг синетрусый с металлическим лязгом рухнул на жопу.

— Нокаут, мистер, — пояснил пацан.

— Ты победил, — сказал я.

Малыш был возбужден. Он неотрывно смотрел на поверженного.

— Хотите еще сыграть, мистер?

Я молчал, не знаю, почему.

— У вас нет денег, мистер?

— Да нет, есть...

— Тогда играем еще.

Я опустил еще монету, и «синие трусы» вскочил на ноги. Пацан начал суматошно давить курок на рукоятке, и праворукий пошел в атаку. Я уклонялся от ударов некоторое время и собирался с мыслями, затем неожиданно контратаковал, выбросив вперед оба кулака. Я чувствовал, что должен выиграть. Это было очень важно для меня. Я не знал, почему, но так мне казалось, и я неотступно думал об этом. Что-то подсказывало мне, что надо во что бы то ни стало победить.

Синие трусы все с тем же металлическим лязгом грохнулись на зеленый ринг. Сраженный боец лежал на спине, беспомощно задрав ноги.

Я посмотрел на него, отвернулся и пошел прочь.